

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XII Международной
научно-практической конференции

(Могилев, 19 апреля 2024 года)

[Начать просмотр](#)

Могилев
2024

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XII Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 19 апреля 2024 года)

Научное электронное текстовое издание

1 электронный оптический диск (CD-R)

Могилев
Могилевский институт МВД
2024

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2024

ISBN 978-985-589-096-7

[Перейти к сведениям об издании 1 2 3](#)

[Перейти к статьям](#)

УДК 343(082)
ББК 67.48

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Научное электронное текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Б84 **Борьба с преступностью: теория и практика** [Электронный ресурс] : тезисы докладов XII Международной научно-практической конференции (Могилев, 19 апреля 2024 года) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: А. В. Лубенков (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2024. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-096-7.

В сборник вошли тезисы докладов участников XII Международной научно-практической конференции «Борьба с преступностью: теория и практика» (Могилев, 19 апреля 2024 года) по актуальным проблемам совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности.

Может быть полезен научным работникам, преподавателям, адъюнктам (аспирантам) и курсантам (студентам), а также практическим работникам.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2024

[Перейти к сведениям об издании 2 3](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к статьям](#)

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XII Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 19 апреля 2024 года)

Научное электронное текстовое издание

Редакционная коллегия:

Лубенков А. В., начальник кафедры административной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент (ответственный редактор);

Вишневская Т. И., начальник кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД, кандидат юридических наук;

Демидова И. А., профессор кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

Лаппо Е. А., начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент;

Свиридов Д. А., начальник кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 3](#)

[Перейти к статьям](#)

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XII Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 19 апреля 2024 года)

Рецензенты:

профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений
Омской академии МВД России,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор *В. В. Бабурин*;
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук *Р. Н. Кучмезов*

Сведения о программном обеспечении:

программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Internet Explorer 8.0 и выше, Mozilla Firefox;
Adobe Flash Player.

Минимальные системные требования:

Windows: Процессор: 2.33 GHz, Intel® Atom 1.6 GHz.

ОС: Microsoft Windows XP SP3 (32-bit), Windows Vista (32-bit), Windows 7, Windows 8
или Windows 10.

Оперативная память: 512 Мб (1 GB рекомендуется для нетбуков). Память для видеокарты: 128 Мб.

Mac OS: Процессор: Intel Core Duo 1.83 GHz. ОС: Mac OS X v10.6 и более поздние версии.

Браузер: последние версии Safari, Mozilla Firefox, Google Chrome, Opera.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Linux: Процессор: 2.33 GHz, Intel Atom 1.6 GHz. ОС: Red Hat Enterprise Linux (RHEL) 5.6 и старше,
openSUSE 11.3 и старше или Ubuntu 10.04 и старше. Браузер: последние версии Firefox.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Редактор технический *Е. И. Дзен*

Корректоры: *Н. П. Ковалькова, Т. Ю. Лухтанова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 07.05.2024.

Тираж 10 экз. Объем 149 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Заказ № 3.

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)

[Перейти к статьям](#)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.2

О. И. Бахур

*начальник кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

НОВЕЛЛЫ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ БЕЛАРУСИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИЕ УСИЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДЛЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

В современном обществе права и интересы ребенка, его гармоничное развитие являются одной из наивысших ценностей. Соответственно, приоритетной задачей государства является их обеспечение и защита. В уголовно-правовой политике Республики Беларусь тренд на охрану жизни, здоровья, половой неприкосновенности и других прав детей является ярко выраженным. Наибольшее беспокойство в рассматриваемом контексте вызывает такой вид сексуальных преступлений, как педофилия. Этот вид преступности характеризуется высоким уровнем латентности. Зачастую такого рода преступления скрываются потерпевшими и их близкими из-за психологических особенностей детей, чувства стыда и страха огласки, опасений возможного еще большего травмирования психики детей в ходе разбирательства. С этим связаны трудности в пресечении, предупреждении и раскрытии сексуальных преступлений против детей.

Вместе с тем в обществе существует четкий запрос на эффективное предупреждение, быстрое пресечение этих преступлений правоохранными органами, привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, их наказание и, что немаловажно, недопущение рецидива таких деяний.

Сегодня в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) сформирована система достаточно строгих уголовно-правовых средств борьбы с педофилией [1]. Январские изменения 2024 г. в УК также направлены на искоренение педофилии и призваны обеспечить предупреждение рецидива таких преступлений.

Законом Республики Беларусь от 08.01.2024 № 349-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» были внесены поправки в УК, среди прочего касающиеся усиления предупредительных мер в отношении лиц с расстройством сексуального предпочтения (педофилов), предотвращения

возможного рецидива с их стороны. За исключением отдельных положений изменения в УК, предусмотренные указанным законом, вступают в силу 12 июля 2024 года [2].

Так, были предусмотрены изменения в регламентации обязанностей, которые определяются судом при осуждении лица с применением таких мер уголовной ответственности, как осуждение с отсрочкой исполнения наказания и осуждение с условным неприменением наказания. В частности, в ч. 4 ст. 77 УК и ч. 5 ст. 78 УК среди прочего указывается, что суд может обязать осужденного пройти курс лечения от педофилии.

Тут необходимо отметить, что, в соответствии с Международной классификацией болезней десятого пересмотра (МКБ-10), педофилия включена в перечень болезней как вариант психического расстройства. Общие критерии для постановки диагноза «педофилия» определяют, что у лица должны быть необычные сексуальные побуждения, фантазии, которые причиняют ему дистресс, или оно действует в соответствии с ними, и которые длятся не менее 6 месяцев. При этом у лица должно быть сексуальное предпочтение детей (в соответствии с МКБ-10 ребенок, потерпевший от преступлений педофильной направленности, как правило, находится в препубертатном или раннем пубертатном возрасте), а его возраст — не менее 16 лет [3].

В соответствии с изменениями в ст. 80 УК превентивный надзор после освобождения из исправительного учреждения в обязательном порядке устанавливается за лицом, судимым за совершенные по достижении восемнадцатилетнего возраста преступления, предусмотренные статьями 166–170 УК и 343¹ УК, в отношении малолетнего (малолетней) до погашения или снятия судимости. При этом указанное лицо обязано являться в организацию здравоохранения для прохождения принудительного лечения, назначенного в соответствии со ст. 107 УК «Применение принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией или педофилией», и выполнять мероприятия, предусмотренные в рамках диспансерного наблюдения при прохождении такого лечения (п. 6 ч. 8 ст. 80 УК) [2].

Если указанное лицо, судимое за тяжкое или особо тяжкое преступление, в период нахождения под превентивным надзором соблюдало требования превентивного надзора и не совершало преступлений и административных правонарушений, то превентивный надзор может быть прекращен досрочно по соответствующему представлению органа внутренних дел, однако не ранее как по истечении трех лет после отбытия им наказания в виде лишения свободы.

В соответствии с Законом № 349-З, в случае совершения в отношении малолетнего (малолетней) преступлений сексуальной направленности, предусмотренных статьями 166–170 УК и 343¹ УК, лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, страдающими педофилией, судом наряду с наказанием могут быть назначены и принудительные меры безопасности и лечения (п. 2 ч. 3 ст. 100 УК, ст. 107 УК) [2]. Применяются указанные меры для лечения и создания условий, способствующих достижению целей уголовной ответственности. Вместе с тем, по нашему мнению, данное положение является дискуссионным, поскольку из него вытекает, что совершеннолетние лица, страдающие педофилией и совершившие указанные выше преступления в отношении лиц в возрасте от 14 до 16 лет, по мнению законодателя, в принудительных мерах медицинского характера не нуждаются. При этом в Беларуси установлен возраст 16 лет в качестве минимального возраста для согласия на вступление в гетеросексуальные половые отношения, если один из участников сексуальных отношений является совершеннолетним.

Следовательно, несовершеннолетние лица до 16 лет обладают половой неприкосновенностью, и это необходимо учитывать при конструировании уголовно-правовых норм, направленных на предупреждение преступлений, связанных с педофилией.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2024 г., № 349-З : [вступает в силу 12.07.2024 г.]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. МКБ 10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра [Электронный ресурс] // Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, онлайн версия. URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4358> (дата обращения: 13.02.2024). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

УДК 343.337.5

О. Ф. Воснякова

*старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕНОЦИД В КОНТЕКСТЕ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

В условиях современной геополитической напряженности, сложившейся в мире, как никогда остро встает вопрос о национальной безопасности нашего государства. Одной из важнейших ее составляющих выступает социальная безопасность, обеспечивающая, в том числе, и сбережение духовно-нравственных ценностей белорусского народа. В проекте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь к числу стратегических национальных интересов отнесены сохранение самобытности, укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие современного культурного пространства страны, защита исторической памяти [1].

История свидетельствует о том, что уничтожение культурного наследия нации является составной частью политики геноцида. Поэтому, говоря о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, нельзя оставить без внимания такую его форму, как культурный геноцид. Нацисты варварски уничтожали наши культурные, исторические и научные ценности. Были разрушены Академия наук, Белорусский государственный университет и все другие высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, 7 000 школьных зданий, 2 187 больниц и амбулаторий, 2 567 детских садов и яслей, 219 библиотек [2]. В состав немецких воинских частей входили спецподразделения, которые в архивах, музеях, библиотеках, научных учреждениях осуществляли поиск культурных ценностей, которые впоследствии были вывезены в Германию. К сожалению, многие из них в послевоенные годы так и не были возвращены нашему государству.

Как известно, впервые понятие «геноцид» в 1943 г. сформулировал Рафаэль Лемкин применительно к уничтожению нацистами еврейского населения в европейских странах. Он рассматривал различные виды геноцида, из которых наиболее значимыми считал не только биологический и физический, но и культурный геноцид, выражающийся в уничтожении культурных ценностей, языка и религиозных традиций.

В 1948 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Конвенцию о предупреждении геноцида и наказании за него, согласно

которой геноцид рассматривался как полное или частичное уничтожение какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Термин «культурный геноцид» в конвенции не использовался, хотя в ее проекте этой форме геноцида был посвящен целый раздел [3].

Вновь этот термин используется в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 1994 года, но без его конкретного определения.

Таким образом, на сегодняшний день в международном праве отсутствует законодательное определение культурного геноцида. Вместе с тем исследователи этой проблемы обозначают этим термином уничтожение культурного наследия народа, выражающееся в уничтожении памятников культуры, репрессиях представителей национальной интеллигенции, создании условий, при которых нация утрачивает свою национальную и культурную идентичность. Такие действия совершались и в отношении белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Без сомнения, они получают должную правовую оценку в ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа, которое осуществляется Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в настоящее время.

Возникает вопрос: как соотнести понятие культурного геноцида с понятием геноцида в современном белорусском уголовном законодательстве? Обратимся к содержанию ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), предусматривающей ответственность за геноцид. По мнению автора, объективная сторона этого преступления включает в себя действия, которые по своему содержанию можно рассматривать, прежде всего, как физический и биологический геноцид: убийство членов определенной группы либо причинение им тяжких телесных повреждений, умышленное создание условий, которые должны привести к физическому уничтожению такой группы, воспрепятствование в ней деторождению [4].

Вместе с тем передачу детей из одной этнической группы в другую уместно рассматривать как культурный геноцид, так как наряду с запретом на использование родного языка, разрушением исторического, религиозного и культурного наследия, как справедливо отмечал Р. Лемкин, по существу уничтожается традиционная идентичность той или иной группы людей, целой нации [5].

В этой связи заслуживают внимания предложения ввести в уголовное законодательство понятие культурного геноцида, подразумевающее насильственное лишение или ограничение культурных прав и свобод какой-либо социальной группы в целях уничтожения ее культуры.

Очевидно, что различные формы геноцида находятся в неразрывном единстве и направлены на полное или частичное уничтожение той или иной группы на основе различных критериев. История свидетельствует о том, что нередко сожжение книг, уничтожение исторических памятников предшествовали физическому уничтожению людей. Поэтому представляется актуальным предупреждение и пресечение подобных действий.

По нашему мнению, дополнение уголовного законодательства в отношении такого преступления, как геноцид, может быть в двух вариантах:

- путем расширения круга деяний, образующих объективную сторону геноцида, включив в их число культурный геноцид в качестве иных действий, направленных на полное или частичное уничтожение указанных в этой статье групп;
- путем введения в УК самостоятельной уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за культурный геноцид.

При любом из этих вариантов необходимо, на наш взгляд, сформировать концептуальный подход в определении понятия «культурный геноцид» в уголовном праве Республики Беларусь.

Список основных источников

1. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Геноцид белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Информационный материал Института истории НАН Беларуси [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет физической культуры. URL: <https://www.sportedu.by/s-10-11-22-po-09-12-22-na-territorii-centralnogo-raiona-prohodit-akciya-vspomnit-vse-pomnit-kazhdogo/> (дата обращения: 12.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. О ратификации Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 5 июня 1954 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Культурный геноцид — преступление против человечества! Итоги симпозиума [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/3208597> (дата обращения: 12.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.241

Р. С. Вульвач

*преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ШТРАФА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Поднятый на совещании 11 января 2024 года Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко вопрос о неукоснительном соблюдении принципа справедливости во всех сферах деятельности государственных органов, в том числе и в рамках реализации уголовной политики нашего государства, поставил перед учеными-правоведами и правоприменителями задачу анализа норм действующего уголовного законодательства нашей республики и выработки механизмов их совершенствования с целью формирования такой уголовно-правовой системы, когда справедливость будет выступать ключевой категорией, на которой базируется и уголовный закон, и практика его применения. Отправной точкой предлагаемой дискуссии, по мнению Президента, должна стать та криминогенная обстановка, которая складывается в нашей стране на сегодняшний день и которая характеризуется нормальным течением дел и отсутствием чрезвычайных ситуаций [1].

При этом особую актуальность в процессе реформирования уголовного законодательства приобретает вопрос об установлении сбалансированности между деянием, признаваемым преступлением, и той мерой наказания, которая устанавливается законом за его совершение.

В данной работе в указанном контексте будет проанализирован такой вид наказания, как штраф, который, по мнению автора, несмотря на то, что является наказанием имущественного характера, включает в себя существенную карательную составляющую.

Исходя из законодательной регламентации, штраф рассматривается как наказание, сопряженное с денежным взысканием, которое может быть назначено судом в тех случаях, когда это предусмотрено в нормах уголовного закона. При этом следует отметить, что назначение штрафа возможно как в виде основного, так и дополнительного наказания. Выступая в качестве основного наказания, штраф назначается не только в соответствии с санкцией соответствующей статьи, но также может быть применен и на основании ст. 70 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) при назначении более мягкого наказания, чем то предусмотрено непосредственно законом, а также

согласно положениям ст. 91 УК — при замене неотбытой части наказания более мягким. Относительно дополнительного наказания в виде штрафа законодательное закрепление нашло требование о возможности назначения его только в тех случаях, когда это прямо прописано в санкции той статьи уголовного закона, которая устанавливает ответственность за совершенное преступление.

В рамках рассмотрения вопроса о совершенствовании белорусского уголовного законодательства с целью достижения максимальной реализации принципа справедливости при назначении наказания следует отметить, что включение в санкции ряда статей Особенной части ныне действующего УК такого наказания, как штраф, позволило бы исключить отдельные, имеющие место правовые ограничения, связанные с возможностью применения к ряду осужденных наказания, основываясь именно на принципе справедливости.

В частности, это имеет существенное значение при осуждении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающим постоянно в Республике Беларусь, совершивших преступление на ее территории. Прежде всего это касается совершения преступлений, санкции которых включают альтернативные виды наказания, где, наряду с лишением свободы на определенный срок, также предусмотрены наказания в виде общественных работ, исправительных работ или ограничения свободы (к примеру, ст. 143, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 147, ч. 2 ст. 214, ч. 1 ст. 221 УК и др.). Такой подход представляется обоснованным, поскольку, согласно нормам ст. 49, 52 и 55 УК, к данным лицам не могут быть применены в качестве наказания ни общественные, ни исправительные работы, ни ограничение свободы [2]. Так, если подобное преступление совершено гражданином Республики Беларусь или лицом без гражданства, постоянно проживающим в республике, суд вправе назначить ему любое из альтернативных наказаний, указанных в санкции статьи, либо при соблюдении определенных условий применить к ним ст. 77, 78 УК. В то время, как в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Республике Беларусь, возможно назначение наказания только в виде лишения свободы на определенный срок, что, по мнению автора, не в полной мере отвечает принципу справедливости при назначении наказания.

Предлагая к рассмотрению вопрос о значительном увеличении количества статей Особенной части УК Республики Беларусь, в санкции которых должен быть включен штраф в качестве одного из основных видов наказания, представляется возможным, в рамках данной статьи, обратить внимание и на необходимость совершенствования законодательной регламентации

правовых подходов, связанных с определением размера штрафа, устанавливаемого за совершение того или иного преступления.

Так, действующее уголовное законодательство нашего государства, регламентируя порядок определения размера штрафа, указывает на необходимость при постановлении приговора учитывать два аспекта, а именно общественную опасность содеянного и материальное положение осуждаемого лица. При этом размер штрафа основывается на размере базовой величины и по общему правилу может быть назначен в рамках от тридцати до тысячи базовых величин (далее — БВ).

В то же время, по мнению автора, законодателем обоснованно предусмотрено исключение из данного правила при совершении отдельных видов преступлений, которые посягают на порядок осуществления экономической деятельности или же они направлены против интересов службы. В подобных случаях штраф назначается в пределах от трехсот БВ до пяти тысяч. Помимо этого, в ч. 2 ст. 50 УК закреплен исчерпывающий перечень тех преступлений, за совершение которых предусмотрена возможность назначения штрафа в пределах от пятисот до пятидесяти тысяч БВ [2].

Дополнительным правовым ограничением, установленным в законе относительно определения размера уголовного штрафа, является строгая регламентация его применения при совершении преступлений, содержащих административную преюдицию. В данном случае уголовный штраф не должен быть меньше максимального размера административного штрафа.

По мнению автора, помимо уже имеющихся и рассмотренных критериев, положенных в основу определения размера уголовно-правового штрафа, на законодательном уровне должны быть выработаны и иные подходы, которые способствовали бы установлению паритета между преступлением и следуемым за ним наказанием в виде штрафа. Одним из направлений в решении поставленных задач может выступать правовое закрепление градации размера штрафа в зависимости от категории совершаемого преступления в соответствии с положениями ст. 12 УК.

Таким образом, по мнению автора, на современном этапе развития нашего общества представляется возможным вести речь о необходимости и целесообразности рассмотрения на законодательном уровне вопроса о включении в санкции ряда статей Особенной части УК штрафа в качестве одного из основных видов наказания в целях реализации принципа справедливости при назначении наказания для каждого виновного лица.

Список основных источников

1. «Кого мы задерживаем? Кого осуждаем?» Лукашенко поднял вопрос справедливости мер уголовного наказания [Электронный ресурс] // БЕЛТА — Новости Беларуси. URL: <https://www.belta.by/president/view/kogo-my-zaderzhivaem-kogo-osuzhdaem-lukashenko-podnjaj-vopros-spravedlivosti-mer-ugolovnogo-nakazaniya-609354-2024/> (дата обращения: 25.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.7

С. М. Голятина

*старший преподаватель кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

ИНФОЦЫГАНСТВО: НОВЫЙ ВИД СТАРОГО МОШЕННИЧЕСТВА?

В 2023 г. интернет-пространство потрясли несколько новостей. В марте Федеральная налоговая служба насчитала блогерам Лерчек (Валерии) и Артему Чекалиным долг на сумму более 300 млн руб. В апреле аналогичная ситуация произошла с «королевой марафонов» Еленой Блиновской, сумма ее долга составила более 918 млн руб. В ноябре блогеру-миллионнику и автору бизнес-тренингов Аязу Шабутдинову было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, — мошенничества в особо крупном размере. Все названные лица обрели славу за счет проведения в Интернете марафонов и тренингов по похудению, загадыванию желаний, ведению бизнеса. «Они обещают за небольшую плату раскрыть секрет успешной жизни и богатства, но по факту их продукты часто состоят из информации, которую можно найти по первым ссылкам в Интернете. Вместо конкретных знаний они обращаются к эзотерическим или психологическим практикам, рассказывают, как нужно ставить цели, быть уверенным в себе...» [1]. Сегодня таких коучей именуют «продавцами воздуха» или «инфоцыганами».

Слово «инфоцыганство» возникло в русском языке сравнительно недавно: поисковая система Google датирует его декабрем 2016 г. Само это явление получило широкое распространение в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и действия связанных с ней ограничительных мер, когда вся жизнь общества перетекла из оффлайна в онлайн, однако его зачатки дали знать о себе значительно раньше: в 1990-е гг. отечественные телеканалы вели трансляции чудодейственных сеансов, во время которых экстрасенсы и психотерапевты делали эффектные движения руками и заряжали своей энергией воду, фотографии и т. д. либо пытались влиять на зрителей одним только взглядом. Аудитория таких сеансов насчитывала несколько миллионов человек, но тогда с нее не требовали денег. Сейчас ситуация складывается иначе. Так, участие в «марафоне желаний» обойдется пользователю примерно в 4 500 руб., но эта сумма может вырасти до 200–300 тыс., если рядом с ним будет опытный

наставник, знающий, как правильно оформить посыл во Вселенную, чтобы она услышала и исполнила задуманное.

Сегодня основная претензия к инфоцыганам состоит в том, что их деятельность очень напоминает мошенничество, ибо они обманывают людей, чтобы те заплатили им как можно больше денег. В чем же заключается этот обман? Во-первых, инфоцыган не дает никаких реальных знаний. Во-вторых, много вопросов вызывает его личность: часто это человек, не имеющий реального опыта создания и руководства каким-либо бизнесом, кроме, разумеется, инфоцыганского. В-третьих, у такого коуча нет документально подтвержденной базы результатов его деятельности [2], следовательно, она выглядит весьма сомнительной. С приведенными тезисами спорят защитники инфоцыган, утверждая, что те продают не знания и навыки, а интерактивное шоу, в котором именно пользователь играет главную роль, а такое развлечение дорого стоит, поэтому человек платит не за образовательную услугу, а за внимание к своей персоне.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48, «обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях..., направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение» [3]. Далее Пленум разъясняет, что под злоупотреблением доверием понимается «использование в корыстных целях доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решение о передаче этого имущества третьим лицам... принятие на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него» [3].

Инфоцыгане являются инфлюенсерами — лидерами мнений, теми людьми, к которым прислушиваются, на кого ориентируются, за кем повторяют, кому доверяют. Уровень благосклонности аудитории к ним очень высок, следовательно, им так легко убедить ее в чем-либо. Однако они никогда не обещают ничего конкретного и не берут на себя никаких обязательств, оставляя всю ответственность за неисполнение желания, отсутствие результата при похудении и т. д. на самом пользователе. Таким образом, инфоцыган, которые по своей сути являются мошенниками, трудно привлечь к уголовной ответственности за совершение мошенничества.

Список основных источников

1. Инфоцыгане: кто это и как распознать псевдотренеров по красивой жизни [Электронный ресурс] // АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/64ae5d079a794759d8f28a60> (дата обращения: 04.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Три признака, что вас разводит «инфоцыган» или коуч. Юристы все объяснили [Электронный ресурс] // АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ». URL: <https://www.rbc.ru/life/news/641458489a79477d08bc38f8> (дата обращения: 04.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 30 ноября 2017 г., № 48 : с изм. и доп. от 15.12.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3

*Д. В. Грузинский**адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

С целью наиболее емкой систематизации исторических периодов, процессы которых повлияли на законотворческую деятельность, представляется целесообразным придерживаться ряда периодов, включающих период раннего феодализма (IX–XIII вв.), совпадающий с периодом существования Киевской Руси, периоды Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) и Речи Посполитой (XIII–XVIII вв.), период Российской империи (1795–1917 гг.), Советский период (1917–1991 гг.) и современный период (с 1991 г. до настоящего времени).

В период раннего феодализма на территории современной Беларуси распространяла свое действие Русская Правда, древнейшие списки которой датированы 1016 г. и именуются Правдой Ярослава или Древнейшей Правдой. Уже в этом памятнике права имелся полноценный блок статей, предусматривающий ответственность за посягательство на представителей княжеской власти, что указывает на социальную потребность в повышенной уголовно-правовой охране управленческого аппарата. Принимая во внимание уровень существовавшей на то время юридической техники, формирование норм по казуальному принципу об ответственности за посягательство на представителей власти свидетельствовало о первой попытке формулирования уголовно-правового института охраны представителей власти.

Зародившийся институт уголовно-правовой охраны представителей власти продолжил свое формирование в Пространной редакции Русской Правды (XIII–XV вв.). Одной из новелл данного акта являлось появление термина «княж муж», который в нормах об ответственности за рассматриваемые виды преступлений в качестве потерпевших указывал на представителей княжеской власти. Ощутимым изменениям подверглись нормы, закрепляющие уголовно-правовые запреты за посягательства на жизнь представителей княжеской власти. Так, в ст. 3 Пространной редакции Русской Правды появилось понятие убийства «княжа мужа» в «разбое» при осуществлении им служебных полномочий, за что предусматривалась ответственность в виде штрафа в размере 80 гривен.

С вхождением территории современной Республики Беларусь в состав ВКЛ начинается свой отсчет период ВКЛ и Речи Посполитой. Появились и новые памятники права. Уже в первом для ВКЛ общегосударственном кодифицированном памятнике права — Судебнике Казимира 1468 г. — закреплялись отдельные виды преступлений против феодальной собственности и против представителей власти, а также устанавливалась соответствующая ответственность за их совершение.

С появлением таких фундаментальных памятников права XVI в., как Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., национальное уголовное законодательство обрело новый импульс для своего дальнейшего развития.

Примечательным в Статуте ВКЛ 1529 г. в рамках заявленной темы является тот факт, что, в случае совершения убийства шляхтича (лица, которыми могли являться представители правоохранительных органов), размер «головщины» (компенсации в целях возмещения ущерба) составлял 100 коп., что в 10 раз больше, чем за убийство крестьянина.

Статут ВКЛ 1566 г., в сравнении со Статутом ВКЛ 1529 г., отличается улучшенной систематизацией норм. В этой редакции основополагающие принципы права исследуемого исторического периода представлены в самом начале памятника права, а нормы уголовного права последовательно закреплены в главах 11–14.

Статут ВКЛ 1588 г. продолжил кодификацию национального уголовного законодательства. С учетом дополнения общего количества артикулов, содержащихся в прежних редакциях Статутов, в Статуте ВКЛ 1588 г., уголовно-правовые нормы теперь содержались в главах 13–14 и регламентировали ряд новелл: закрепление таких принципов, как равенство всех перед законом независимо от сословной принадлежности обвиняемого, неотвратимость наказания и привлечение к ответственности только в судебном порядке. О высокой проработанности норм Статута ВКЛ 1588 г. свидетельствовало то, что отдельные из них действовали на территории современной Беларуси вплоть до 1840 г.

После разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг. территория современной Беларуси вошла в состав Российской империи.

На формирование национального уголовного законодательства значительное влияние оказало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которым ответственность за посягательства на представителей власти закреплялась в разделе 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления». Анализ норм Уложения 1845 г. свидетельствует, что известные современному законодательству формы противоправных деяний, предусматривающих ответственность за сопротивление, посягательства на здоровье, честь и

достоинство представителей власти при осуществлении ими своих полномочий, в рассматриваемый период были достаточно детально сформулированы. За их совершение предусматривались строгие санкции. Вместе с тем нормы об ответственности за убийство представителя власти при осуществлении им своих полномочий законодатель не выделял, что свидетельствовало о квалификации таких деяний по статьям об ответственности за преступление против личности.

Началом Советского периода принято считать 1917 г. Приход к власти большевиков в этом году дал толчок дальнейшему развитию уголовно-правовых норм. В первом Уголовном кодексе (далее — УК) 1922 г. нормы, обеспечивающие уголовно-правовую охрану управленческой деятельности представителей власти, были сосредоточены во втором разделе главы 1 «О преступлениях против порядка управления». Содержание термина «сопротивление представителю власти», закрепленное в ст. 86 УК 1922 г., включало в себя не только противодействие потерпевшему с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, но и ненасильственное сопротивление, а также действия, сопряженные с убийством данного лица или причинением вреда его здоровью. Устанавливалась наказуемость принуждения представителя власти к выполнению явно незаконных действий. Указанный состав преступления устанавливал ответственность, если представитель власти находился при исполнении должностных обязанностей.

Принятие УК БССР 1960 г. внесло существенные новеллы в уголовное законодательство, некоторые из которых используются в уголовных кодексах стран бывшего СССР до настоящего времени практически в неизменном виде. В частности, сделана попытка очертить круг потерпевших, к которым законодатель отнес «работника милиции», «военнослужащего» и «народного дружинника». Определены и основные виды противоправных деяний в отношении данных потерпевших как представителей государства — посягательство на жизнь работника милиции (ст. 189¹), угроза или насилие (ст. 189), оскорбление (ст. 188, позже — ст. 188¹). Примечательно, что в орбиту уголовно-правовой охраны не включались близкие представителей власти.

Вместе с тем с наступлением современного периода, после распада СССР, нормы, закрепленные в УК БССР 1960 г., все больше нуждались в корректировке, что было обусловлено тенденциями времени.

Таким образом, изучив зарождение и становление памятников права, действовавших на территории Беларуси, нами выявлены предпосылки к существующим пробелам в сфере уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких. На протяжении более

чем тысячи лет истории основными способами уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких являлись изменение и дополнение уже имевшихся норм. В настоящее время, как представляется, проблема конструирования норм об ответственности за посягательства названных лиц еще до конца не решена. Лишь при комплексном и детальном изучении указанного уголовно-правового института, связанных с ним законодательных и правоприменительных проблем может быть решен вопрос эффективности его функционирования.

УДК 343.2/.7

Ю. Е. Духовник

*доцент кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

В. Р. Меерсон

*старший преподаватель кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

РАЗМЕР КАК КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ВОПРОСЫ ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В уголовно-правой науке характер общественной опасности принято считать качественной характеристикой преступления, а степень — количественной. Четкость и определенность этих характеристик очень важна как при установлении уголовной противоправности деяний, так и при квалификации преступлений. Общественная опасность деяния является достаточно сложной социально-правовой категорией, и ее нельзя сводить только к причиненному вреду [1, с. 60]. Вместе с тем наступившие материальные последствия совершенного преступления имеют, как представляется, ключевую роль при отграничении по степени общественной опасности ряда тождественных по своему характеру преступлений, в частности в рамках видовых объектов, а в отдельных случаях очерчивают границу общественной опасности с общественной вредностью, относя наступление меньшего вреда к административным правонарушениям.

Одним из распространенных признаков, определяющих степень общественной опасности, встречающихся в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК), выступает размер как количественный признак составов преступлений. Размер является одним из оснований для дифференциации ответственности, который выступает как признаком основного состава, так и в качестве соответствующих квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Размер как признак используется в УК как самостоятельно, так и в связке с такими деяниями и последствиями, как сделка, ущерб, доход (нажива).

Ориентиром в аспекте определения размера, его дифференциации, на наш взгляд, следует признать описываемые в примечании к главе 24 УК

«Преступления против собственности» положения, с учетом значительной распространенности соответствующих преступлений, наработанной практики правоприменения и достаточно серьезной проработанностью в отечественной уголовно-правовой доктрине указанных вопросов. Так, значительным размером в статьях названной главы признается размер на сумму, в сорок и более раз превышающую размер базовой величины, установленной на день совершения преступления, крупным размером — в двести пятьдесят и более раз превышающую размер такой базовой величины, особо крупным размером — в тысячу и более раз.

В первую очередь отметим: анализ уголовного законодательства демонстрирует, что преимущественное определение соотношения размера к суммам превышения базовых величин аналогично установленному в примечании к главе 24 УК. Такой подход закреплён в примечаниях к главе 26 УК «Преступления против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования», к разделу X УК «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения», к главе 30 УК «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности», к ст. 310 УК «Умышленное блокирование транспортных коммуникаций», к ст. 372 УК «Нарушение правил охраны линий связи», к главе 35 УК «Преступления против интересов службы», к главе 37 УК «Преступления против воинской службы».

Вместе с тем законодатель не во всех случаях последователен в определении значительного, крупного и особо крупного размера, закрепляя в отдельных группах преступлений (а иногда и в отдельных преступлениях) другое соотношение его к суммам превышения базовых величин. Здесь следует отметить, что имеющее место расхождение в определении размеров в разнородных преступлениях не всегда является проявлением ошибочного подхода к его установлению, так как общественные отношения, которые они охраняют, могут существенно отличаться (например, порядок осуществления экономической деятельности, экологическая безопасность). В этой связи определим, на наш взгляд, аспекты, которые не в полной мере соответствуют принципу системности уголовного закона, и сформулируем возможные пути их устранения.

Так, в главе 25 УК «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» крупным размером признается размер на сумму, в *тысячу и более раз* превышающую размер базовой величины, особо крупным размером — в *две тысячи и более раз* превышающую размер такой базовой величины, если иное не оговорено в примечаниях к статьям данной главы. Вместе с тем, в примечании к ст. 228 УК «Контрабанда» крупным размером

признается размер, в *две тысячи и более* раз превышающий размер базовой величины. В примечании к ст. 233 УК «Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии)» крупным размером признается размер в *тысячу и более* раз, особо крупным размером — в *две тысячи и более* раз превышающий размер базовой величины.

Исходя из этого, целесообразно изменить в ч. 1 ст. 228 УК словосочетание «в крупном размере» на словосочетание «в особо крупном размере», исключив при этом ч. 2 примечания к ст. 228 УК, так как она, по сути, дублирует подход к определению размера, предусмотренный примечанием к главе 25 УК. Схожее решение следует предусмотреть в ст. 233 УК, где целесообразно исключить ч. 2 примечания ст. 233 УК, так как она так же идентична пониманию определения размера примечанием к главе 25 УК.

Следующая ситуация связана с примечанием к ст. 243 УК «Уклонение от уплаты налогов, сборов», где значительным размером ущерба признается размер ущерба на сумму, в *две тысячи и более* раз превышающую размер базовой величины, установленной на день совершения преступления, крупным размером — в *три тысячи пятьсот и более* раз, особо крупным размером — в *тридцать тысяч и более* раз превышающую такой размер базовой величины.

Вместе с тем отличие исчисления размеров в таких однородных преступлениях, как налоговые преступления, где примечание к ст. 243 УК не распространяет свое действие на преступления, предусмотренные ст. 243¹, 243² УК, не совсем корректно. Такой неоднозначный законодательный подход создает дисбаланс в пороге исчисления ущерба применительно к преступлениям в сфере уклонения от уплаты налогов, сборов, что нарушает принципы справедливости уголовного закона и уголовной ответственности, экономии уголовно-правовой репрессии. С целью устранения отмеченного дисбаланса в рамках существующей системы уголовно-правовых средств, направленных на противодействие уклонению от уплаты налогов, сборов, следует распространить действие примечания к ст. 243 УК на иные отмеченные нами статьи в указанной сфере [2, с. 52–53].

Реализация предлагаемых нами мер по совершенствованию определения размера как количественного признака составов преступлений позволит обеспечить как соблюдение уголовно-правовых принципов, так и соответствие основным требованиям нормотворческой техники.

Список основных источников

1. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / С. В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. А. Л. Савенка, В. С. Яловица ; учреждение образования «Академия

Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2020. 387 с. [Вернуться к статье](#)

2. Духовник Ю. Е. Новеллизация уголовного законодательства в сфере противодействия уклонению от уплаты налогов, сборов: решение прежних и новых проблем // Уголовное право: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2022. С. 50–53. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.23

О. В. Ермакова

*доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

С. В. Ермаков

*доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ДЛЯЩИХСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Одной из разновидностей сложного единичного преступления выступает длящееся деяние. Его отличительной особенностью выступает непрерывное осуществление лицом совершаемого действия (бездействия).

Эта позиция четко прописана в принятом Верховным Судом Российской Федерации постановлении от 12 декабря 2023 г. № 43, поскольку в п. 2 закрепляется, что длящееся преступление характеризуется исключительно непрерывным осуществлением [1]. Очевидно, что именно время совершения преступления в данном деянии выступает ключевым признаком [2, с. 442–455].

Перечень преступлений, которые могут признаваться длящимися, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации отсутствует. Не содержит таких упоминаний и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК). Вместе с тем статус длящегося преступления имеет серьезные уголовно-правовые последствия для определения времени совершения преступления, сроков давности привлечения к уголовной ответственности, решения вопросов о соучастии в преступлении.

При этом в одних случаях решение указанного вопроса не представляет какой-либо сложности, и сущность преступления как раз свидетельствует о непрерывном акте осуществления деяния во времени. Именно такая ситуация имеет место в составах уклонения от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК), хранения наркотических средств, оружия (ст. 222, 228 УК).

В других же случаях, отнесение деяния к числу длящихся — достаточно сложная задача. Например, в научной литературе длящимся предлагается считать демонстрацию порнографических материалов (ст. 242 УК). Аргументация

данной позиции сводится к тому, что такие материалы размещаются в сети Интернет на различных страницах и ознакомление с ними может осуществляться неопределенный период времени [3, с. 71]. Сложность однозначного вывода о признании демонстрации длящимся преступлением объясняется тем обстоятельством, что само по себе нахождение материалов в сети Интернет на странице виновного еще не свидетельствует о непрерывности совершения деяния с умышленной формой вины. Так, виновный может желать осуществить демонстрацию определенному лицу, а затем просто забыть и не удалить данные сведения.

Следовательно, отметим, что основной признак, позволяющий признать то или иное преступление длящимся, требует уточнения: лицо, совершающее деяние, должно осознавать его непрерывное осуществление во времени и желать этого.

Еще одной проблемой понимания длящихся преступлений выступает возможность исключать те временные периоды, которые имеют законные основания. И возможно ли вообще прерывание длящегося преступления и последующее его продолжение в рамках единого умысла?

Особенно явно этот вопрос прослеживается в составе самовольного оставления части или места службы (ст. 337 УК). Установление временного периода совершения преступления в рамках состава самовольного оставления места службы имеет принципиально важное значение по следующим причинам: во-первых, данное преступление относится к числу длящихся, которое характеризуется длительным течением своего осуществления; во-вторых, время в составе преступления, предусмотренном ст. 337 УК, является обязательным признаком. При этом в законе обозначена минимальная граница времени отсутствия военнослужащего в виде 2 суток. В-третьих, временные отрезки свыше 10 суток и свыше месяца выделены в виде квалифицирующих признаков. Сказанное свидетельствует о том, что время как признак объективной стороны в рамках состава самовольного оставления места службы существенно влияет на квалификацию преступления и назначение наказания.

Изучение судебной практики показывает, что в большинстве случаев виновные заявляют о том, что определенные временные отрезки их отсутствия на месте службы имели место в связи с наличием объективных причин.

При этом в п. 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 подчеркивается такое необходимое условие уголовной ответственности, как отсутствие уважительных причин, т. е. объективных обстоятельств, препятствующих прекращению данного деяния. Возни-

кает вопрос: позволяет ли установление таких причин в период длящегося преступления исключать данные временные отрезки?

Так, в соответствии с материалами уголовного дела, Р. незаконно покинул место службы. Однако впоследствии в период с 17 ноября 2022 г. по 9 января 2023 г. было установлено, что ему был выдан листок временной нетрудоспособности в связи с переломом ноги, о чем командир части был поставлен в известность супругой Р. Несмотря на установление данного обстоятельства, суд вменил ч. 4 ст. 337 УК, как отсутствие свыше 1 месяца, не приняв во внимание наличие объективных данных, препятствующих исполнению своих обязанностей по военной службе¹.

В апелляционном определении 2-го Восточного окружного военного суда указывается, что предоставление супругой справки в Военный комиссариат, в котором осужденный состоял на воинском учете, о переломе ноги не легализовало его нахождение вне сферы воинских правоотношений.

Полагаем, такой вывод суда основывается на понимании длящегося преступления исключительно как непрерывного акта, которое к тому же устоялось в теории уголовного права и в правоприменительной деятельности. Однако суд в таких случаях не может отрицать, что осведомленность компетентных органов о наличии уважительной причины и непринятие ими мер должны найти отражение и в квалификации преступления, и в назначении наказания. В связи с этим предлагаем в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 отразить исключение из правила о непрерывности совершения длящегося преступления применительно к ст. 337 УК (поскольку это единственный состав преступления, в котором временные отрезки выступают криминообразующими и квалифицирующими признаками) и предусмотреть возможность исключения тех временных отрезков, в которых имеются уважительные причины.

Список основных источников

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 12 дек. 2023 г., № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Ображиев К. В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всерос. криминолог. журн. 2021. Т. 15. № 4. С. 442–455. [Вернуться к статье](#)

3. Проблемы квалификации отдельных видов преступлений : учеб. пособие / О. В. Ермакова [и др.]. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т М-ва внутр. дел России, 2021. 93 с. [Вернуться к статье](#)

¹ Дело № 1-99/2023; апелляционное определение 2-го Восточного окружного военного суда № 22-261/2023.

УДК 343.7

*Д. М. Ибатуллина**адъюнкт Казанского юридического института МВД России*

ОСОБЕННОСТИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Борьба с присвоением и растратой, как и с любым иным преступлением против собственности, безусловно, остается злободневным актуальным вопросом. Только за 2022 год, по данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел России, было зарегистрировано 11 974 факта совершения присвоения и растраты [1], за январь – ноябрь 2023 года — 9 669 фактов [2]. Несмотря на то, что в статистических данных за предыдущие два года отражена положительная динамика по снижению фактов совершения исследуемых преступлений, их количество остается значительным, а значит, требует мер законодательного совершенствования.

Одной из значимых проблем в борьбе с присвоением и растратой являются трудности установления признаков данного преступления, что приводит к частичной латентности данного преступления и ошибкам при реализации правоохранительной деятельности.

Для того, чтобы провести анализ разграничительных признаков со смежными составами в рамках главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), выделим особенные признаки присвоения и растраты в контексте уголовно-правовой характеристики:

- 1) объектом присвоения и растраты признаются общественные отношения в сфере охраны собственности;
- 2) предметом данного преступления является чужое имущество, которое до реализации преступления было вверено виновному (виновный имеет право осуществлять в отношении ранее вверенного имущества юридически значимые действия);
- 3) объективная сторона состоит в противоправном обращении вверенного имущества в пользу виновного и его дальнейшем израсходовании;
- 4) субъект специальный — лицо, которому в силу договора, служебного положения или иных обстоятельств вверено чужое имущество.

Очевидно, что разнообразные формы хищения часто вызывают трудности в их четком разграничении, поскольку они обладают рядом общих признаков.

Среди смежных составов следует выделить ст. 158 и ст. 159 УК.

При отграничении присвоения и растраты от кражи стоит обратить внимание именно на предмет. В случае кражи предметом выступает конкретное

чужое имущество (вещи, денежные средства, драгоценности и т. д.). Предметом же присвоения или растраты следует признать имущество, которое было вверено в управление виновному лицу, что подтверждается и постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 [3], то есть при вопросе разграничения данных составов следует установить, имелись ли ранее у виновного полномочия по отношению к похищенному имуществу.

В судебной практике часто наблюдаются ошибки в определении предмета хищения. К примеру, сотрудником склада в магазине детских игрушек был принят Л., после смены Л. на работу пришел сотрудник К., который заметил пропажу партии игрушек на складе. В соответствии с данными видеонаблюдения установлено, что Л. в конце смены загрузил украденную партию игрушек в грузовой автомобиль и скрылся с места преступления, тем самым причинил ущерб на общую сумму 15 тысяч рублей. Судом первой инстанции Л. был признан виновным по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК. Впоследствии заместитель прокурора района обратился в кассационную инстанцию с запросом о переквалификации совершенного преступления с п. «в» ч. 2 ст. 158 УК на ч. 2 ст. 160 УК. На основе изложенных доводов судебная коллегия пришла к выводу о необходимости изменения квалификации преступления согласно ч. 2 ст. 160 УК [4].

Объективная сторона данных составов также имеет отличительные черты. Виновный, совершающий присвоение и растрату, завладевает имуществом, которое находится у него правомерно. При совершении кражи виновное лицо изымает имущество, не обладая никакими правами в отношении данного предмета, даже на временной основе.

Дополним, что кража подразумевает общий субъект, и напротив, присвоение или растрата предполагают наличие специального субъекта, который обладает юридически значимыми полномочиями в отношении имущества.

Особую сложность вызывает вопрос отграничения присвоения и растраты от мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3. ст. 159 УК). Способ завладения имуществом в рассматриваемых составах преступлений весьма схож — собственник добровольно передает свое имущество лицу, совершившему хищение. Но в отличие от мошенничества, при присвоении и растрате имущество переходит к виновному не путем обмана или злоупотребления доверием [5]. При реализации преступного умысла на присвоение и растрату виновное лицо изначально осуществляет оперативно-хозяйственное управление. При мошенничестве должностное лицо завладевает имуществом (путем обмана или злоупотребления доверием), которое не находится в его оперативном управлении.

Дополнительным признаком, который следует учитывать при разграничении указанных составов преступлений, является умысел. Как отмечено в исследованиях О. С. Демко, у виновного лица, совершающего присвоение или растрату, преступный умысел формируется лишь после того, как чужое имущество было получено им на законных основаниях. Умысел на совершение мошеннических действий формируется у виновного до момента передачи чужого имущества виновному [6]. Данное обстоятельство закреплено в п. 4 вышеуказанного постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации [3].

К иным смежным составам следует отнести самоуправство (ст. 330 УК). Ключевым отличием является, конечно же, объект преступного посягательства. Объектом ст. 160 УК выступает чужая собственность, объектом же ст. 330 УК выступает порядок управления. При разграничении данных противоправных деяний следует анализировать их составы и по субъективной стороне. Несмотря на то, что аналогично присвоению и растрате самоуправство подразумевает наличие умышленной формы вины, данное преступление не сопровождается корыстной целью.

Таким образом, важнейшим вопросом противодействия преступлениям является правильная и своевременная квалификация содеянного. Преодоление трудностей квалификации не только повышает эффективность деятельности правоохранительных органов, но и служит ключевым аспектом во избежание юридических ошибок.

Состав ст. 160 УК обладает рядом уникальных признаков, позволяющих отграничить присвоение и растрату от ряда смежных составов. К данным чертам следует отнести: предмет хищения (ранее вверенное виновному имущество), корыстная цель, специальный субъект.

Список основных источников

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 26.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174/?year=2024&month=2&day=22> (дата обращения: 26.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации, 30 нояб. 2017 г., № 48 // Российская газета. 2017. № 280. [Вернуться к статье](#)
4. Кассационное определение Астраханского областного суда от 12.05.2020 года по делу № 11-261-2020. URL: <https://sudact.ru/practice/prisvoenieilirastrata/> (дата обращения: 27.01.2024). [Вернуться к статье](#)

5. Исаева Л. А., Григорьева О. В. Преступления против собственности: проблема квалификации и отграничения // Вестн. науки. 2022. № 2 (47). С 36–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-sobstvennosti-problema-kvalifikatsii-i-otgranicheniya> (дата обращения: 26.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Демко О. С. К вопросу отграничения присвоения или растраты от мошенничества // Законность и правопорядок в современном обществе. 2020. № 2. С. 178. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.4

М. Б. Казанцева*оперуполномоченный ОУР ОП № 1 «Центральный»**Управления МВД России по г. Новосибирску,**магистрант Барнаульского юридического института МВД России***ПОНЯТИЕ НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Права и свободы человека и гражданина закреплены как российским, так и международным правом. Что касается российского уголовного права, то под запрет попадают действия насильственного характера в отношении физического состояния человека, его жизни и здоровья и жестокое обращение, направленное на физическое и моральное унижение человеческого достоинства.

Само понятие «насилие» трактуется неоднозначно и в большинстве случаев сквозь призму именно физического воздействия. Всемирной организацией здравоохранения насилие рассматривается как преднамеренное использование физической силы. Данное использование возможно как в виде фактического воздействия, так и угрозы его применения в отношении человека или самого себя. Результатом такого воздействия являются телесные повреждения, психологические травмы и даже смерть.

Если говорить об Уголовном кодексе Российской Федерации, то основная масса насильственных преступлений находится в VII разделе «Преступления против личности». Актуальность изучения насилия и угрозы его применения в уголовном праве России заключается в неоднозначной его трактовке, в необходимости определения квалифицирующих признаков при расследовании насильственных преступлений с целью правомерного определения действий того или иного лица, а также определения степени физического и психического воздействия.

Прежде всего стоит сказать, что само понятие «насилие» носит межотраслевой характер, который предполагает наличие различных подходов и трактовок относительно данного понятия, его характерных признаков.

Традиционно в уголовном праве России насилие отождествляется с физическим принуждением и воздействием на человека. Но все чаще насилие рассматривают и как психическое воздействие на объект, а именно как одновременное воздействие на тело и сознание человека. Так, например, насилие может трактоваться как «физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией Российской Федерации право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном

смысле)» [1, с. 132]. Данная позиция обусловлена, с точки зрения Н. Г. Крылова, тем, что насилие помимо физических страданий приносит и моральные страдания.

Данный факт отмечают и А. Г. Безверхов с Ю. С. Норвартян, которые в своих работах определяют насилие как факт физического и психического воздействия одного человека на другого. При этом отмечают, что под насилием необходимо понимать «такое физическое и/или психическое воздействие на другого человека, которое нарушает его право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность» [2, с. 523].

Несмотря на распространенность данной точки зрения, российское уголовное законодательство насилие рассматривает исключительно с точки зрения физического воздействия и принуждения.

С. И. Ожегов приводит несколько определений насилия, к ним относятся: «применение физической силы против кого-либо» (акт насилия, следы насилия на теле); «обязательное воздействие на кого-либо, нарушение личной неприкосновенности»; «угнетение, беззаконие» [3, с. 356].

Юридический словарь содержит определение насилия как совокупности разного рода воздействия одного человека на другого или группу лиц: физического, психологического и иного, приносящего страдания, мучения и нарушающего его конституционные права [4].

Достаточно объемное определение насилия приводит А. М. Подгайный: «внешнее (то есть со стороны других лиц), реальное и наличное, характеризующееся определенными объемом и интенсивностью, умышленное, общественно опасное и противозаконное физическое или психическое воздействие на человека (группу лиц), осуществляемое помимо или против воли и способное причинить ему органический, физиологический или психический вред, ограничить свободу его поведения» [5, с. 21].

Представленная трактовка содержит основные сущностные характеристики насилия: целенаправленное умышленное воздействие субъекта на объект, против воли объекта, физическое и психическое воздействие.

Также при изучении насилия необходимо его дифференцировать от иных форм принуждения. Насилие в обязательном порядке рассматривается сквозь призму жестокости, причем умышленного со стороны насильствующего субъекта.

Помимо этого, выделяют и юридические признаки насилия, такие как уголовная противоправность таких действий и общественно опасный характер их проявления, негативные последствия в результате насильственных действий. Уголовная противоправность означает, что насильственные действия уголовно

наказуемы. И такие действия являются общественно опасными. Причем отмечается, что гораздо большую опасность представляет насилие, чем угроза его применения, что является логичным, т. к. насилие можно рассматривать как оконченное действие/бездействие, как активное поведение (нанесение побоев, ударов, лишение человека пищи и/или воды).

В свою очередь, угрозу можно трактовать как попытку совершения насилия, как действие, в большей степени совершаемое с целью психического воздействия. Угроза применения насилия — это целенаправленное воздействие на психику человека, на его волю и сознание, подавление его. Угроза насилием также является уголовно наказуемым деянием, так как влечет за собой не только психические (моральные) страдания, но и физические, которые могут являться прямым следствием психологического давления на человека.

Важно отметить, что в уголовном праве насилие является умышленным противоправным деянием, субъект осознает и понимает, что причиняет физическую и психическую боль объекту/человеку. Это намеренное действие человека с целью получения определенной выгоды или совершения определенного действия как со стороны насильствующего субъекта, так и со стороны объекта применения насилия. При этом действие должно быть общественно опасным, влекущим за собой негативные последствия для общественных отношений и для человека в целом — причинение физической и моральной боли, мучений и страданий.

Уголовный закон Российской Федерации активно использует понятие «угроза применения насилия» вместе с категорией «насилия» как неправомерного применения физической силы. Данные понятия тесным образом связаны между собой и могут выступать очередными действиями одного и того же человека.

Важность изучения сущности насилия, угрозы применения насилия в уголовном праве России заключается в том, что данные определения являются дискуссионными. Следует отметить, что, несмотря на часто встречающееся упоминание понятия «насилие» в Уголовном Кодексе Российской Федерации, напрямую законодательно данное определение не закреплено, что является значительным пробелом в уголовном законодательстве Российской Федерации. Наличие различных подходов к определению сущности насилия, его характерных признаков, юридических признаков, сущности угрозы применения насилия свидетельствует о необходимости анализа имеющихся точек зрения на данную проблематику, а также поиске и выработке отдельных положений, описывающих и определяющих практическое содержание рассматриваемых понятий и их развитие в отечественном праве. Анализ сущности и содержания насилия

в современном уголовном праве необходим с точки зрения выработки мероприятий и направлений предупреждения насилия и борьбы с ним в социуме.

Список основных источников

1. Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2018. № 4. С. 522–534. [Вернуться к статье](#)
2. Насилие [Электронный ресурс] // Большой юридический словарь. URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law.php (дата обращения: 03.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Крылов Н. Г. К вопросу о содержании понятия «насилие» в российском уголовном праве // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2016. № 5. С. 356. [Вернуться к статье](#)
4. Насилие // С. И. Ожегов. Толковый словарь русского языка. М., 2016. С. 356. [Вернуться к статье](#)
5. Подгайный А. М. Уголовно-правовая характеристика преступного насилия: теория и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ин-т междунар. права и экономики им. А. С. Грибоедова. М., 2007. 22 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.232

*А. В. Ковальчук**заместитель начальника кафедры уголовного права**Академии МВД Республики Беларусь,**кандидат юридических наук, доцент*

КРИТЕРИИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УМЫШЛЕННЫМ ПОВРЕЖДЕНИЕМ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ

Практика применения нормы о малозначительности деяния, предусмотренной ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [1], говорит о том, что правоохранительные органы нередко допускают ошибки и не используют ее возможности, поскольку порой достаточно трудно определить, присутствует ли в совершенном противоправном деянии общественная опасность, свойственная преступлению. Необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, прекращение уголовных дел за малозначительностью деяния, а равно осуждение лиц, совершивших деяния, формально содержащие признаки, предусмотренные УК, не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению, не способствуют реализации принципов справедливости и гуманизма, влияют на оценку деятельности правоохранительных органов, уровень их престижа и доверия к ним со стороны граждан [2, с. 6]. Особую актуальность в этой части приобретает идентификация количественно-качественных характеристик (критериев) малозначительности деяний, связанных с умышленным повреждением чужого имущества в условиях неочевидности. Под неочевидностью условий (обстоятельств) совершения деяний, связанных с повреждением имущества, мы понимаем ситуации, при которых не установлены лицо, совершившее противоправные деяния, свидетели или очевидцы произошедшего, либо когда существуют противоречия, вызванные различными не совпадающими друг с другом показаниями подозреваемых и иных участников, подтвердить или опровергнуть которые крайне затруднительно или невозможно [3, с. 470]. Правоприменительная практика оценки таких деяний идет по пути их квалификации по ст. 218, 339, 341 УК, 11.3, 19.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [4]. Проведенный нами анализ практики применения норм об ответственности за указанные деяния позволил выявить следующие критерии, которые в совокупности с иными данными могут быть положены в основу принятия решения о совершении малозначительного деяния.

Для деяний, внешне содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 218 УК:

- следовая картина свидетельствует о желании лица повредить имущество из озорства и шалости, а не проявить неуважение к обществу;
- наличие не циничных надписей (изображений) на зданиях и сооружениях, иных объектах, хотя и снижающих эстетическое восприятие объекта, а также его общую информативность, но не носящих оскверняющего характера;
- следовая картина свидетельствует о единичном факте повреждения объекта либо повреждении нескольких конструктивных его элементов в результате одного воздействия;
- повреждение имущества, хотя и с применением огня, но в условиях, исключающих его распространение.

Для деяний, внешне содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 339 УК:

- следовая картина иллюстрирует малую интенсивность и относительную непродолжительность повреждения имущества, тем не менее свидетельствует о желании виновного нарушить общественный порядок;
- однократное повреждение объекта либо объектов, объединенное непродолжительным промежутком времени и в пределах одной территории;
- повреждение имущества путем поджога объекта, исключающее распространение огня (дверные звонки, пластиковые короба в подъездах и др.);
- наличие небольших по объему и коротких по содержанию непристойных и нецензурных надписей на объектах, не признаваемых зданиями и сооружениями, доступных для восприятия и возмущения общественности;
- имущество повреждено в безлюдном месте, в темное время суток;
- имущество повреждено из озорства и шалости;
- нанесенные надписи, рисунки, которыми повреждено имущество, не оказали негативного влияния на поведение других лиц, не побудили последних к нарушению общественного порядка.

Для деяний, внешне содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 341 УК:

- наличие циничных, аморальных, конструктивно не предусмотренных надписей (изображений) на зданиях и сооружениях, хотя и нарушающих информативность, а также эстетическую характеристику объекта, но не влияющих на его нормальное функционирование;
- наличие циничных надписей (изображений) на зданиях и сооружениях, не требующих серьезных затрат на восстановление фасадов зданий;
- небольшая площадь повреждения зданий и сооружений;

- нанесение веществ, после нетрудозатратного удаления которых возможно приведение объекта в первоначальный вид;
- отсутствие общеопасного способа повреждения;
- порча имущества на общественном транспорте или в общественных местах хотя бы и с применением огня, но в условиях, исключающих его распространение на другие объекты и угрозу окружающим;
- отсутствие широкого общественного резонанса содеянного либо наличие резонанса, не повлиявшего на последующее противоправное поведение других лиц.

Следует учитывать, что предложенные нами критерии малозначительности носят условный характер, поскольку для всех частных ситуаций невозможно создать универсальное правило, пригодное для разрешения. Однако полагаем, что данные критерии окажут помощь правоприменителю, позволят исключить или существенно минимизировать ошибки применения нормы о малозначительности деяний, связанных с умышленным повреждением чужого имущества в условиях неочевидности.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Ковальчук А. В. Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и законодательного закрепления : моногр. / учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. 118 с. [Вернуться к статье](#)
3. Ковальчук А. В. Неочевидность как проблемный фактор квалификации деяний, связанных с уничтожением либо повреждением имущества: состояние правоприменения в практике Беларуси // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 янв. 2016 г. / редкол.: Ю. В. Грачева [и др.]. М. : РГ-Пресс, 2016. С. 470–473. [Вернуться к статье](#)
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.54

*Н. И. Козелецкая**доцент кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Особенность половых преступлений против несовершеннолетних заключается в том, что их последствия для ребенка могут носить необратимый характер и не только проявляться в причинении глубоких психических и физических травм, но и повлечь изменения его социальных установок, формирование девиантного поведения.

Наиболее опасной для ребенка по своим социальным последствиям выступает угроза стать жертвой преступления против половой неприкосновенности вследствие виртуального общения в Интернете. Именно половые преступления, «вооруженные» информационными технологиями, обладают повышенной общественной опасностью.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) не содержится прямого запрета на так называемый онлайн-груминг, однако это не означает, что подобное поведение лица находится за рамками правового регулирования.

Следственная и судебная практика в абсолютном большинстве случаев оценивает ведение переписки с несовершеннолетним на интимные темы, которые способны пробудить сексуальное возбуждение у ребенка и готовность его к сексуальным отношениям, как развратные действия, предусмотренные ст. 169 УК.

Между тем считаем, что склонение ребенка к действиям сексуального характера с использованием глобальной информационно-телекоммуникационной сети следует рассматривать либо как создание условий для совершения преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (одна из форм приготовительных действий согласно ст. 13 УК), либо как оконченное преступление. При этом квалификация действий виновных должна учитывать возраст потерпевшего и его возможность сознавать значение совершаемых действий. Если жертва заведомо малолетняя и находится в беспомощном состоянии в силу возраста, то речь должна идти о приготовительных действиях к изнасилованию (ч. 1 ст. 13 и соответствующая часть (ч. 2 или ч. 3) ст. 166 УК) или насильственным действиям сексуального характера (ч. 1 ст. 13 и

соответствующая часть (ч. 2 или ч. 3) ст. 167 УК). В иных случаях склонение к сексуальным отношениям должно квалифицироваться по ст. 169 УК или специальной норме — ст. 343 УК, если такие действия сопровождались демонстрацией порнографических материалов [1, с. 61].

Квалификация бесконтактных развратных действий как приготовление к особо тяжкому преступлению позволит учесть степень общественной опасности деяния и тяжесть последствий, которые могут наступить при совершении виновным задуманного преступления.

Одним из наиболее распространенных способов совершения развратных действий является демонстрация несовершеннолетним продукции порнографического содержания, с которой виновный знакомит несовершеннолетнего в ходе переписки. И здесь актуальным вопросом является разграничение развратных действий и распространения порнографических материалов.

В доктринальных источниках относительно квалификации подобных ситуаций нет единства мнений. Ю. Е. Пудовочкин полагает, что контактные действия (физического характера) должны охватываться понятием «иные действия сексуального характера», а бесконтактные развратные действия (интеллектуального характера) квалифицироваться как распространение порнографической продукции [2, с. 224]. О. А. Гоначенко считает, что развратные действия и распространение порнографических предметов или материалов являются пересекающимися, но не совпадающими действиями, имеющими различную социальную направленность, различный объект и мотивацию, в связи с чем требующими самостоятельной квалификации [3, с. 108]. Н. А. Бабий также полагает, что совершение развратных действий путем распространения порнографических материалов или предметов дополнительно влечет уголовную ответственность по ч. 2 ст. 343 УК [4, с. 119]. Аналогичная позиция высказана и С. М. Свило [5, с. 465].

Однако нужно ли при совершении развратных действий в форме демонстрации потерпевшему порнографической продукции всегда квалифицировать содеянное по совокупности преступлений?

Изучение правоприменительной практики позволило утверждать, что распространение порнографии не всегда может быть обусловлено сексуальными притязаниями виновного. Правовая оценка действий в данном случае зависит от направленности умысла виновного, его целей и мотивов. Например, такие действия, как фото или видеосъемка несовершеннолетнего, входящие в объективную сторону состава использования несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов и предметов (ч. 2 ст. 343¹ УК), могут не преследовать цели побуждения потерпевшего к сексуальным контактам

либо удовлетворения сексуальных потребностей виновного, а быть направлены на получение соответствующего продукта для личных целей либо в целях продажи. И в этой связи говорить о совокупности преступлений не приходится.

Полагаем, что совокупность отсутствует и в случае, когда виновный демонстрирует в ходе переписки порнографическую продукцию, желая вызвать нездоровый сексуальный интерес, оказать влияние на несовершеннолетнего и пробудить у него интерес к сексуальным отношениям.

По мнению О. О. Топориковой, указанные действия следует оценивать по правилам конкуренции общей и специальной нормы, где ч. 1 ст. 169 УК является общей нормой, а ч. 2 ст. 343 УК или ст. 343¹ УК — специальной [6].

На наш взгляд, эта позиция выглядит более предпочтительной ввиду того, что демонстрация несовершеннолетнему порнографической продукции признается одним из видов интеллектуальных развратных действий, ответственность за которые предусмотрена самостоятельной уголовно-правовой нормой.

Кроме того, распространение порнографии иногда может выступать этапом реализации замысла виновного на совершение более тяжкого преступления (например, использование заведомо несовершеннолетнего (малолетнего) для изготовления порнографических материалов, печатных изданий, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера с его изображением). В этом случае действия виновного подлежат квалификации только по соответствующей части ст. 343¹ УК.

Список основных источников

1. Козелецкая Н. И., Шаблинская Д. В. Эффективность реализации уголовно-правовых средств противодействия преступным посягательствам на половую неприкосновенность несовершеннолетних // Право.by. 2022. № 1. С. 57–62. [Вернуться к статье](#)
2. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 293 с. [Вернуться к статье](#)
3. Гоноченко О. А. Уголовно-правовые средства защиты несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. 191 л. [Вернуться к статье](#)
4. Вопросы квалификации, регистрации и учета преступлений / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. 512 с. [Вернуться к статье](#)
5. Курс уголовного права : в 5 т. Т. 3. Особенная часть. / А. В. Барков [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск : Изд. центр БГУ, 2021. 840 с. [Вернуться к статье](#)
6. Топорикова О. О. Вопросы квалификации развратных действий, совершенных путем демонстрации порнографической продукции [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.01

М. С. Колосович

*профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

РЕЕСТР ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, КАК АЛЬТЕРНАТИВА РАДИКАЛЬНЫМ МЕРАМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАЗВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Каждый год показатели количества зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в России значительны. Показатели количества выявленных лиц, совершивших названные преступления, также высоки, при этом свыше 50 % в структуре сексуализированной насильственной преступности занимают преступления, предусмотренные ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), т. е. половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста [1]. Остается только гадать, каков уровень показателей латентной преступности в рассматриваемой сфере.

Высокая степень латентности обусловлена многими обстоятельствами. К наиболее значимым можно отнести шесть обстоятельств:

- 1) в силу возраста ребенок не имеет возможности или боится обратиться в правоохранительные органы за защитой;
- 2) в силу возраста ребенок не понимает неправомерный характер совершаемых в отношении него действий;
- 3) родители¹ стараются скрыть факт совершения неправомерных действий в отношении своих детей, опасаясь огласки и травли со стороны сверстников ребенка, общественного порицания и т. д.;
- 4) виновными лицами являются родители или знакомые пострадавшего;
- 5) недооценка родителями общественной опасности совершения некоторых сексуализированных действий в отношении своих детей (например, демон-

¹ В статье под родителями нами понимаются законные представители, перечень которых обозначен в ст. 26 и 28 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации [2; 3].

страция традиционно скрываемых частей тела ребенком или ребенку, их фотовидеофиксация и распространение и др.);

б) неинформированность родителей о нахождении в окружении их детей лиц, ранее осужденных за совершение преступлений, предусмотренных главой 18 УК, в отношении несовершеннолетних (например, соседей, обслуживающего персонала и т. д.).

Значительность вышеуказанных показателей, как и обеспокоенность активной общественности, обусловила активность государства по созданию механизмов противодействия рассматриваемой преступности. Череду изменений УК по ужесточению ответственности лиц за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы свидетельствует об этом. Активную позицию заняли ученые, народные избранники и представители правоохранительных органов.

Все чаще в средствах массовой информации можно встретить предложения (и даже гневные требования) о применении радикальных мер воздействия к преступникам. В качестве мер воздействия предлагаются, например:

- отмена моратория на смертную казнь для педофилов (депутаты Государственной Думы Российской Федерации С. М. Миронов, Б. С. Хамзаев, О. Ю. Леонов, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Э. Э. Россель, Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин, детские омбудсмены Татарстана И. В. Волынец и Подмосковья — К. В. Мишонова);

- направление осужденных за педофилию на рудники для выполнения тяжелых работ (Председатель Государственной Думы Российской Федерации В. В. Володин, детский омбудсмен Подмосковья К. В. Мишонова);

- применение антиандрогенной терапии к осужденным педофилам (химической кастрации) (Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации А. В. Беляков);

- применение хирургической кастрации к осужденным за педофилию (первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации А. А. Турчак).

Приведенные меры воздействия применяются во многих странах мира, однако, по нашему мнению, носят радикальный характер, поскольку каждая из них несет более чем серьезные, необратимые последствия для здоровья и даже для жизни осужденного. Между тем население направило государству

мощный запрос, требуя защитить своих детей любыми средствами, в том числе и радикальными.

Конституция России гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 20, 22, 45 и 67.1) [4], поэтому, защищая детей от лиц с доказанно повышенным уровнем агрессии и общественной опасности и склонных к совершению повторного преступления аналогичного характера, государство *обязано* применить любые меры воздействия и/или их совокупность. В этих условиях применение радикальных мер возможно при соблюдении трех правил:

- *исчерпанность* всего потенциала иных (т. е. не радикальных) мер воздействия;
- доказанность *неэффективности* применения иных мер воздействия;
- доказанность *невозможности* применения иных мер воздействия.

Представляется, что одной из альтернативных, иных мер предупредительного воздействия может стать появление Реестра лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

Несмотря на опасения травли населением фигурантов Реестра, 58 % опрошенных нами сотрудников органов внутренних дел (357 человек из 16 субъектов России) высказались в его поддержку. При этом некоторыми из опрошенных было указано на тот факт, что и в отсутствие Реестра ранее осужденные педофилы периодически получают угрозы.

Поддерживая идею появления Реестра в России, считаем необходимым государству провести мероприятия с учетом следующих требований:

1. Необходимо найти баланс в деятельности государства при защите детей от лиц с доказанно повышенным уровнем агрессии и особой общественной опасностью; недопущение совершения последними повторного преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего; социальная реабилитация освободившихся из мест лишения свободы лиц и их реинтеграция в общество.

2. Обеспечить конституционно гарантированные права и свободы человека и гражданина в отношении осужденного лица и членов его семьи.

3. При разработке Реестра изучить мнения населения, ученых и сотрудников правоохранительных органов, соответствующий опыт правоохранительных органов других стран.

4. Обеспечить своевременное и систематическое обновление и развитие базы данных Реестра.

Список основных источников

1. Колосович М. С., Алексеева А. П., Глебов В. Г. Современные меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (часть 1) // Вестн. Волгогр. акад. МВД России. 2023. № 1 (64). С. 22–39. [Вернуться к статье](#)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. от 16.05.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : в ред. от 26.10.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 01.07.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.337.5

К. А. Краснова*доцент кафедры уголовного права**Северо-Западного филиала**Российского государственного университета правосудия,**кандидат юридических наук, доцент*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ ГЕНОЦИДУ

Культурные права и свободы человека и гражданина представляют собой самостоятельную группу прав и свобод [1, с. 5], соблюдение которых гарантировано Конституцией Российской Федерации. Согласно норме ч. 2 ст. 26 Основного закона, «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [2].

Геноцид признается серьезнейшим преступлением против человечности, которое затрагивает жизнь, свободу, права или человечность группы людей [3, с. 100]. Геноцид криминализирован во многих уголовных кодексах (к примеру, ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь), однако его отдельные виды не получили самостоятельной уголовно-правовой регламентации на национальном уровне. В частности, геноцид может производиться идеологически путем искоренения национального самосознания, обычаев, языка. И хотя национально-культурный геноцид не подпадает под признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации, но он признается преступным международной практикой.

В научной литературе, изданной после окончания Второй мировой войны, видные советские правоведы выработали стройную классификацию геноцида и определили характерные черты (признаки) для каждого из его видов (физический, биологический, национально-культурный). Так, национально-культурный геноцид направлен на то, «чтобы лишить гонимую нацию возможности развивать свою национальную культуру, свою литературу, свой язык, создавать в национальной форме общечеловеческие ценности» [4, с. 6]. Предложения по включению в понятие геноцида действий против национальных языка и культуры были внесены представителем СССР на обсуждение специального комитета по разработке проекта конвенции по борьбе с геноцидом и опубликованы в газете «Правда» 1 мая 1948 г. В частности, предлагались следующие определения форм национально-культурного геноцида, которые условно можно распределить на две подгруппы: *запреты* (пользоваться национальным языком

в общественной и частной жизни, преподавать в школах на национальном языке) и *уничтожение* (книг и иных печатных изданий на национальном языке, исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и др. памятников и предметов национальной культуры или религиозного культа) [4, с. 14].

Именно в вышеуказанных формах проявился национально-культурный геноцид, совершенный фашистскими захватчиками на территории СССР в годы Второй мировой войны. В частности, полному уничтожению подверглись советские библиотеки, лаборатории, включая уникальные коллекции рукописей Белорусской Академии наук и Киевского университета. Однако не только литературное наследие подверглось уничтожению в ходе войны. Непоправимый ущерб причинен и советской науке. По данным М. Н. Гернета, в числе разрушенных научных учреждений оказались Пулковская обсерватория в г. Ленинграде, Симеизская обсерватория в Крыму и многие др. [5, с. 21–22].

Таким образом, не следует недооценивать общественную опасность национально-культурного геноцида. Текущие события на сопредельной Украине актуализируют обсуждение на экспертном уровне возможности криминализации национально-культурного геноцида в уголовном законодательстве России и Беларуси [6]. Изложенные выше достижения советских правоведов по проблематике геноцида могут быть использованы в качестве теоретической базы для проведения новых научных изысканий и в законотворческой работе [7]. Субъектам законодательной инициативы целесообразно выходить с соответствующими законопроектами.

Список основных источников

1. Каратаева Л. А. Культурные права и свободы человека и гражданина — самостоятельная группа прав и свобод // Административное и муниципальное право. 2009. № 3 (15). С. 5–9. [Вернуться к статье](#)
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Краснова К. А., Волкова М. А. Историческая память о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны: уголовно-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 98–102. [Вернуться к статье](#)
4. Трайнин А. Н. Борьба прогрессивных сил против уничтожения национальных групп и рас : конф. в Нью-Йорке по борьбе с геноцидом : стенограмма публич. лекции, прочит. в Центр. лектории О-ва в Москве / Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. М. : Правда, 1948. 16 с. [Вернуться к статье](#)

5. Гернет М. Н. Преступления гитлеровцев против человечности / под ред. Н. М. Рычкова ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. М. : Юрид. изд-во, 1946. 28 с. [Вернуться к статье](#)

6. Решняк М. Г. Обеспечение безопасности государства: о некоторых проблемах уголовно-правового регулирования // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11 (187). С. 301–305. [Вернуться к статье](#)

7. Кобец П. Н. Научное творчество выдающегося отечественного правоведа М. Н. Гернета и его роль в развитии наук уголовного права и криминологии в дореволюционный период // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 3. С. 586–601. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.34

К. С. Малышев

*старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России*

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ
ПРЕДМЕТА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 207¹, 207² и 207³
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Используя системный анализ, а также результаты исследования позиций ученых в вопросе обоснованности введения в уголовное законодательство специальных видов того или иного преступления, следует отметить, что стремление законодателя к «...повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного...» [1] не всегда является научно обоснованным и практически оправданным [2, с. 32].

Целесообразность такого деления отсутствует в тех случаях, когда разграничительный признак можно унифицировать, что при этом никак не усложнит квалификацию содеянного. Более того, предлагаемая унификация может повысить эффективность правоприменения за счет исключения необходимости установления аспектов разграничительного признака, не влияющего на дифференциацию уголовной ответственности.

Так, например, при введении в уголовное законодательство в 2019 году ст. 207¹ и 207² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), а также в 2022 году — ст. 207³ УК в их основных составах преступлений законодатель не дифференцировал уголовную ответственность, отнеся категории данных преступлений к небольшой тяжести. Основное разграничение при этом законодатель проводит по содержанию предмета основных составов преступлений, составляющих указанные нормы. Такой подход позволяет усомниться в целесообразности выделения специальных видов публичного распространения под видом достоверной заведомо ложной общественно значимой информации.

Представляется, что анализируемое законодательное решение в данном случае было бы обоснованным, если содержание публично распространяемой информации понижало бы или повышало бы степень общественной опасности анализируемых норм по отношению друг к другу.

Следует отметить, что в марте 2023 года в связи с особой общественной значимостью в современный период противодействия преступным посягательствам на общественные отношения, связанные с проведением специальной военной операции, ч. 1 ст. 207³ УК была отнесена к категории преступлений средней тяжести. Вместе с тем, считаем, что распространяемая под видом достоверной заведомо ложная информация о «чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических ситуациях, в том числе эпидемиях, эпизоотиях и иных обстоятельствах, возникших в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекших (могущих повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения» создает угрозу общественной безопасности, не меньшую, чем распространяемая ложная информация о действиях вооруженных сил, а тем более не меньшую угрозу, чем распространяемая ложная информация об отдельной личности.

Так, публичное распространение под видом достоверной заведомо ложной информации, например, об эпидемиях, что следует из примечания ст. 207¹ УК, может рассматриваться в качестве деяния, связанного с распространением информации, представляющей угрозу жизни и безопасности граждан. Вместе с тем клевета, даже в отсутствии условия публичности, распространяемая о том, что хотя бы одно лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, предусматривает наказание по ч. 4 ст. 128¹ УК в виде лишения свободы сроком до четырех лет. Такой вид клеветы отнесен законодателем к категории преступлений средней тяжести, в отличие от ст. 207¹ УК, которая является преступлением небольшой тяжести, при этом по правовой природе является неким условным видом клеветы [3, с. 176].

На основании выявленного несоответствия степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 207¹, 207² УК, их основные составы, на наш взгляд, должны соответствовать категории основного состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК.

При реализации указанного предложения снова возникает вопрос о том, влияет ли содержание предмета анализируемых составов преступлений на дифференциацию уголовной ответственности. Исследование структуры каждой отдельной статьи (ст. 207¹, 207² и 207³ УК) показало, что квалифицированные составы не имеют в качестве признака, повышающего степень общественной опасности, предмет преступления. Следовательно, в целях решения проблемы возможности влияния содержания предмета анализируемых составов

преступлений на дифференциацию уголовной ответственности достаточно провести анализ особенностей уголовно-правовой характеристики предмета каждого из основных составов преступлений в их соотношении.

Подводя итог исследования особенностей уголовно-правовой оценки предмета составов преступлений, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 207³ УК, сформулируем вывод о том, что содержание предмета в анализируемых статьях уголовного законодательства не влияет на дифференциацию уголовной ответственности, что может служить основанием для объединения указанных статей в одну, которая будет содержать общее бланкетное содержание предмета как «распространяемую под видом достоверных сообщений заведомо ложную общественно значимую информацию». Кроме того, форма анализируемого предмета обладает общими универсальными признаками, такими как объективная ложность, фиктивная достоверность, манипуляция и инвективность.

Список основных источников

1. Отзыв о проекте Федерального закона о внесении в УК РФ дополнений и изменений, касающихся уголовной ответственности за мошенничество [Электронный ресурс] // Международная Ассоциация Содействия Правосудию. URL: <http://www.iaaj.net/node/1169> (дата обращения: 20.06.2023). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
2. Ермакова О. В. Обоснованность введения в Уголовный кодекс РФ специальных видов мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 14-2. С. 31–33. [Вернуться к статье](#)
3. Новикова О. В. Сущность публичного распространения заведомо ложной информации применительно к ст. 207.3 УК РФ // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 175–180. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2/.7

О. В. Обернихина

*преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества,
Кузбасского института ФСИН России*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОБРАТНОЙ СИЛЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Нормативно-правовое урегулирование уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений в настоящее время запаздывает по сравнению с динамичным темпом развития общественных отношений, ввиду чего возникают темпоральные коллизии, усложненные отсутствием их своевременного разрешения. Так, обращаясь к нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), можно увидеть, что законодатель четко описывает систему темпоральных коллизионных норм, использующихся правоприменителем при преодолении коллизий. Подобного рода коллизии могут возникать между равнозначными по юридической силе нормативно-правовыми актами, которые вступали в силу и действовали в разное время. В таких ситуациях значимую роль играют нормы, определяющие возможность придания закону обратной силы. Так, согласно ст. 10 УК, «уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость» [1].

Так, УК определяет подробно, каким именно нормативно-правовым актам может быть придана обратная сила. Закон также раскрывает сущность обратной силы и ее содержание, что весьма оправданно. Между тем, правоприменительная деятельность к настоящему времени уже выработала некоторые проблемы в вопросах придания обратной силы тому или иному закону. Например, суды оценивают степень мягкости новых законов самостоятельно, на свое усмотрение, и нужно сказать, что делают они зачастую это крайне противоречиво. В дальнейшем, когда проблемы становятся очевидными, Верховный Суд аккумулирует практику судов, получает разъяснения от органов судебной власти о характере проблем придания обратной силы тому или иному закону, проводит анализ жалоб осужденных и только после этого дает какие-то более подробные пояснения тому, можно ли считать к тому времени уже относительно новый

закон более мягким и придавать ему обратную силу и как это делать в отдельных случаях.

Такая практика представляется нам несвоевременной и нарушающей ряд конституционных принципов, в частности, таких как справедливость и равенство граждан перед законом, поскольку в период, пока апробация закона только проходила, суды уже вынесли определенное количество определений и постановлений, которые не соответствуют пояснениям Верховного Суда, но поскольку они приняты позже, то действия суда (принявшего решение по своему усмотрению в рамках своих полномочий на тот момент) признаются справедливыми, законными и не подлежат оспариванию, за исключением случаев, когда осужденный подает новое заявление о приведении ранее вынесенного решения в соответствие, однако и в таком случае результат, удовлетворяющий запрос ходатайствующего, не гарантирован.

Более редким, но сложным в правоприменительной практике является случай, когда следует применить обратную силу к промежуточному закону.

Так, например, А. Г. Истомина в своих исследованиях справедливо отмечает, что закон, который вступил в законную силу непосредственно после совершения противоправного деяния, но при этом утратил ее до начала предварительного расследования или рассмотрения уголовного дела в суде (однако может быть признан более мягким по отношению к новому), должен быть применен к лицу, ввиду того, что временем совершения преступления признается время совершения противоправного деяния [2, с. 1544].

В данном случае речь идет о тех деяниях, которые изначально признаны преступными, а впоследствии утрачивают свою юридическую силу или же за них смягчается ответственность. Однако позже деяния все же криминализируются либо ответственность за них усиливается.

Ввиду того, что данный аспект не регулируется нормативно, проблема промежуточного закона дискутируется в науке длительное время. Так, имеют место быть три интерпретации, в соответствии с которыми промежуточный закон:

- во-первых, обратной силы не имеет;
- во-вторых, обратную силу имеет, но при этом оказывает влияние на закон предыдущей редакции времени совершения противоправного деяния;
- в-третьих, уголовный закон может быть применен исключительно в том случае, если предусматривает более мягкое наказание по сравнению с законом, действовавшим в момент расследования уголовного дела.

Анализ трудов наиболее авторитетных ученых, которые занимались вопросами действия обратной силы уголовного закона, показала, что в большей

своей части они придерживаются мнения о том, что устанавливать строгий запрет на придание обратной силы промежуточному уголовному закону нецелесообразно. Такая позиция видится нам несправедливой, поскольку он также может улучшать положение осужденных, а следующий за ним уголовный закон может ухудшать их положение. Кроме того, промежуточный уголовный закон может полностью или частично декриминализировать деяние, которое потом может быть вновь введено в разряд уголовно наказуемых, что также ухудшает положение осужденных. Вместе с тем мы считаем справедливым установить возможность придания обратной силы промежуточному закону, поскольку это, как минимум, соответствует уголовно-правовым принципам.

Таким образом, считаем, что разъяснения Верховного Суда, определяющие порядок придания обратной силы и дающие разъяснение о том, в какой части новое законодательство можно считать более мягким по отношению к ранее действующему, следует давать либо заблаговременно до вступления в силу такого закона, либо сразу вместе с ним. Такое решение позволит привести судебную практику к единообразию, соблюсти основополагающие конституционные принципы и сократить время на судопроизводство.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 23.03.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Истомина Г. А. Обратная сила уголовного закона и проблемы ее применения (на основе материалов судебной практики) // Научный аспект. 2023. Т. 13, № 11. С. 1543–1547. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.7

Н. В. Пушко

*доцент кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат экономических наук, доцент*

**ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙНЫХ ФОНДОВ
КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКОВ
ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ**

Согласно общемировой практике, состояние несостоятельности (банкротства) нанимателя является наиболее проблемной ситуацией для работников, своевременно не получающих заработную плату. В настоящее время наше государство делает все возможное для сохранения устойчивой тенденции по снижению задолженности по зарплате предприятий-банкротов своим работникам. Так, в 2022 г. список должников по зарплате сократился с 17 до 4 организаций, работникам выплачено более 2,6 млн руб. В 2023 г. он уменьшился еще на 2 организации, а объем задолженности — на 340 тыс. руб. [1]. Однако пока такие предприятия-должники еще существуют, имеется необходимость в усовершенствовании механизма дополнительной защиты прав работников экономически несостоятельной организации, которые могут не только являться достаточно многочисленной категорией кредиторов при банкротстве, но и в значительно большей степени зависеть от финансовой состоятельности нанимателя, чем крупные кредиторы.

Работники приобретают права кредиторов в связи с неисполнением предприятием-должником обязательств по выплате заработной платы и производству иных выплат с момента подачи заявления о признании субъекта хозяйствования несостоятельным, и их отношения с такой организацией регулируются Законом Республики Беларусь от 13 дек. 2022 г., № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» [2] и другими нормативными правовыми актами, регулирующими правоотношения в области банкротства.

Опираясь на мировую практику защиты прав работников-кредиторов при банкротстве юридических лиц, необходимо выделить следующие наиболее распространенные способы дополнительной защиты: во-первых, приоритизация требований работников по оплате труда и иным связанным с ними выплатам, перед иными кредиторами, во-вторых, создание гарантийных фондов, которые нами рассматриваются как одно из средств криминологической

профилактики преступлений, связанных с нарушениями законодательства при банкротстве юридических лиц.

В Республике Беларусь применяется первый и наиболее распространенный из вышеперечисленных способов. Однако приоритизация требований работников не может служить гарантией удовлетворения всех их претензий, так как финансовое состояние субъекта хозяйствования может быть настолько неудовлетворительное, что не могут быть выплачены даже первоочередные требования. При этом наличие абсолютного приоритета у работников перед другими кредиторами имеет свое ограничение — удовлетворение требований по оплате расходов, связанных с проведением процедур банкротства, имеет приоритетное значение даже по сравнению с оплатой труда работников. Кроме того, процедура признания юридического лица неплатежеспособным обычно занимает достаточно длительный период, и работники сталкиваются с ситуацией долговременной невыплаты заработной платы.

Поэтому установление механизма защиты прав работников посредством создания гарантийных фондов позволит не только устранить описанные недостатки, но и предоставит возможность немедленного удовлетворения интересов работников-кредиторов. Такие фонды могут формироваться как за счет взносов нанимателей, так и путем дополнительного государственного софинансирования через предоставление им дотаций из бюджета. При этом к преимуществам фондов можно отнести заблаговременную подготовку путем их планомерного финансирования в период экономической стабильности субъекта хозяйствования, что всегда является более выгодным, чем ускоренная реализация имущества в процедуре ликвидации.

Важной составной частью функционирования механизма обеспечения социальных гарантий работников-кредиторов является также уголовно-правовая защита их прав. Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК) предусмотрена уголовная ответственность за сокрытие банкротства (ст. 239 УК) [3], преднамеренное банкротство (ст. 240 УК), препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами) (ст. 241 УК), уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 УК). Если же в ходе проведения экономического судопроизводства по делу о несостоятельности выявляются признаки преступлений, предусмотренных ст. 239–242 УК, то в случае возбуждения уголовного дела работники-кредиторы могут быть признаны потерпевшими и смогут воспользоваться дополнительными гарантиями реализации их законных имущественных прав в виде уголовно-правовой защиты. Кроме того, поскольку данная группа кредиторов-потерпевших может являться достаточно

многочисленной, они могут усложнить работу органов предварительного следствия и судов.

В связи с этим заблаговременное создание гарантийного фонда на предприятии, а также проведение своевременных ассигнований в этот фонд позволит своевременно в полном объеме удовлетворить требования работников-кредиторов и может быть рассмотрено как обстоятельство, смягчающее вину, в силу норм ч. 2 ст. 63 УК. Кроме того, в случае криминального банкротства возможно будет снизить общественную опасность рассматриваемых преступлений ввиду того, что сократится число потерпевших и общая сумма ущерба для всех кредиторов.

Таким образом, следует отметить, что современная национальная правовая система, регулирующая общественные отношения, возникающие между работником и нанимателем, в случае несостоятельности последнего нуждается в совершенствовании. Одним из возможных путей является внедрение механизма защиты прав работников-кредиторов при банкротстве юридических лиц через создание системы гарантийных фондов. Такие фонды, помимо прочего, могут послужить дополнительным средством криминологической профилактики в сфере защиты прав работников, сделают возможным устранение ряда недоработок в уголовно-правовой защите прав кредиторов от преступных действий представителей юридического лица при несостоятельности (банкротстве).

Список основных источников

1. Минэкономики: список предприятий-должников по зарплате сократился с 17 до 4 за год [Электронный ресурс] // Информационный центр Ассоциации профессиональных управляющих в сфере антикризисной деятельности. URL: <https://prodelo.by/minekonomiki-spisok-predpriyatij-dolznikov-po-zarplate-sokratilsya-s-17-do-4-za-god/> (дата обращения: 13.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс]: : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2022 г., № 227-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2

*Е. А. Реутская**доцент кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В соответствии со ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), под преступлением понимается совершенное виновно общественно опасное деяние, запрещенное под угрозой наказания. Указанное определение позволяет выделить признаки преступления, к которым относятся противоправность, виновность, наказуемость и общественная опасность. Первые три признака единообразно оцениваются правоприменителем ввиду их безусловно определенного понимания. Так, противоправность закрепляется на уровне положений Особенной части УК путем установления запретов на совершение конкретных деяний, виновность суд устанавливает исходя из анализа конкретных фактов, а наказуемость является прямым следствием выносимого судом обвинительного приговора. Только общественная опасность, которая является фундаментом преступления, не нашла своего четкого законодательного закрепления. Исследование содержания общественной опасности обусловлено ее значимостью. Так, она предопределяет меру уголовной ответственности за совершенное деяние, влияет на содержание санкций статей Особенной части УК и на категорию преступления (ст. 12 УК). Более того, именно общественная опасность является критерием разграничения преступлений и правонарушений. Однако существование нормы о малозначительности деяния в ст. 11 УК и одновременное отсутствие законодательной регламентации механизма измерения общественной опасности размывает ее границы еще больше.

Уголовное законодательство в качестве инструментов измерения общественной опасности закрепляет характер и степень в ст. 12 УК. Первоначально законодатель определяет типовую общественную опасность преступления через характер (ценность объекта уголовно-правовой охраны) и степень (санкция конкретной нормы), а затем правоприменитель, исходя из верхних и нижних границ наказания в виде лишения свободы, должен определить категорию преступления и, соответственно, степень индивидуальной общественной опасности преступления. Однако характер и степень общественной опасности проистекают из самой сущности общественной опасности, предопределяются ею, в связи с чем не смогут быть инструментом измерения определяющего их явления.

В качестве способов измерения индивидуальной общественной опасности в уголовно-правовой науке предлагают метод экспертных оценок, изучение судебных приговоров, определение вредоносности деяния через преступные последствия, учет опасности личности виновного. Однако экспертные оценки предполагают некоторый субъективизм, а анализ судебных приговоров показал, что суды вместо определения степени индивидуальной общественной опасности фактически ограничиваются отнесением совершенного преступления к одной из четырех категорий [1, с. 24]. Подобное формулирование может привести к тому, что термин «общественная опасность» станет еще более оценочным. Рассматривая последствия как инструмент измерения общественной опасности, согласимся с О. В. Ермаковой относительно того, что именно последствия отражают тот вред, который причинило совершение деяния [2, с. 70]. Однако не все составы преступлений предусматривают последствия, соответственно, для формальных составов указанный инструмент не подходит.

Научный интерес представляет идея измерения индивидуальной общественной опасности через опасность личности, ведь лицо, совершившее преступление, не следует рассматривать в отрыве от совершенного деяния [3, с. 34–35]. Так, А. Ю. Боковня справедливо сравнивала общественную опасность преступления и личности виновного с сообщающимися сосудами [4, с. 157], в которых общественная опасность преступления выражает общественную опасность виновного, а общественная опасность личности отражает индивидуальную общественную опасность преступления. В настоящее время уголовное законодательство Республики Беларусь четко не выделяет в качестве самостоятельного инструмента измерения общественную опасность личности, однако в УК уже есть предпосылки. Так, принцип справедливости (ст. 3 УК) предписывает назначать меры уголовной ответственности с учетом характера личности виновного. Часть 1 ст. 62 УК «Общие начала назначения наказания» обязывает суд при выборе вида и размера наказания учитывать не только характер и степень общественной опасности совершенного преступления, но и личность виновного. В научной литературе к критериям, характеризующим личность виновного, относят докриминальные данные личности, обусловившие совершение преступления; личностные данные, проявившиеся в преступлении; критерии, характеризующие степень общественной опасности личности виновного через совершенное им преступление, и ряд других [4, с. 161].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что общественная опасность является оценочным понятием и поддается неоднозначному толкованию. Разработка методики (критериев) измерения индивидуальной общественной опасности позволит обеспечить более точное соответствие наказания

степени тяжести совершенного преступления с учетом принципов уголовного права и общих правил назначения наказаний.

Список основных источников

1. Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Науч. вестн. Омск. акад. МВД России. 2009. № 4 (35). С. 20–24. [Вернуться к статье](#)
2. Ермакова О. В. Общественная опасность преступления и механизма его осуществления как основание выбора модели состава преступления // Алтайс. юрид. вестн. 2021. № 2 (34). С. 69–72. [Вернуться к статье](#)
3. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. 275 с. [Вернуться к статье](#)
4. Боковня А. Ю. Понятие и система критериев типовой степени общественной опасности личности виновного в совершении преступления // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2 (95). С. 156–162. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.5

Л. А. Рябцева

*старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

**ПУБЛИЧНОЕ ДЕМОНСТРИРОВАНИЕ
НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ ИЛИ АТРИБУТИКИ
В ВИДЕ ТАТУИРОВКИ
КАК ФОРМА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Современная редакция Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) содержит состав преступления, запрещающий пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 341¹ УК) [1]. Настоящее преступление направлено против общественной нравственности.

Объективная сторона данного состава содержит перечень альтернативных действий, любое из которых будет образовывать уголовно наказуемое деяние. В качестве незаконных действий с нацистской символикой или атрибутикой законодатель предусмотрел следующие: ее пропаганду, публичное демонстрирование, изготовление, распространение, хранение, приобретение [1]. Отдельные из них, в частности хранение и приобретение, требуют наличия цели на распространение.

Особый интерес в ст. 341¹ УК вызывает такая форма преступного поведения, как публичное демонстрирование. В отношении указанного незаконного действия, как и в отношении пропаганды, отсутствует развернутый перечень способов, которыми оно может быть совершено, что, по сути, представляется излишним, подразумевая любую форму распространения, не исключая, как отмечено в диспозиции, Интернет или иную информационную сеть.

Как единый термин понятие «публичное демонстрирование» в современном уголовном законодательстве белорусского государства ни в одном составе не представлено. В настоящей связи будет не лишним проанализировать его содержание, чтобы понимать, что охватывается понятием «публичное демонстрирование» и в каких формах оно может выражаться.

Так, согласно «Толковому словарю современного русского языка» Д. Н. Ушакова, «демонстрировать» (от лат. *demonstro* — «показываю») означает «показать (показывать) наглядным образом; выставить напоказ» [2, с. 112], а одно из значений слова «публичный» раскрывается как «совершающийся в присутствии общества, публики, открытый, гласный» [2, с. 562]. Из этого

следует, что публичное демонстрирование есть предъявление, рассчитанное на всеобщее восприятие (зрительное, слуховое). А поскольку настоящее действие является формой преступного поведения, то следует вести речь о предъявлении нацистской символики или атрибутики хотя бы одному лицу.

Что охватывается понятием нацистской символики и атрибутики, являющихся предметами настоящего преступления, определяется Законом Республики Беларусь от 14 мая 2021 года № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» (далее — Закон). Так, согласно указанному нормативному правовому документу, таковыми считаются флаги, гимны, музыкальные произведения, атрибуты униформы, свастики, эмблемы, символы, выпеллы, значки, другие отличительные знаки или их копии, которые использовались фашистскими партиями или иными структурами, с ними сотрудничавшими, что подтверждается в порядке, указанном в ст. 1 Закона, а также изображения лиц, виновность которых установлена в данной связи соответствующими трибуналами [3].

Соотнеся между собой содержание незаконного действия в форме публичного демонстрирования в отношении какого-либо из обозначенных выше предметов преступления, представляется, что любые действия по выставлению их напоказ или предъявлению к публичному прослушиванию (в случае, если это музыкальное произведение) хотя бы одному лицу являются противоправными. Анализ приговоров суда, находящихся в открытом доступе на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь, показал, что чаще всего правовой оценке подвергается поведение лица, имеющего татуировку соответствующего содержания, предъявляемую неограниченному кругу лиц [4]. По своей сути она является копией изображения предметов или лиц(-а), охватываемых понятием нацистской символики и атрибутики. Важное значение имеет время нанесения татуировки.

Относительно времени ее появления необходимо отметить следующее. Если татуировка была нанесена (то есть копия запрещенного изображения изготовлена) до вступления в силу Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 года № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», которым была введена уголовная ответственность по ст. 341¹ УК, то ввиду того, что правило об обратной силе уголовного закона не распространяется на случаи установления преступности деяния, действия по ее изготовлению (даже если лицо наносило татуировку самостоятельно), а также последующему публичному демонстрированию до момента вступления закона в силу, не являлись преступными. Однако если в дальнейшем такое лицо продолжило носить подобное изображение и публично демонстрировать его, то в случае

неоднократности совершения указанного действия оно подлежит привлечению к уголовной ответственности.

Если же татуировка подобного содержания появилась у лица после вступления закона, криминализирующего пропаганду или публичное демонстрацию, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 341¹ УК), то, согласно диспозиции настоящей нормы, содержащей альтернативные действия, уголовная ответственность наступит за изготовление такого изображения (если наносил сам), даже если не прибегал к его публичному демонстрационному (скрывал одеждой, аксессуарами; заклеивал и т. п.). В случае, если запрещенное изображение было нанесено с чьей-либо помощью (например, в тату-салоне), то для обладателя такой татуировки уголовная ответственность наступит с момента ее выставления напоказ неограниченному кругу лиц (при условии, что лицо уже дважды в течение года привлекалось к административной ответственности). При этом следует обратить внимание на тот факт, что для наличия уголовной ответственности демонстрация должна быть осуществлена в месте, обладающем признаками общественного (поликлиника, пляж, пролет лестничной клетки, улица и др.). Для специалиста, наносившего татуировку, уголовная ответственность наступит за изготовление при условии, что его действия совершались неоднократно.

Месторасположение татуировки, содержащей изображение нацистской символики и атрибутики, правового значения не имеет. Вместе с тем, если такого рода татуировки были нанесены на участки тела до вступления в законную силу Закона, которым была введена уголовная ответственность по ст. 341¹ УК (время нанесения устанавливается экспертным путем), то уголовная ответственность наступит за их предъявление обществу любым способом (разместило свое фотоизображение на странице в Интернете; носит одежду, не скрывающую или не в полной мере скрывающую татуировку и др.) при неоднократности совершения указанного действия. В отдельных случаях предпринять меры по сокрытию участков тела, на которых имеются подобные изображения в виде татуировок, представляется проблематичным, поэтому самым надежным способом будут выступать меры по их удалению.

Таким образом, исходя из проведенного анализа и в контексте диспозиции ст. 341¹ УК, под публичным демонстрационным нацистской символики или атрибутики следует понимать любые действия лица, направленные на их предъявление (в том числе для зрительного восприятия) не установленному кругу лиц, включая татуировки обозначенного содержания.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с. [Вернуться к статье](#)
3. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 мая 2021 г., № 103-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Банк судебных решений [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/poisk/?jur_type%5B%5D=1&case_number=&requestText=&date_single=&date_from=&date_to=&date_single_create=&date_from_create=&date_to_create=&article%5B%5D=370-3113&b_search_decision=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 12.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2/7

С. Е. Суверов

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Уголовное законодательство является главным инструментом государства, применяемым для противодействия преступности в различных ее проявлениях. Первоначальный этап его исторического развития включал в себя такую базовую идею, как неотвратимость наказания лица, совершившего общественно опасное деяние, что было обусловлено рядом факторов.

В дальнейшем данный подход претерпел существенное изменение, что позволило законодателю предусмотреть различные варианты уменьшения негативных уголовно-правовых последствий или вовсе их избежать. В настоящее время институт освобождения от уголовной ответственности является неотъемлемым элементом проводимой Российской Федерацией политики противодействия преступности [1, с. 18–19].

В научной литературе постоянному осмыслению подвергаются грани возможных «уступок» со стороны органов государственной власти по отношению к лицам, преступающим уголовный закон, рассматриваются условия, соблюдение которых обосновывало бы целесообразность освобождения виновных от уголовной ответственности. В данном контексте актуальность приобретает анализ уголовно-правовых условий, позволяющих освободить лицо от уголовной ответственности при совершении им преступления, предусмотренного ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК).

Так, ст. 210 УК устанавливает ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней). Приведенная форма соучастия в сравнении с иными, известными уголовному закону России (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа), представляет наибольшую угрозу защищаемым общественным отношениям и требует значительных сил правоохранительных органов для пресечения преступной деятельности фигурантов.

Согласно статистическим данным, в 2020 г. за совершение данного преступления было осуждено 304 лица, в 2021 г. — 295 лиц, в 2022 г. — 408 лиц.

Из них от 85,4 % (в 2021 г.) до 88 % (в 2022 г.) приходится на осужденных по ч. 2 ст. 210 УК¹. В 2022 г. в производстве следователей органов внутренних дел находилось 361 уголовное дело данной категории.

Подчеркнем, что в зависимости от той роли, которую выполняло привлекаемое к уголовной ответственности лицо, зависит и перечень тех позитивных посткриминальных действий, которое оно может предпринять для своего освобождения от неблагоприятных последствий.

Исходя из содержания примечания 2 к ст. 210 УК, законом выделяются следующие два неразрывных условия освобождения от уголовной ответственности:

- добровольное прекращение участия в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении (ч. 2 ст. 210 УК) или сообщение правоохранительным органам о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп (чч. 1, 1.1, 3, 4 ст. 210 УК);

- активное способствование раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) или входящего в него (нее) структурного подразделения и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением. Иными словами, это может быть как добровольное прекращение противоправной деятельности, так и предоставление информации о собрании руководителей с одновременным активным способствованием раскрытию совершенных преступлений, пресечением дальнейшей противоправной деятельности преступного сообщества (преступной организации) [2, с. 230].

Важно, что соблюдение виновным вышеизложенных условий в императивной форме предусматривает отказ от его уголовного преследования за исключением случаев, когда в действиях такого лица содержится состав иного преступления. Считаем, что следует поддержать мнение Л. М. Прокументова, который отмечает, что вынужденное прекращение своей преступной деятельности не может рассматриваться в качестве добровольных действий виновных лиц [3, с. 128].

В связи со значительной общественной опасностью объединения лиц в исследуемую форму соучастия, а также сложностью оперативной работы

¹ Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2020–2022 гг. (сводный по всем судам Российской Федерации общей юрисдикции).

с соучастниками законодателем было принято решение о включении в УК данного специального вида освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, сопряженность функционирования преступного сообщества (преступной организации) с совершаемыми им (ей) преступлениями указывает на замысел законодателя предупредить совершение иных производных общественно опасных деяний [4, с. 129].

Фактически от виновного лица требуется оказать правоохранительным органам содействие путем предоставления информации, способствующей задержанию соучастников, раскрытию ранее совершенных преступлений, сбору доказательственной базы в отношении виновных, розыску имущества, добытого преступным путем, что по существу схоже с положением, закрепленным в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК. Какие-либо дополнительные условия, например о совершении преступления впервые, заглаживании причиненного преступлением вреда и проч., в законе отсутствуют.

Таким образом, нами было рассмотрено содержание освобождения от уголовной ответственности при совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК, которое нашло свое выражение в выполнении лицом юридически значимых условий, способных прекратить уголовное преследование виновного.

Список основных источников

1. Нечепуренко А. А. Перспективы законодательного регулирования института освобождения от уголовной ответственности // Вопросы правовой теории и практики : сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Бавсун. Омск : Омская акад. МВД России, 2019. Вып. 14. С. 15–26. [Вернуться к статье](#)
2. Трухачев В. В., Белова Н. В. Прекращение преступной деятельности как специальное основание освобождения от уголовной ответственности // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. 2021. № 1. С. 228–238. [Вернуться к статье](#)
3. Прокументов Л. М. Уголовно-правовое стимулирование позитивного посткриминального поведения участников преступного сообщества (преступной организации) нуждается в совершенствовании // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 126–129. [Вернуться к статье](#)
4. Оболенский Ю. Б. Освобождение от уголовной ответственности за деятельность организованных преступных объединений // Ученые зап. Крив. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2021. № 1. С. 126–130. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

*М. А. Сулимов**адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

О МЕСТЕ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ В СФЕРЕ СПОРТА, В СТРУКТУРЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Повышение уровня уголовно-правовой регламентации борьбы с преступлениями в какой-либо сфере является одной из приоритетных задач законодательных и правоохранительных органов. В сфере подготовки и проведения спортивных соревнований в Республике Беларусь по факту обеспечивается защита от коррупционных проявлений и деяний, связанных с употреблением запрещенных веществ и методов в спорте (допинг). Наш законодатель посчитал, что это наиболее общественно опасные деяния, и мы с ним согласны. При этом, чтобы эффективно применять данные нормы, необходимо уяснить сущность данной категории преступлений.

В настоящее время в отечественной уголовно-правовой доктрине сложилось мнение о том, что ст. 253 «Подкуп участников и организаторов спортивных соревнований» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) является специальным видом коммерческого подкупа, в связи с чем данная статья помещена в главу 25 УК «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности». Данное положение не осталось без внимания со стороны ученых, некоторые из них не согласны с данной позицией. Например, В. В. Хилюта считает: «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК), как и коммерческий подкуп, не может быть отнесен к разряду деяний, посягающих против порядка осуществления экономической деятельности. Профессиональный спорт и шоу-бизнес можно в какой-то степени отнести к сфере экономики (сфера экономики и порядок осуществления экономической деятельности не равнозначные понятия), но в большей степени это противоправное деяние посягает на отношения, содержание которых составляет служба в организациях, устраивающих и проводящих профессиональные спортивные соревнования либо зрелищные коммерческие конкурсы» [1, с. 359]. По нашему мнению, данная позиция заслуживает внимания, ведь если обратиться к Закону Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 125-З «О физической культуре и спорте» (далее — Закон), спортивное соревнование — состязание среди спортсменов (команд спортсменов) по виду (видам) спорта в целях определения

победителей, спортивных результатов, проводимое в соответствии с правилами спортивных соревнований по виду спорта и положением о проведении (регламентом проведения) спортивного соревнования [2]. Из положения закона следует, что порядок осуществления экономической деятельности никак не затронут в определении спортивных соревнований. Кроме этого, следует учитывать, что управление практически всеми видами спорта, представленными в Республике Беларусь, осуществляется общественными объединениями, не являющимися коммерческими организациями. Приоритетными задачами данных общественных объединений являются развитие видов спорта в Республике Беларусь и представление наших спортсменов на международных соревнованиях.

Спорная ситуация возникла со ст. 331¹ УК «Склонение спортсмена к использованию вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов», ст. 331² «Умышленное использование в отношении спортсмена вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов». Данные составы помещены в главу 29 «Преступления против здоровья населения». Определяя сущность данных преступлений, следует исходить из предназначения запрещенных веществ и методов. В данном случае речь идет о «допинге», применение которого подразумевает повышение выносливости и силовых показателей спортсмена. Безусловно, применение допинга может повлечь расстройство здоровья, но первопричина его применения не навредить спортсмену, а улучшить его результативность. В свою очередь, спортсмен, применяющий допинг при проведении спортивного соревнования, посягает на основные принципы олимпизма и спорта в целом, заключающиеся в честной и добросовестной конкуренции.

Таким образом, настоящее закрепление норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану сферы спорта, в структуре особенной части УК подвергается сомнению, так как объекты посягательств по своей сути не совпадают с фактическим закрепленным положением. Данная проблема требует дальнейшего изучения и проработки. Уяснение сущности данной категории преступлений и определение объекта противоправного посягательства в сфере спорта, пожалуй, занимает центральное место в изучении и научном осмыслении в настоящий момент. Дальнейшая разработка данной проблемы позволит повысить уровень законодательной регламентации, а также эффективность применения данных норм.

Список основных источников

1. Хилюта В. В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правотворчества и правоприменения : моногр. Гродно : ГрГУ, 2014. 365 с. [Вернуться к статье](#)
2. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2022 г. № 200-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.34

П. Д. Фризен

*профессор кафедры теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

Объединение лиц, обладающих субъектностью (в уголовно-правовом смысле), в целях совершения преступления (преступлений) образует собой какую-либо форму соучастия. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК) в ст. 35 предусматривает четыре возможных вида совместного преступления закона. Наиболее общественно опасным из них является преступное сообщество (преступная организация), поскольку оно представляет собой наибольшую степень сплоченности, подчиненности, направленности на достижение криминального результата [1, с. 228]. Деятельность таких группировок создает опасность для общественной безопасности, дезорганизует работу органов власти, требует для своего пресечения задействования значительных сил правоохранительных органов.

Для верной квалификации содеянного и отправления правосудия необходимо понимать, какими ключевыми признаками обладает преступное сообщество (преступная организация), чтобы разграничить его и иные формы соучастия (главным образом, его отличие от организованной группы) и исключить необоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности. В этой связи было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС) от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [2]. Исходя из приведенного разъяснения высшего судебного органа следует, что данная форма соучастия отличается от иных видов преступных групп более сложной внутренней структурой, совместной целью совершения тяжких или особо тяжких преступлений для извлечения прибыли.

Примечательно, что преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою деятельность либо как структурированная организованная группа (в которой имеются различные звенья, подгруппы, которые взаимодействуют между собой и выполняют отдельные действия, направленные на достижение общего преступного результата), либо как объединение

организованных групп (совместная деятельность нескольких организованных групп, которые имеют устойчивые связи). Важно, что в любом из вышеперечисленных видов объединения преступников для них должны существовать единое руководство, стабильность состава, согласованность действий [3, с. 36].

Считаем, что из содержания уголовного закона России, а также из вышеприведенного толкования, данного ВС, следует, что ключевыми уголовно-правовыми признаками преступного сообщества (преступной организации) являются: 1) структурированность; 2) организованность; 3) цель создания. Безусловно, в своем содержании такая форма соучастия исходит из организованной группы (устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений). Вместе с тем преступное сообщество (преступная организация) отличается от организованной группы: 1) более сложной внутренней структурой; 2) наличием цели совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды; 3) возможностью объединения двух и более организованных групп в этих же целях.

Видится, что более сложная внутренняя структура может выражаться: 1) в наличии различных подразделений, действующих в общих преступных намерениях, разделением между ними функций; 2) в разветвлении управленческих, организационных, финансовых связей, единой идеологии, многоуровневости управления; 3) в наличии кодекса поведения и ответственности за его нарушение; 4) в механизме поддержания внутренней дисциплины; 5) в имеющейся определенной сумме денежных средств, находящейся в общем распоряжении.

Относительно численного состава участников преступного сообщества (преступной организации) следует заметить, что если она представляет собой структурированную организованную группу, то должна состоять не менее чем из двух подразделений, в каждое из которых должно входить не менее двух лиц, включая руководителя. Если лицо, создавшее преступную группу, не входит в какое-либо подразделение, то минимальное число участвующих лиц составляет пять. Аналогично определяется и число участников преступного сообщества (преступной организации), действующего в форме объединения организованных групп.

Подчеркнем, что отсутствие ряда приведенных нами признаков влечет недоказанность деятельности преступного сообщества, а значит, исключение части предъявленного обвинения. Для иллюстрирования выдвинутого тезиса приведем пример из судебной практики.

Так, органами предварительного следствия было установлено, что преступная группа, осуществлявшая незаконный сбыт наркотических средств, действовала под руководством неустановленного лица. В данное объединение входили различные структурные подразделения, выполнявшие разные функции: 1) незаконное приобретение и доставка в Новосибирскую область наркотических средств; 2) разделение доставленных наркотических средств по партиям для дальнейшей розничной передачи; 3) незаконный сбыт наркотических средств в различных регионах Российской Федерации конечным потребителям. По версии следствия, еще одно структурное подразделение сбывало наркотические средства потребителям на территории Республики Хакасия и Красноярского края под видом интернет-магазина. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия исключила из обвинения ст. 210 УК (относительно участия в преступном сообществе (преступной организации)), поскольку подразделение, действовавшее в г. Абакане, не имело своего руководителя, оно действовало самостоятельно (руководство им не было подтверждено материалами уголовного дела). Кроме того, в материалах уголовного дела наличествовали факты сбыта наркотиков только на территории г. Абакана, соответственно, не была доказана территориальная обособленность подразделений в других регионах Российской Федерации или Республики Хакасия [4].

Таким образом, нами были выделены значимые признаки преступного сообщества (преступной организации) в целях его (ее) разграничения с иными формами соучастия в целях повышения эффективности предварительного расследования и верной квалификации содеянного.

Список основных источников

1. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений в зависимости от формы соучастия в преступлении // СибСкрипт. 2015. № 2-2. С. 227–232. [Вернуться к статье](#)
2. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 10 июня 2010 г., № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex Russica. 2022. № 2. С. 34–45. [Вернуться к статье](#)
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия от 15.02.2021 по делу № 22-466/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.43

*Е. Д. Шилёнок**старший оперуполномоченный ГНиПТЛ КМ Глубокского РОВД*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Торговля людьми — это глобальная проблема, являющаяся актуальной практически для любого государства. По своей сути данное преступление представляет собой незаконную практику, при которой люди продаются и покупаются как товары для различных целей, тем самым возвращая наше цивилизованное общество во времена рабовладельческого и феодального строя.

Актуальности данной проблемы способствуют два основных фактора, искоренение которых будет способствовать эффективной борьбе с данным преступлением. Первым и самым важным фактором является латентность совершаемого преступления. Это те условия и обстоятельства, в которых находится жертва. Как правило, у жертвы, привезенной в другую страну для дальнейшей эксплуатации, изымают все средства для существования и коммуникации, таким образом оставляя в непосредственной зависимости от торговцев. Стоит отметить, что поставление лица в зависимое положение и дальнейшее злоупотребление уязвимым или зависимым положением проходит в несколько этапов. Так, уже на этапе вовлечения с целью склонить лицо к совершению действий, ведущих впоследствии к эксплуатации, торговцы используют обман либо злоупотребление доверием или уязвимым положением. Как правило, жертвы о дальнейших последствиях не задумываются, ибо при вербовке торговцы подбирают граждан, которые нуждаются в материальном достатке.

Далее торговцы используют различные методы воздействия, чтобы контролировать жертв и заставлять их работать без возможности освободиться. Это создает серьезные последствия для жертв торговли людьми, включая физические и психологические травмы, а также социальную изоляцию.

Вторым фактором, который в какой-то мере образует латентность, является проблема в законодательном регулировании преступлений данной категории. Свое отражение торговля людьми нашла в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) [1], в Законе Республики Беларусь от 7 января 2012 года № 350-З «О противодействии торговле людьми» (далее — Закон № 350-З) [2] и ратифицированной в 2003 году Республикой Беларусь Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющем ее Протоколе о предупреждении и пресечении торговли

людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (далее — Протокол) [3].

При анализе статьи УК и норм Закона № 350-3 заметна разница в способах воздействия на жертву. Так, возникает несоответствие между УК и Законом, которое заключается в характере насилия. На наш взгляд, способ, указанный в ст. 181 УК, более точно отражает сущность совершаемого действия, ведь в УК имеется разграничение: в ч. 1 указано насилие, не опасное для жизни или здоровья, а в п. 2 ч. 2 указано насилие, опасное для жизни или здоровья.

Однако и в УК, и в Законе № 350-3 данный перечень способов не полон и не содержит всех способов воздействия на жертву. В статье 3 Протокола дан обширный перечень способов совершения преступления, к ним отнесены: угроза силой или ее применение или другие формы принуждения; похищение; мошенничество; обман; злоупотребление властью или уязвимостью положения; подкуп.

Хоть Протокол и был ратифицирован Республикой Беларусь, все же имеются некоторые несоответствия с нормами национального права. Стоит обратить внимание, что среди указанных способов воздействия присутствует злоупотребление уязвимостью положения. Данный способ в научной литературе выделяется как один из способов совершения торговли [4, с. 27]. Хоть на настоящий момент в УК данный способ отсутствует, до 2015 года в какой-то мере отражалось злоупотребление уязвимым положением лица и рассматривалось как квалифицирующий признак совершения торговли людьми. Однако данный признак был исключен в связи с внесением изменений в ст. 181 УК Законом Республики Беларусь № 241-3 от 5 января 2015 года. Полагаем, что отсутствие законодательного закрепления злоупотребления уязвимым положением в перечне способов совершения торговли людьми не соответствует рекомендациям, закрепленным в ст. 5 Протокола, что позволяет говорить о несоответствии между национальным и международным законодательством [5, с. 181]. Так, например, способы, указанные в Протоколе, не нашли своего закрепления в УК и Законе № 350-3, однако в ст. 2 Закона № 350-3 «Правовое регулирование отношений в сфере противодействия торговле людьми» указано, что «если международным договором установлены иные правила, чем те, которые содержатся в Законе, то применяются правила международного договора». Таким образом, стоит сделать вывод о том, что необходима корректировка норм, содержащихся в УК.

Исследование материалов правоприменительной практики показало, что виновные лица применяют различные способы поставления лица в зависимость. Проблематика данных случаев в том, что у потерпевшего может

возникать специфическая защитно-бессознательная реакция, при которой состояние зависимости вытесняется в подсознание и заменяется самоотождествлением потерпевшего с эксплуататором, влекущим идеализацию и оправдание действий последнего со стороны жертвы [5, с. 180–181].

Хоть и заметна определенная схожесть между уязвимым и зависимым положением, стоит отметить, что потерпевший, находящийся в уязвимом положении, обладает свободой воли. То есть уязвимое положение, в отличие от зависимого, характеризуется тем, что в первом случае лицо имеет реальную возможность действовать по своей воле, а во втором случае — нет. При злоупотреблении уязвимым положением виновное лицо манипулирует интересами потерпевшего для получения от него согласия на лишение его свободы воли.

Таким образом, можно говорить о различии между двумя способами совершения торговли людьми, нацеленными на поставление потерпевшего в зависимое положение. В связи с этим целесообразно законодательно отразить злоупотребление уязвимым положением в качестве одного из способов совершения рассматриваемого преступления в диспозиции ст. 181 УК.

Борьба с этим преступлением требует не только усилий по выявлению и наказанию лиц, совершивших данное преступление, важно также работать над созданием некоторых условий, таких как корректировка законодательства, борьба с бедностью, улучшение доступа к образованию, кроме того, общественное просвещение и осведомленность о проблеме торговли людьми.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. О противодействии торговле людьми [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 350-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2023 г. № 324-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [вступил в силу для Респ. Беларусь 25 дек. 2003 г.]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Уголовная ответственность за посягательства на личную свободу человека : пособие / О. И. Бахур [и др.] ; под общ. ред. Э. А. Саркисовой, Н. И. Ретнёвой ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних Дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. 138 с. [Вернуться к статье](#)
5. Харевиц Д. Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D. 2018. № 5. С. 179–184. [Вернуться к статье](#)

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.91

А. М. Басханов

*преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России*

КИБЕРБУЛЛИНГ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Личность киберпреступника, а именно кибербуллера, сегодня имеет достаточно неясную характеристику. В законодательстве России отсутствует единое определение понятия «кибербуллинг». В распоряжении Минпросвещения Российской Федерации от 25 декабря 2019 г. № Р-145 «Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися», раскрывается термин «буллинг». Под буллингом понимается «проявление агрессии, в том числе физическое насилие, унижение, издевательства в отношении обучающегося образовательной организации со стороны других обучающихся и/или учителей». Одна из современных разновидностей буллинга — кибербуллинг, травля в социальных сетях [1].

Кибербуллер (киберагрессор) — это человек, который запугивает, преследует свою жертву в сети Интернет. Такие лица чаще всего имеют проблемы с психическим здоровьем (возможны агрессия, гиперактивность, импульсивность, нарциссизм, психопатия, биполярное расстройство). Кроме того, эти лица, как правило, имеют низкий уровень сочувствия, запугивание других является для них способом самоутверждения. Киберагрессор совершает преступление исключительно в интернет-пространстве.

Причины этого феномена следующие:

1. Неконфронтационность и анонимность.
2. Для входа нет никаких препятствий.
3. Отсутствие обратной связи от потерпевшего.

Причинами интернет-травли могут быть также обида, зависть, гнев и т. д. Мотивацией такого поведения являются анонимность и безнаказанность. Месть также является распространенной причиной интернет-травли.

Итак, основные аспекты личности кибербуллера:

1. *Агрессивность и желание контроля.* Кибербуллер может чувствовать потребность в контроле над другими людьми и использовать насилие для достижения своих целей.

2. *Низкая самооценка.* Часто кибербуллеры могут испытывать недостаток самооценки и пытаться компенсировать это, высмеивая и унижая других людей.

3. *Отсутствие социальной ответственности.* Кибербуллеры могут не осознавать последствий своих действий и не понимать, что их действия могут навредить другим людям.

4. *Желание привлечь внимание.* Кибербуллеры могут использовать кибербуллинг как способ привлечения внимания к себе и получения статуса в группе.

5. *Негативный опыт общения.* Некоторые кибербуллеры могут иметь негативный опыт общения в реальной жизни и использовать кибербуллинг как способ избегания проблем в реальной жизни.

Цели кибербуллера могут различаться и зависеть от конкретной ситуации, в которой он оказался. Однако общими целями киберзапугивания могут быть:

1. *Власть и контроль.* Киберзапугивание может использоваться для того, чтобы получить власть и контроль над другими людьми. Кибербуллер может чувствовать удовлетворение от того, что может манипулировать людьми и контролировать их.

2. *Мсть.* Кибербуллер может использовать киберзапугивание как способ отомстить кому-то за то, что он считает несправедливым или оскорбительным. Это может быть связано с прошлым опытом или конфликтом, возникшим в реальной жизни.

3. *Привлечение внимания.* Киберзапугиватель может использовать данный вид преступлений, чтобы привлечь внимание. Он может чувствовать неуверенность или недостаток внимания в реальной жизни и пытаться компенсировать это с помощью травли.

4. *Социальный статус.* Киберзапугивание может использоваться для повышения своего социального статуса в группе. Он может чувствовать потребность в том, чтобы его признавали и уважали в группе, и использовать киберзапугивание как способ добиться этого.

Криминогенные факторы, влияющие на кибербуллера, могут быть различными, начиная от компьютерных игр, подражания блогерам, кумирам из фильмов или сериалов, влияния треш-контента, стримов, заканчивая

проблемами в семье и психическими отклонениями. В последнее время происходит популяризация деструктивного поведения на различных социальных платформах, в том числе в известных социальных сетях «Инстаграм»¹, «ВКонтакте». Несмотря на отключение монетизации аккаунтов блогеров и треш-стримеров, данная деятельность все равно набирает обороты, так как существует возможность получения хорошего заработка за счет рекламы, а также донатов на треш-стримах.

Конечным итогом такой деятельности могут явиться последствия в виде стрельбы в школах, доведения до самоубийства и т. д. В связи с этим необходимо усилить комплексную работу государственных органов, органов местного самоуправления, сместить акценты на воспитание в семьях, школах, уделять большое внимание нравственной составляющей, прививать любовь к учебе, к труду и мотивировать на достижение высот в той или иной области.

Список основных источников

1. Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися [Электронный ресурс] : распоряжение М-ва просвещения Рос. Федерации, 25 дек. 2019 г., № Р-145. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

¹ «Instagram» — продукт компании «Meta», деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

УДК 343.9.01

Т. И. Вишневская

*начальник кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ — ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА КАЖДОГО ГОСУДАРСТВА

Пожилые люди являются связующим звеном между прошлым, будущим и настоящим. Древнегреческий философ Платон считал старость совершенным возрастом, а старика — хранителем законов, традиций, истории [1, с. 33]. История знает множество примеров мудрых советов пожилых людей, которые спасли мир от катастроф и трагедий. В эпоху цифрового мира и виртуального пространства, характеризующуюся стремительным развитием высоких технологий, новейших средств коммуникации, возможности и угрозы растут пропорционально и экспоненциально. В данном аспекте особое беспокойство вызывает защита пожилых граждан от криминальных угроз в настоящее время.

Мировые демографические данные констатируют ежегодное увеличение количества людей пожилого возраста (в возрасте 65 лет и старше) в общей численности населения практически всех стран. Демографическое старение планеты является значимой тенденцией XXI века, свидетельствующей о социальной трансформации и влияющей на все сферы жизнедеятельности общества. По оценкам Организации Объединенных Наций, численность населения мира в возрасте 65 лет и старше растет более быстрыми темпами по сравнению с другими возрастными группами. Если в 2022 г. пожилые люди составляли 10 % населения мира, то к 2050 г., по прогнозу Организации Объединенных Наций, их численность увеличится до 16 % [2].

Для Республики Беларусь также актуальна проблема старения населения — с 1970 по 2023 г. численность пожилых людей выросла. Если в 1979 г. доля пожилых людей составляла 1 029 223 человека, или 10,8 % от общей численности населения всех возрастных групп, то в 2023 г. — 1 517 148 человек, или 16,5 %. Соответственно, удельный вес пожилых людей в общей численности населения Республики Беларусь с 1970 по 2023 г. вырос на 5,7 % [3, с. 45]. Вместе с тем, согласно национальному демографическому прогнозу, доля пожилых людей в общей численности населения Республики Беларусь в дальнейшем также будет увеличиваться [4].

Государства со стареющим населением должны принять меры по адаптации государственных программ к растущей доле пожилых людей, в том числе путем повышения устойчивости систем социального и пенсионного обеспечения, создания всеобщей высококачественной гериатрической помощи, систем долгосрочного ухода. Приоритетным направлением в области развития активного и позитивного долголетия, комфортного жизнеустройства пожилых граждан является обеспечение виктимологической безопасности, под которой следует понимать «защищенность граждан от реализации присущих им виктимных свойств и качеств, при которой создаются благоприятные условия, дающие возможность выявлять, устранять или нейтрализовывать факторы и ситуации, способствующие совершению преступлений в отношении конкретных лиц, выявлять группы риска или конкретных лиц с повышенной степенью виктимности, воздействовать на них с целью восстановления или активизации их защитных свойств, а также разрабатывать либо совершенствовать уже имеющиеся специальные средства защиты граждан от преступлений и их последующей виктимизации» [5, с. 38].

Пожилый возраст относится к характеристикам личности и связан с криминологической геронтологической виктимностью — предрасположенностью пожилого лица из-за особенностей, обусловленных процессом старения и периодом старости, стать в определенных ситуациях жертвой преступления. Старение, как биологический процесс, связанный с деструктивными психофизиологическими изменениями в организме человека (нарушение функционирования сердечно-сосудистой системы, нервной системы, психики, ослабление зрения, слуха, памяти, внимания и др.), под влиянием негативных социальных факторов периода старости (снижение социально-ролевого статуса, социальных контактов, материального положения), инновационных реалий нынешнего информационно-техногенного общества (интенсификация информационно-коммуникационных технологий, развитие нано- и биотехнологий и др.) предопределяет социальную уязвимость и поведение пожилых людей как потенциальных жертв.

Состояние виктимности выражается в количественном показателе — числе пожилых жертв преступлений применительно к общему числу потерпевших от преступлений вообще. Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, удельный вес лиц пожилого возраста, пострадавших от преступлений, в общем количестве потерпевших от преступлений всех возрастных групп ежегодно составляет около 9 % и имеет отрицательную тенденцию к увеличению [6, с. 1]. При этом в подавляющем большинстве случаев в отношении пожилых людей совершаются корыстные

преступления (в незначительной доле и корыстно-насильственные), в которых объектом посягательства выступало их имущество (собственность). Однако в условиях развития современных технологий за последние несколько лет наблюдается значительный рост количества жертв компьютерной преступности среди лиц пожилого возраста.

В условиях прогнозируемого роста численности пожилых людей, развития новейших форм высоких технологий криминогенный фон преступных посягательств в отношении пожилых людей ухудшается и требует поиска новых подходов в обеспечении их виктимологической безопасности. Следует отметить целесообразность переориентации мер общей и индивидуальной виктимологической профилактики на противодействие киберпреступности с акцентом на адаптацию, аксикреацию, девиктимизацию пожилых граждан в цифровом пространстве.

Список основных источников

1. Василенко Н. Ю. Социальная геронтология. Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2005. 140 с. [Вернуться к статье](#)
2. World Population Prospects 2022. Summary of Results [Electronic resource] // United Nations/ URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp_2022_summary_of_results.pdf (date of access: 16.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2023 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. 322 с. [Вернуться к статье](#)
4. О Государственной программе «Социальная защита» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 дек. 2020 г., № 748. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Задорожный В. И. Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики : моногр. Тамбов : Першина, 2005. 161 с. [Вернуться к статье](#)
6. Вишневская Т. И. Геронтологическая преступность: криминологическая характеристика и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2022. 29 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.915

*И. В. Данькова**старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

Преступность, в том числе и в среде несовершеннолетних — это негативное, но в то же время неизбежное социальное явление любого общества. Несмотря на то, что на сегодняшний день учеными и практиками раскрыты основные причины и особенности правонарушений в подростковой среде, указанная проблема продолжает существовать и требует дальнейшего разрешения. Без исследования сложнейших вопросов личностных, биологических и психологических особенностей подростка невозможно оценить влияние разнообразных процессов общественной жизни на него, как на лицо, совершившее правонарушение, равно как и взаимодействие характеристик подростка с его внешним социальным окружением.

Проблема формирования личности подростка с различными видами отклонений в его поведении, а также предупредительной работы по недопущению им совершения правонарушений и преступлений всегда занимала одно из центральных мест в научных исследованиях, о чем говорят труды таких известных ученых, как Ю. М. Антонян [1], А. И. Долгова [2], Е. С. Жигарев [3], В. Г. Стуканов [4], А. И. Ушатилов [5] и др.

Научно доказанный факт, что подростковый возраст — это самый сложный и кризисный период в развитии несовершеннолетнего, так как именно в это время у подростка формируются основные социальные и морально-нравственные ценности и установки. Сам по себе подростковый возраст не опасен, однако подростковые психологические изменения способны усугубить сформированные ранее отрицательные черты личности, поскольку не только положительные образцы поведения оказывают влияние на этот процесс. Нередко в ходе постоянного и непосредственного общения с другими людьми подросток усваивает антиобщественные взгляды, стремления, ориентации и т. д.

По мнению А. И. Долговой, несовершеннолетние правонарушители — это нормальные дети, которые попали в ненормальные условия. Устранить эти условия — значит предотвратить превращение трудного подростка в правонарушителя, а правонарушителя — в преступника [6, с. 88].

Кроме социальной среды, на противоправное поведение подростка влияют еще и биологические особенности личности, которые проявляют себя во взаимодействии со взглядами, наклонностями, убеждениями. В целях составления криминологического и психолого-педагогического портрета личности несовершеннолетнего правонарушителя нами были изучены личности подростков, с которыми инспекцией по делам несовершеннолетних управления внутренних дел администрации Ленинского района г. Могилева (далее — ИДН) проводится индивидуальная профилактическая работа (далее — ИПР). В экспериментальную группу входило 250 подростков в возрасте от 14 до 17 лет. Для удобства мы разделили их на следующие группы:

- группа 1: подростки, с которыми ИДН активно проводит ИПР;
- группа 2: подростки, с которыми сотрудники ИДН ранее проводили ИПР, но в связи с исправлением они сняты с контроля;
- группа 3: подростки, которые в период проведения ИПР совершили правонарушение;
- группа 4: подростки, совершившие правонарушение, с которыми ИПР никогда не проводилась, хотя должна была проводиться в связи с имеющимися в их поведении отклонениями.

Одновременно с экспериментальной группой изучалась контрольная группа правопослушных подростков, состоящая из 250 человек в возрасте от 14 до 17 лет, проживающих на территории Ленинского района г. Могилева.

Информацию об испытуемых мы получали из материалов проверок и уголовных дел, имеющих в органах внутренних дел, путем сбора независимых характеристик окружающих и представителей учебных заведений, а также в процессе анкетирования подростков и устных бесед с ними. Все данные, полученные в ходе исследования, мы разбили на категории, с помощью которых в последующем мы составим портрет несовершеннолетнего правонарушителя.

Категория 1. Социально-демографические признаки. Согласно полученным нами цифрам, среди несовершеннолетних правонарушителей преобладают юноши, что объясняется психическими и психологическими особенностями пола, различием интересов, поведения, а также особенностями воспитания мальчиков и девочек. Говоря о возрасте, следует отметить, что преобладающее число правонарушителей составляют старшие подростки 16–17 лет, что также объясняется социально-психологическими причинами. Не менее важное значение для характеристики несовершеннолетних правонарушителей имеет их образовательный уровень — это в основном учащиеся профессиональных и технических колледжей и общеобразовательных школ (начиная с 8 класса). Кроме

того, четверть подростков воспитываются в неполной семье (в большинстве случаев только с матерью).

Категория 2. Социально полезные интересы, стремления и увлечения испытуемых. Исследование показало, что подростки, составляющие контрольную группу, заинтересованы в получении образования, овладении профессией и заняты полезным досугом в свободное время, в то время как у несовершеннолетних из экспериментальной группы такой интерес отсутствует. На наш взгляд, это связано с тем, что подросткам, имеющим отклонения в поведении, свойственны низкая успеваемость, недисциплинированность, отсутствие увлечений и незанятость в свободное время.

Категория 3. Черты характера, волевые качества, эмоциональные состояния. В ходе изучения нравственно-психологических особенностей подростков из экспериментальной группы было установлено, что им свойственны такие проявления, как грубость, лживость, агрессивность и лень, а социально одобряемые черты характера, такие как доброта и бескорыстие, в наибольшем количестве наблюдаются у подростков контрольной группы. При этом подростки-правонарушители не отличаются особой настойчивостью и решительностью, практически каждый третий из них способен попасть под чужое влияние. У каждого третьего подростка экспериментальной группы наблюдается раздражительность и вспыльчивость, в то время как обидчивость и равнодушие встречаются реже, а отзывчивость и стыдливость — вообще редкое явление. Подросткам из контрольной группы свойственны отзывчивость и равнодушие к чужой беде. Полученные данные свидетельствуют о том, что отрицательные индивидуальные особенности испытуемых напрямую зависят от их морально-нравственного воспитания.

Категория 4. Отклонения в поведении. Полученные данные об имеющихся отклонениях в поведении подростков (пьянство, наркомания, аморальные связи, контакт с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни) в экспериментальной группе намного выше показателей из контрольной группы.

Таким образом, изложенное выше позволяет составить криминологический и психолого-педагогический портрет подростка-правонарушителя, который выглядит следующим образом. Это юноша, 16–17 лет, учащийся профессионального (технического) колледжа или старшеклассник из общеобразовательной школы, воспитывающийся в неблагополучной, скорее всего неполной семье. У него явные отклонения в психическом развитии, проявления агрессии, наличие акцентуаций характера. Как правило, это морально неустойчивая, противоречивая личность, которой наряду с положительными качествами свойственны определенные слабости, эгоизм, инфантилизм, наличие

страхов, повышенная зависимость от взрослого окружения, низкий уровень интеллекта, а вместе с тем и негативное отношение к учебному процессу, повышенная возбудимость, неспособность разрешать сложные жизненные ситуации, отсутствие самоконтроля, а самое главное — отсутствие нравственной стойкости, которая способна удержать от совершения правонарушений и преступлений.

Список основных источников

1. Антонян Ю. М. Изучение личности преступника : учеб. пособие. М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. 80 с. [Вернуться к статье](#)
2. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М. : Юрид. лит., 1981. 160 с. [Вернуться к статье](#)
3. Жигарев Е. С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания : учеб. пособие. М. : МВШМ МВД СССР, 1990. 79 с. [Вернуться к статье](#)
4. Стуканов В. Г. Педагогическая профилактика девиантного поведения несовершеннолетних / учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2019. 146 с. [Вернуться к статье](#)
5. Ушатиков А. И. Психология волевой активности несовершеннолетних осужденных : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1984. 77 с. [Вернуться к статье](#)
6. Долгова А. И., Кожевников А. П., Медведь А. М. Правовое воспитание несовершеннолетних. М. : Знание, 1977. 120 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

И. А. Демидова

*профессор кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ЗАКОННОСТЬ КАК ПАРАМЕТР ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

В исследовании правовой культуры актуально не только конструирование теоретической модели правовой культуры, что служит пониманию и объяснению данного социально-правового феномена в рамках различных научных дисциплин, включая правоведение, является значимым в научном плане, но и определение состояния правовой культуры, что связано с установлением параметров оценки уровня правового развития общества.

В качестве одного из параметров, характеризующих состояние развитости и совершенства правовой сферы общественных отношений, выступает законность. В теории права сформированы различные подходы к трактовке законности. Большинство авторов законность понимается как строгое соблюдение, исполнение законов и иных нормативных актов всеми участниками общественных отношений — государством, его органами, общественными и иными объединениями, должностными лицами и гражданами (В. Н. Хропанюк, С. А. Комаров, В. М. Бабаев и др.). Имеет место трактовка законности как принципа (идеи, требования) такого соблюдения (В. В. Лазарев, Т. М. Шамба и др.), что позволяет вести речь об идеальной форме законности, в данном случае условием законности выступает сформированность правового сознания у субъектов правовых отношений. В свете теории правового государства законность рассматривается также как режим политической и социальной жизни (Л. И. Спиридонов, В. М. Сырых, А. С. Шабуров и др.), что позволяет характеризовать общественное устройство с позиций признания верховенства права в качестве социального регулятора общественных отношений. В социальном плане законность определяется также как метод осуществления государственной власти и государственного руководства обществом (Л. А. Морозова, А. Ф. Черданцев и др.). В таком аспекте законность предстает в качестве оптимальной управленческой модели — модели правового управления [1, с. 354–355]. Все обозначенные теоретические подходы транслируются посредством социальной практики. При этом законность в условиях определенного исторического периода в рамках того или иного государства наполняется конкретным содержанием.

В современных политико-правовых реалиях, которые характеризуются провозглашением большинством государств на уровне конституционной манифестации идеи правового государства, достижение законности предполагает, во-первых, сформированность правового, прежде всего конституционного, сознания у всех участников правовых отношений, во-вторых, совершенство законодательства, в-третьих, эффективное осуществление правовых процедур. Каждая из обозначенных позиций «завязана» на состоянии правовой культуры общества в целом, правовой культуры отдельной личности как представителя социума, правовой культуры тех или иных социально-профессиональных групп — депутатов всех уровней, государственных должностных лиц и государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, молодежи и т. д.

Конституционное правосознание позволяет адекватно оценивать изменения в конституционной сфере, которые определяются не только возможными и проводимыми государствами модификациями конституции, но и трансформациями сферы конституционных правоотношений. XXI век, провозглашенный веком цифрового и информационного конституционализма, меняет не только форму, но в ряде случаев и содержание права. Современные конституции и иные нормативные правовые акты сохраняются и распространяются в цифровом формате, что является данностью. Одновременно констатируются изменения в части нормативных, институциональных и организационных требований к гарантиям реализации прав личности в условиях функционирования цифровой среды, к самому каталогу прав и свобод, к способам и формам участия граждан в управлении делами государства (примером выступает электронное голосование), к формам прямой и обратной связи личности и государства (речь идет о таких новых формах, как электронное государство, электронное правительство, электронное правосудие) [2, с. 20–21]. В данном аспекте актуализируется проблема цифровой идентификации личности в конституционных коммуникациях.

Обеспечению законности служит также достижение совершенства законодательства. Так, состояние законности в ряде современных стран, вызывающее опасения, связывается исследователями с принятием несовершенных и не всегда продуманных правовых актов, их скорой отменой и заменой, что порождает не только социальную нестабильность, но и устойчивое убеждение граждан в некомпетентности государственных должностных лиц и их нежелании или невозможности своевременно решать насущные социальные проблемы [3, с. 52]. В данном случае важное значение приобретает профессиональная правовая культура субъектов правотворчества, прежде всего законодателей, что

обуславливает требование правовой компетентности — наличия правовых знаний, сформированности правового сознания. В теоретическом плане востребованными являются исследования закономерностей правотворчества, что связано с потребностями установления устойчивых тенденций формирования права в информационном обществе, с необходимостью выявления критериев оценки новых инструментов развития и применения права в условиях цифровизации, с обоснованием расчета методик регулирующего воздействия права и методик оценки фактического воздействия права на общественные отношения и по другим направлениям.

В условиях информатизации большинства сфер общественной жизни критерии эффективности осуществления правовых процедур все больше формализуются — создаются шаблоны правовых документов, расширяется сфера использования цифровых правоотношений, меняется характер правовой коммуникации. При этом интерпретация нормативных правовых актов остается важной целью деятельности юристов, что предполагает сформированность у них профессиональной правовой культуры. Понимание и правильное толкование юристами положений нормативных правовых актов с целью выявления действительного смысла правовых предписаний и единообразного применения правовых норм. Представленный подход позволяет реализовать созидательный потенциал права (понятие введено Ю. А. Тихомировым) [4, с. 9]. Преодоление понимания права как выражения воли и интересов правящей элиты, которое обусловлено противопоставлением государства и права, с одной стороны, и гражданского общества, с другой, позволяет в полной мере использовать стимулирующую и организующую роли права, сформировать новую правовую реальность. Складывание новой правовой реальности, реализующей законность на национальном уровне, предполагает модернизацию понимания и применения права, что определяется уровнем общественной правовой культуры.

Список основных источников

1. Актуальные проблемы теории права : учеб. М. : Акад. управления МВД России, 2021. 400 с. [Вернуться к статье](#)
2. Кравец И. А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты // Государство и право. 2022. № 1. С. 19–33. [Вернуться к статье](#)
3. Фролова Е. А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права // Государство и право. 2022. № 1. С. 46–53. [Вернуться к статье](#)
4. Тихомиров Ю. А. Субъекты и их интересы в правовом пространстве // Государство и право. 2022. № 7. С. 7–21. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.575

*А. Н. Дрозд**доцент кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук***ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СНИФФИНГУ**

Токсикомания является расстройством, характеризующимся влечением и привыканием к приему одурманивающих веществ, не относящихся к наркотическим средствам, психотропным веществам или их аналогам либо к никотину или спиртным напиткам.

Наиболее распространенной формой токсикомании, много опережающей так называемую аптечную токсикоманию, является снюффинг. Этот вид чаще наблюдается среди детей и подростков и является социальной проблемой [1], иногда называемой детской наркоманией.

В широком смысле снюффинг (от английского слова *sniff* — «нюхать», «вдыхать») — это ингаляционное потребление различных летучих одурманивающих веществ. Ингалянты становятся популярными в определенных кругах среди молодежи благодаря своей низкой стоимости, доступности (нахождению в большинстве случаев в свободной продаже) и быстрому наступлению эффекта одурманивания. В качестве таких веществ обычно используются лаки, краски, растворители, керосин и т. д. Товары повседневного бытового потребления, такие как стиральные порошки и другие моющие средства, также могут быть использованы токсикоманами. Например, в июле прошлого года в Подмоскowie 13-летний подросток погиб, отравившись освежителем воздуха [2].

Процесс снюффинга не требует дополнительных расходов или приспособлений: может осуществляться путем надевания на голову пакета или помещения лица в емкость для вдыхания испарений одурманивающего вещества, путем непосредственного распыления в рот или нос вещества из баллончика, путем вдыхания паров через пропитанную токсическим веществом ткань и т. п.

По данным проводимых исследований, самым опасным возрастным периодом приобщения к снюффингу можно считать интервал 12–14 лет, при этом в некоторых случаях первый опыт снюффинга происходит в 8–9 лет [3, с. 33]. Причины занятия снюффингом могут быть социального или психологического характера и часто связаны с поиском развлечений, стремлением занять свободное время и «плохой компанией». Во многих случаях знакомство с одурманивающими веществами носит именно коллективный характер в компании

сверстников, где приобщение к сниффингу является дополнительным фактором сплочения группы [4].

В последние годы выявляется все больше снифферов, использующих для достижения токсического опьянения не бензин или содержащий толуол клей (что было характерно еще 10–20 лет назад), а вдыхающих в этих целях бытовой газ. В связи с этим понятия «сниффинг» и «газовая токсикомания» стали употребляться как равнозначные.

Механизм воздействия бытового газа на организм связан в первую очередь не со свойствами бутана или пропана, а с их способностью вытеснения кислорода, из-за чего в организме, включая головной мозг, возникает кислородное голодание — так называемый эффект удушения. Частичная гипоксия головного мозга вызывает эйфорию, нервное возбуждение, безудержное веселье и кратковременные галлюцинации. Употребление подростками бутана приводит к формированию зависимости, хроническому поражению жизненно важных систем организма, когнитивным и психическим нарушениям. При потреблении газа на фоне хронических заболеваний или потреблении в больших дозах и в течение длительного периода не исключается летальный исход (синдром внезапной смерти). Специалисты отмечают, что острые смертельные осложнения при использовании газа для зажигалок развиваются непредсказуемо, чаще всего базируются на органическом и функциональном нарушении жизненно важных систем [5, с. 95].

Так, в октябре 2023 г. во Владивостоке после вдыхания газа из баллончика умер девятиклассник [6]. Не обошли стороной данные трагические события и нашу страну. В марте 2018 г. в одной из минских больниц от отравления парами сжиженного бытового газа скончался 17-летний подросток. В конце июня 2019 г. в Новополоцке выпал из окна 16-летний парень. Как впоследствии выяснилось, в квартире находились трое подростков, один из которых принес с собой баллон с газом для сниффинга [4].

С учетом социальной вредности распространения сниффинга уголовно-правовое и административное законодательство Республики Беларусь не могло остаться в стороне от регулирования отношений по противодействию данному явлению. Так, на территории государства запрещено появление в общественном месте в состоянии, вызванном потреблением токсических или других одурманивающих веществ, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, либо нахождение на рабочем месте в таком состоянии (чч. 3 и 4 ст. 19.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [7], ст. 328² Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [8]). Кроме того, вовлечение заведомо несовершеннолетнего

в немедицинское употребление одурманивающих веществ влечет ответственность по ст. 19.4 КоАП, а в случае вовлечения в систематическое потребление — по ст. 173 УК. Среди обстоятельств, отягчающих ответственность, и КоАП (ст. 7.3), и УК (ст. 64) называют совершение правонарушения в состоянии, вызванном потреблением токсических или других одурманивающих веществ. Ряд составов правонарушений в качестве специальных признаков субъекта называют нахождение его в состоянии токсического опьянения (ст. 18.7, 18.15 КоАП, чч. 4 и 5 ст. 316–317 УК; ст. 317¹ УК).

В целях ограничения доступности токсических веществ в Республике Беларусь также принимаются соответствующие меры. Несмотря на то, что полностью изъять из оборота вещества, которые могут быть использованы в процессе сниффинга, объективно невозможно и нецелесообразно, необходимо отметить как положительный тот факт, что, в соответствии с положениями постановления Совета Министров Республики Беларусь от 22 июля 2014 г. № 703 «О продаже отдельных видов товаров, осуществлении общественного питания и порядке разработки и утверждения ассортиментного перечня товаров», несовершеннолетним до 15 лет запрещено продавать зажигалки, ядохимикаты и горючие жидкости. В то же время не полностью ясна логика законодателя по установлению возрастного ограничения с учетом того, что, например, другие средства, вызывающие конкретные виды токсикомании (алкогольные напитки, пиво, табачные изделия, электронные системы курения), и даже игральные карты могут приобретать только лица, достигшие совершеннолетия. Также непонятно, почему зажигалки, ядохимикаты и горючие жидкости не включены в предмет квалифицированного состава нарушения порядка осуществления торговли и общественного питания, оказания услуг населению, реализации товаров физическими лицами (ст. 13.11 КоАП) наряду с уже упомянутыми алкогольными напитками и табачными изделиями. Согласно указанной логике, кажется оправданным в том числе установление запрета на оказание помощи в покупке зажигалок, ядохимикатов и горючих жидкостей для лиц, не имеющих в соответствии с законодательством права на их самостоятельное приобретение, путем расширения признаков, содержащихся в ст. 19.4 КоАП.

Таким образом, сниффинг как форма токсикомании является, безусловно, социально вредным и опасным для здоровья населения явлением. В настоящее время законодательство Республики Беларусь довольно полно регулирует вопросы противодействия распространению сниффинга, однако требуется доработка ст. 13.11 и 19.4 КоАП в части установления ответственности за продажу несовершеннолетним и покупку для них зажигалок, ядохимикатов и горючих

жидкостей. При этом минимальный возраст самостоятельного приобретения считаем необходимым повысить до 18 лет. Кроме того, в связи с ограниченностью сферы применения правовых средств и приоритетностью профилактических мероприятий, направленных против sniffing как такового, а также высокой вероятности перехода от него к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов представляется целесообразным включение данных вопросов в планы мероприятий по профилактике наркомании и противодействию незаконному обороту наркотиков, социальной реабилитации наркозависимых лиц.

Список основных источников

1. Депутаты Хакасии решили бороться со «сниффингом» [Электронный ресурс] // Электронная версия газеты «Хакасия». URL: <https://gazeta19.ru/index.php/v-khakasii/item/75937-deputaty-khakasii-reshili-borotsya-so-sniffingom> (дата обращения: 03.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. В Подмосковье 13-летний подросток погиб, отравившись освежителем воздуха [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/07/04/20803550.shtml> (дата обращения: 03.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Москвичев В. Г. Донозологическое употребление летучих одурманивающих веществ (ЛОВ) // Вопросы наркологии. 2003. № 4. С. 32–37. [Вернуться к статье](#)
4. Осторожно: sniffing. Из-за нового опасного увлечения погиб подросток [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://mir.pravo.by/news/different/ostorozhno-sniffing-iz-za-novogo-opasnogo-uvlecheniya-pogib-podrostok/> (дата обращения: 13.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Токсикомания вследствие употребления бутана (сниффинг). Токсичность. Диагностика / А. Р. Асадуллин [и др.] // Наркология. 2019. Т. 18, № 1. С. 92–96. [Вернуться к статье](#)
6. Во Владивостоке после вдыхания газа из баллончика умер девятиклассник [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1588981/2023-10-13/vladivostoke-posle-vdykhaniia-gaza-iz-ballonchika-umer-deviatiklassnik> (дата обращения: 03.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 284-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.97

*К. Б. Поликов**начальник научно-исследовательского отделения
Казанского юридического института МВД России*

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В соответствии с приказом Министерства внутренних дел (далее — МВД) России от 26 октября 2018 года № 707 [1], одним из основных направлений деятельности штабных подразделений территориальных органов внутренних дел является информационно-аналитическая работа, которая осуществляется в порядке, определенном приказом МВД России от 26 сентября 2018 года № 623 [2].

Во исполнение требований данных приказов штабные подразделения проводят комплексный анализ состояния оперативной обстановки на территории обслуживания и результатов оперативно-служебной деятельности по решению стоящих перед ними задач.

Проблемы в организации данной работы начинают возникать даже на первоначальном этапе, уже в процессе определения перечня, порядка поиска, отбора, обработки и представления информации, необходимой для выработки управленческих решений. Круг источников информации, которую используют сотрудники органов внутренних дел, ограниченный, в основном это ведомственная статистическая информация, которая хоть и обладает таким несомненным преимуществом, как своевременность подготовки, но при этом есть определенные проблемы с ее качеством и достоверностью.

Для обработки и анализа иных сведений требуется значительно больше времени, в том числе для их отбора, оценки необходимости и целесообразности применения.

Еще более сложный процесс — это прогнозирование возможных тенденций изменения оперативной обстановки, в современном цифровом мире, в эпоху глобальных политических и социально-экономических изменений это практически невозможно, особенно в долгосрочной перспективе.

Немало нерешенных проблем и в сфере совершенствования управленческой деятельности, повышения профессионального уровня сотрудников территориального органа по осуществлению комплектования и использования массива отобранных информационно-аналитических, справочных, методических материалов, иных изданий и документов.

Информационная работа — деятельность, направленная на поиск, получение и использование информации, необходимой для изучения и оценки оперативной обстановки, подготовки и реализации управленческих решений в области противодействия преступности, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Система сбора, передачи, хранения и выдачи информации, несмотря на наличие отдельных информационных систем, сложна и не адаптирована для сотрудников, не имеющих определенных навыков и познаний в этой сфере, опыта штабной работы, полученные сведения, как правило, нуждаются в дополнительной обработке с использованием программных средств, что приводит к увеличению временных ресурсов для осуществления анализа, а также приобретения специальных познаний и формирования дополнительных навыков.

Аналитическая работа — это особый вид творческой, познавательной деятельности научно-исследовательского характера, заключающийся в определении состояния, структуры и динамики тех или иных параметров (характеристик) криминогенной обстановки, выявлении ее характеристик и тенденций, установлении причинно-следственных зависимостей между различными факторами, обусловившими ее изменение, а также прогнозировании будущего состояния оперативной обстановки с целью осуществления управляющего воздействия на подчиненные органы внутренних дел при решении задач правоохранительной направленности.

Основная возникающая на практике проблема — кадровая, ни одна образовательная организация системы МВД России на уровне бакалавриата и специалитета не осуществляет подготовку штабных сотрудников для органов внутренних дел. Остро стоит вопрос с формированием управленческих компетенций в процессе обучения курсантов и слушателей в образовательных организациях системы МВД России.

Конечная цель информационно-аналитической работы, наиболее применимая на практике, — это выработка управленческих решений, правовых актов уполномоченного руководителя органа внутренних дел, основанная на анализе и оценке оперативной обстановки, содержащая постановку целей, обоснование способов и средств их достижения, имеющая директивный характер, принятая в установленном порядке, обеспечивающая организационную устойчивость, а также направленная на совершенствование деятельности органов внутренних дел при решении возлагаемых на них задач.

Наиболее острым является вопрос подготовки проектов таких управленческих решений (методических, информационно-аналитических, справочных материалов, правовых актов), их своевременности, качества и всесторонности.

Не менее важна для руководителя информация о фактическом состоянии противодействия преступности в связи с тем, что статистические данные и отчеты не всегда позволяют сформировать представление о реальном положении дел.

Фундаментом любого аналитического документа, его практической составляющей являются сведения о проблемах и недостатках в организации оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и их структурных подразделений. Для изучения причин и условий их возникновения зачастую требуется привлечение сторонних специалистов, в том числе в рамках проверок, у которых нет заинтересованности или предвзятого отношения. Подготовка таких сотрудников, способных объективно и профессионально выявлять недостатки и ориентироваться в постоянно изменяющихся условиях, представляет собой многолетний труд квалифицированных наставников, педагогов, руководителей.

Следует отметить, что управленческие решения, помимо их принятия, требуют дальнейшей реализации, а также контроля за их исполнением, оказания практической помощи. Кадровые проблемы в органах внутренних дел приводят к тому, что даже качественные и своевременные управленческие решения остаются неисполненными или реализуются не в полном объеме, а их влияние на состояние оперативной обстановки, результаты оперативно-служебной деятельности оказывается незначительным и не приводит к устранению имеющихся проблем.

В определенной мере формальный и поверхностный подход можно наблюдать при выявлении, изучении и внедрении положительного опыта оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, в том числе в сфере предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия преступлений, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Вопрос повышения качества и востребованности результатов анализа оперативно-служебной деятельности подразделений центрального аппарата, его структурных подразделений, территориальных органов внутренних дел на региональном и районном уровнях крайне актуален и при оценке результатов эффективности работы.

Действующая система в большинстве случаев позволяет объективно оценить итоги труда конкретных сотрудников и подразделений органов внутренних дел. Однако для полного аудита отдельных направлений работы требуется проведение комплексных проверочных мероприятий, в том числе в рамках инспекторских, контрольных и целевых выездов.

Список основных источников

1. Об утверждении Основных направлений деятельности штаба территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Российской Федерации, 26 окт. 2018 г., № 707. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Российской Федерации, 26 сент. 2018 г., № 623. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.976

*Е. С. Пустовойт**адъюнкт**Сибирского юридического института МВД России*

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГАРМОНИЗАЦИИ
АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ —
ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА
О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Развитие транснациональных связей между организованными преступными наркогруппами является серьезной угрозой для каждого государства. Для борьбы с укреплением преступного мира необходимо скоординировать усилия и обеспечить взаимодействие нескольких стран. В этом контексте особое внимание стоит обратить на функционирование Организации Договора о коллективной безопасности (далее — Организация; ОДКБ) — региональной международной организации с участием шести постсоветских государств (Республик Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Кыргызская Республика и Российская Федерация), которая, как верно указывает П. В. Тепляшин, «уже достаточно давно выступает надежным международным фактором противодействия ряду угроз транснационального характера, одной из которых выступает наркоугроза» [1, с. 16]. Важным аспектом деятельности Организации является развитие правовой базы и согласованных механизмов сотрудничества в противодействии наркопреступности.

Гармонизация законодательства — это сближение норм права нескольких государств, направленное на установление сопоставимого нормативно-правового регулирования в отдельных сферах. Гармонизация обычно носит не всеобъемлющий характер, а частичный. Унификация и гармонизация схожи в том смысле, что предполагают сближение нескольких правовых систем, а также ориентированы на установление определенного уровня интеграции. С другой стороны, унификация и гармонизация преследуют разные фундаментальные цели. Первая направлена на достижение полного единства по существу и деталям, тогда как вторая позволяет избежать полного единообразия. Совершенно верно отмечают Г. К. Артамонова, Г. И. Перекопский, что гармонизация законодательства — «довольно тонкий и трудоемкий процесс, не приводящий правовые системы к полному единству, а максимально сближающий законодательства различных государств в решении правовых проблем» [2, с. 21]. Поэтому применительно к теме будет использоваться понятие «гармонизация», потому что данный термин в большей мере нацелен на единообразие

национального законодательства путем устранения основных различий и создания минимальных требований или стандартов.

Однако во многих законодательных документах, принимаемых Парламентской Ассамблеей ОДКБ, понятия «унификация», «гармонизация», «совершенствование» и «сближение» отождествляются и рассматриваются как взаимозаменяемые. Кроме того, в сноске Рекомендаций по сближению законодательства государств — членов ОДКБ по вопросам государственной тайны указано, что «сближение, гармонизация, унификация — синонимические понятия, означающие в своих трактовках: “делать близкими”, “строить”, “согласовывать”, “приводить к единообразию”, “стандартизировать” и т. п.» [3].

Криминологически значимая действительность требует новых законодательных решений, важно понимать, что речь идет о транснациональной организованной наркопреступности в регионе Организации, которая возникает и функционирует не как совокупность отдельных преступлений, а на базе все расширяющейся и усложняющейся преступной наркодеятельности в современных изменяющихся условиях. Необходимо разрабатывать и принимать модельные законы, направленные на всестороннее и в данном случае специализированное правовое регулирование противодействия наркопреступности в указанном регионе коллективными силами безопасности. Как, например, на данный момент проходит стадию принятия Модельный закон ОДКБ «О профилактике немедицинского употребления наркотиков», в котором закреплены основные принципы и приоритетные задачи профилактики немедицинского употребления наркотиков, обозначены факторы риска наркотизации.

Криминологическое значение гармонизации антинаркотического законодательства государств — членов ОДКБ заключается в следующем:

- 1) систематизация и обобщение правовых актов антинаркотического законодательства государств — членов ОДКБ;
- 2) установление правового ориентира для государств — членов ОДКБ по совершенствованию правового регулирования антинаркотического законодательства;
- 3) обнаружение рисков либеральных правотворческих инициатив, которые могут повлиять на защищенность населения региона государств — членов ОДКБ от наркопреступности;
- 4) формирование конкретных направлений и форм оптимизации антинаркотического законодательства государств — членов ОДКБ.

Таким образом, гармонизация законодательства с позиций специально-криминологических мер профилактики наркопреступности выступает одним из важнейших направлений деятельности международных организаций, в том

числе ОДКБ. В связи с этим необходимо продолжать соответствующие криминологические исследования и усиливать работу по приведению к единообразию национального законодательства государств — членов Организации в сфере противодействия наркопреступности.

Список основных источников

1. Тепляшин П. В. Правовые контуры антинаркотической защищенности государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности // Наркоконтроль. № 4. 2023. С. 16–20. [Вернуться к статье](#)

2. Артамонова Г. К., Перекопский Г. И. Актуальные вопросы гармонизации законодательства государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности, регулирующего отношения в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // Технологии гражданской безопасности. 2017. Т. 14. № 1 (51). С. 20–23. [Вернуться к статье](#)

3. О проекте Рекомендации по сближению законодательства государств — членов ОДКБ по вопросам государственной тайны [Электронный ресурс] : постановление Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, 27 окт. 2010 г., № 4-7. URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sblizheniyu-zakonodatelstva-gosudarstv-chlenov> (дата обращения: 30.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.851

А. В. Рамазанов

*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Казанского юридического института МВД России,
кандидат экономических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПРАВА НА ТЕНЕВУЮ ЭКОНОМИКУ

О. В. Алешкина, М. А. Рахматуллин отметили, что «в любом подходе к соотношению права и экономики право играет ключевую роль в регулировании отношений и вытекающих из них проблем, именно поэтому эти понятия тесно связаны и в каком-то смысле неотделимы, а точнее экономика без регулирования правом долго не просуществует» [1, с. 77]. Р. А. Санинский выделяет «теневую экономику» и «теневое право» и отмечает, что «стабильности, а в ряде случаев и росту теневой экономики и способствует теневое право, представляющее те юридические пробелы и коллизии, которые делают неофициальную экономическую деятельность более привлекательной в отличие от той, которая реализуется в рамках легальных экономических и юридических законов» [2, с. 182].

Оценить наличие «теневого права» поможет рассмотрение эмпирических аспектов проведения антикоррупционной экспертизы, осуществляемой уполномоченными органами, что позволит нам сделать выводы о наличии элементов «теневого права» и о воздействии права на экономику. Рассмотрение деятельности Министерства юстиции Республики Татарстан по антикоррупционной экспертизе проектов нормативных правовых актов республики за 2021–2023 годы [3] показало следующее:

- в 2021 году из рассмотренных 2 551 проекта актов Кабинета Министров Республики Татарстан в 24 проектах актов выявлены коррупциогенные факторы;
- в 2022 году из рассмотренных 2 521 проекта актов Кабинета Министров Республики Татарстан в 15 проектах актов выявлены коррупциогенные факторы, из рассмотренных 110 проектов указов Президента Республики Татарстан в 1 проекте указа выявлены коррупциогенные факторы;
- в 2023 году из рассмотренных 2 798 проектов актов Кабинета Министров Республики Татарстан в 11 проектах актов выявлены коррупциогенные факторы, из рассмотренных 131 проекта указов Президента Республики Татарстан в 1 проекте указа выявлены коррупциогенные факторы.

В случае невыявления коррупциогенных факторов в проектах нормативных актов в Республике Татарстан применялись бы «теневые» элементы права, которые могли бы способствовать развитию «теневой» экономики.

В России не снижается количество преступлений экономической направленности [4]. Ю. В. Быковская по результатам анализа сделала выводы, что в последние годы преступность экономической направленности в бюджетной сфере имеет огромные масштабы и по отдельным показателям ежегодно увеличивается как в количественном выражении, так и в части наносимого материального ущерба [5]. В этой связи требуется совершенствование нормативно-правовой базы для минимизации возможностей совершения экономических преступлений в сфере использования бюджетных средств.

Поскольку использование бюджетных средств должно носить целевой и адресный характер, то в условиях развития цифровой экономики одним из направлений может стать законодательное закрепление в Бюджетном кодексе Российской Федерации и законе о контрактной системе [6] использования крипторубля, движение которого можно будет отследить.

Другим значимым способом снижения числа экономических преступлений и уровня теневизации экономики может стать внесение изменений в законодательство о закупках для исключения влияния коррупционного фактора при определении победителя государственных (муниципальных) закупок. Да, процедура государственных (муниципальных) закупок действующим российским законодательством строго регламентирована, но при наличии неформальных отношений между представителями органа власти и субъектом предпринимательской деятельности создаются условия по повышению вероятности победы данного предпринимателя в конкурсных (аукционных) мероприятиях, проводимых соответствующим государственным органом или органом местного самоуправления. Например, по словам Сергея Салихова, федеральная стройка автодороги М12 в Татарстане стартовала за пять месяцев до того, как генподрядчик СК «Автодор» по итогам тендера выбрал субподрядчиком «Волгадорстрой» [7].

Список основных источников

1. Алешкина О. В., Рахматуллин М. А. Соотношение права и экономики // Вектор экономики. 2020. № 12 (54). С. 77. [Вернуться к статье](#)
2. Санинский Р. А. Теневая экономика и теневое право: точки соприкосновения // Юрид. наука и практика : вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2019. № 1 (45). С. 182. [Вернуться к статье](#)
3. Результаты проведенной Министерством юстиции Республики Татарстан антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов за 2023 год [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Татарстан. URL:

https://minjust.tatarstan.ru/file/pub/pub_4028077.pdf (дата обращения: 16.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 17.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Быковская Ю. В. Тенденции преступности экономической направленности в бюджетной сфере в условиях угроз и вызовов национальной безопасности Российской Федерации: анализ и пути решения проблем // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4. № 9 (139). С. 100–115. [Вернуться к статье](#)

6. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : Федер. закон, 5 апр. 2013 г., № 44-ФЗ : в ред. от 25.12.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. «Пять месяцев строили М-12 за свой счет»: как подрядчика «Волгадорстрой» арестовали за аванс на миллиард [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Реальное время». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/292760-po-delu-o-stroitelstve-m-12-arestovan-podryadchik-iz-kazani> (дата обращения: 17.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

*А. В. Ревягин**начальник кафедры криминологии и профилактики преступлений
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОСТАВШИХСЯ НЕРАСКРЫТЫМИ, КАК ПАРАДИГМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О криминологическом предназначении профилактики преступлений говорили еще Платон и Аристотель, Монтескье и Ч. Беккариа, Вольтер и К. Маркс, другие представители научных школ. «Лучше предупреждать преступления, чем карать за них. Это составляет цель любого хорошего законодательства, которое, в сущности, является искусством вести людей к наивысшему счастью или к возможно меньшему несчастью, если рассуждать с точки зрения соотношения добра и зла в нашей жизни», — писал Чезаре Беккариа [1, с. 233].

Анализ криминологической ситуации в России за последние 10 лет свидетельствует о перманентном присутствии определенной доли криминала. Ежегодно в статистическую «копилку» добавляется порядка 2 млн преступлений к уже имеющемуся массиву нераскрытых преступных деяний, зарегистрированных за прошлые годы [2]. Эта ситуация оказывает негативное воздействие на общественное сознание граждан и на ощущение их защищенности со стороны государства, которое, в свою очередь, должно являться гарантом обеспечения безопасности каждого человека. Данные различных криминологических исследований доказывают это суждение. Так, например, еще в 2016 году более 54 % граждан нашей страны боялись стать жертвами пьяных водителей, уличных хулиганов, наркоманов, воров и пр. [3, с. 42–43].

По результатам проведенного нами в 2023 году мониторинга состояния криминологической безопасности на территории Краснодарского края и Омской области установлено, что более 67 % граждан опасаются стать жертвами интернет-мошенников, террористов, экстремистских проявлений, а также бытовой коррупции. 49 % из них выразили сомнения в том, что правоохранительные органы способны их защитить от криминальных воздействий как в отношении них, так и в отношении их имущества. Исходя из этого, получается некий криминологический парадокс — правоохранительная система, пытаясь противостоять криминальным проявлениям в отношении государства, общества, в то же время не обеспечивает должный уровень защиты самих граждан.

Анализ преступности и правонарушаемости в России за последние 30 лет свидетельствует о том, что преступность не только существует в виде зарегистрированных и совершенных криминальных фактов, но и в виде нераскрытых преступлений прошлых лет, соответственно, жертвам этих преступлений причиненный вред никаким образом не компенсирован [4, с. 473]. Это не может не оказывать негативного воздействия на осознание ими степени своей защищенности. Если к этому добавить ежегодный материальный ущерб, наносимый преступностью обществу и государству (более 800 млрд руб.) в целом, можно констатировать актуальность необходимости поиска новых (вероятнее всего, давно забытых старых) путей решения данной проблемы.

В качестве первоочередной меры профилактики преступлений, которые остались нераскрытыми, следует определить *раннюю индивидуальную профилактику асоциального поведения*. Ю. М. Антонян определяет индивидуальную профилактику как воздействие на причины преступности и условия, способствующие ей [5, с. 141]. Ключевым аспектом осуществления ранней профилактики как раз и должна являться *криминологическая диагностика* факторов, порождающих асоциальное поведение индивидов.

Криминологическая диагностика должна стать одним из основных направлений деятельности подразделений единой системы профилактики и предупреждения правонарушений в нашей стране.

Эффективность раскрываемости преступлений зависит не только от уровня оснащенности и наличия квалификации органов внутренних дел, но и (весьма объективно) от таких обстоятельств, как условия очевидности/неочевидности, время, место, способ совершения преступления, желание свидетелей или очевидцев противоправных деяний сообщить об этом либо оказать содействие в их раскрытии и многое другое.

Наличие массива нераскрытых преступлений — это уже результат (криминологическое следствие) перманентного негативного воздействия совокупности факторов на систему общественных отношений. Следовательно, начинать следует с создания системы профилактики криминальных проявлений, в том числе и в целях минимизации их последствий.

Следующей мерой профилактики нераскрытой преступности видится *совершенствование, а по отдельным направлениям — разработка механизмов взаимодействия общественных институтов и граждан по профилактике и предупреждению преступности* в нашем обществе, учитывая при этом в обязательном порядке и на постоянной основе элементы всевозможного стимулирования граждан, оказывающих добровольную помощь органам правопорядка. Следует отметить, что частично эти механизмы взаимодействия с гражданами

были созданы и довольно успешно функционировали в период деятельности Министерства внутренних дел СССР, которое с 1968 г. по 1982 г. возглавлял Николай Анисимович Щелоков. Его подходы к профилактике преступности определяли направления деятельности подразделений правопорядка по формированию в общественном сознании непоколебимого оптимизма, веры в лучшие проявления человеческих душ, стремлений, желаний, помыслов. По его мнению, самого сурового осуждения заслуживает всякое пробуждение жестокости, насилия, вандализма и воровства. Цивилизованное общество должно пресекать любые проявления насилия и жестокости.

Н. А. Щелоков обратил свое профессиональное внимание на создание в стране подразделений по профилактике и предупреждению преступности, понимая и осознавая, что от эффективности реализации именно этих мероприятий зависит успех в деле борьбы с преступностью.

Касательно институтов стимулирования граждан следует отметить, что частично они имеются и в отдельных случаях реализовываются путем выплаты конкретных денежных сумм за оказанную помощь в поимке преступника полицией. В данном контексте речь следует вести о стимулировании оказывающим содействие гражданам на постоянной основе.

Важное криминологическое значение для минимизации последствий не раскрытой преступности имеет *виктимологическая профилактика*. На фоне снижения общего уровня доверия населения к деятельности правоохранительных органов резко падает уровень общественной нетерпимости к насильственным криминальным актам. Результаты социологических опросов показали, что граждане далеко не всегда сообщают о совершенных в отношении них криминальных посягательствах. Так, по данным Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, каждый третий, получивший тяжкий вред здоровью, не обращался в правоохранительные органы [6]. Все это снижает возможности раскрытия насильственных преступлений.

Сегодня мы чаще, чем раньше, слышим нецензурную брань в общественных местах, особенно от несовершеннолетних и детей, на улицах видим компании распивающих алкогольные напитки молодых людей и подростков, нарушающих (порой демонстративно) правила дорожного движения на автодорогах водителей, в результате чего ежегодно погибает более 14,7 тыс. человек в нашей стране [7]. Все это прямо указывает на необходимость внедрения новых (хорошо забытых старых) технологий, которые, безусловно, будут способствовать формированию идеологии правопослушного поведения.

Во-первых, необходимо воздействие на главный социальный институт как субъект профилактики — семью. Прежде всего, это реализация мер государственной поддержки, в том числе финансовой, при условии активного участия членов семьи в жизни района, города и области. На практике зачастую мы имеем дело с реализацией административных мер государственного принуждения в отношении родителей, допустивших неблагополучие в своих семьях.

Во-вторых, особое внимание следует уделить механизму формирования в сознании наших граждан, особенно подрастающего поколения, социальных ориентиров, так называемых маяков, которыми могут быть национальные герои, а также конкретные люди, внесшие значительный вклад в развитие нашей страны и общества. Кто должен оказывать на индивида такое воздействие, не сложно догадаться. Если проводить такую работу планомерно и с раннего возраста, положительный результат не заставит себя долго ждать.

В-третьих, коль скоро профилактика преступности является парадигмой в обеспечении криминологической безопасности, необходимо создание самостоятельной единой системы органов исполнительной власти, осуществляющих предупреждение и профилактику преступности в нашей стране. Обязательное условие и одновременно залог успеха — это осуществление ими функций по обеспечению криминологической безопасности и ничего более. Спектр субъектов здесь может быть представлен специализированными и неспециализированными участниками, от председателя правительства до участкового уполномоченного полиции и конкретного гражданина. Главная задача — реализация комплекса мероприятий по выявлению и нейтрализации причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений и преступлений.

Список основных источников

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. 248 с. [Вернуться к статье](#)
2. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762?ysclid=lutbj7jug4678718111> (дата обращения: 16.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Акимова Н. В. Уголовная политика и ее роль в механизме противодействия криминальной сфере // Вестник РПА. 2016. № 4. 94 с. [Вернуться к статье](#)
4. Ревягин А. В., Алафьев М. К. Цена нераскрытой преступности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. № 4 (91). 479 с. [Вернуться к статье](#)
5. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. 447 с. [Вернуться к статье](#)
6. Общественное мнение [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL:

<https://мвд.рф/publicopinion?ysclid=lutcs1exn2878533274> (дата обращения: 16.03.2024).
[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Государственный доклад о состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации [Электронный ресурс] // ГИБДД МВД России. URL: <https://гибдд.рф/upload/site1000/folder/original/downloads/gd2023.pdf.pdf> (дата обращения: 16.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.541+343.97

В. В. Стальбовский*заместитель начальника кафедры философии
и идеологической работы**Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук***МАСКА НОРМАЛЬНОСТИ ПЕДОФИЛА**

XXI век — век постмодерна, метаморфозных изменений, хаотичный и особенно прогрессивный во всех направлениях развития человечества. Преступность как неотъемлемый элемент общественных отношений абсолютно любого социального среза также меняет свои измерения, усложняется и трансформируется в новые формы и образы, формируя стереотипы и свои внутренние законы эволюции. Не является исключением из этого процесса созревания криминального мира и личность преступника. Мы стоим на пороге максимальной изученности *homo sapiens* как самого многочисленного и широко распространенного вида приматов. Одной из таких «материй» изучения человека в социальной среде является область психологии преступного поведения, а именно феномен «маски нормальности».

Сам термин «маска нормальности» зародился в научных трудах Херви Клекли, посвященных психопатии, в 1976 г. Данное определение или же психологический феномен можно интерпретировать в различных направлениях, но основа сути такова: «маска нормальности» — это поведенческая характеристика преступника, позволяющая ему казаться нормальным и психически здоровым человеком, закрепляющая за ним положительные характеристики в лицах знакомых людей, т. е. позволяет преступнику быть социально приемлемым и одобряемым. Такие индивиды подвержены тотальному контролю своих действий и поступков, все, что они когда-либо делали, — это осознанные действия и не иначе. Не является исключением из этого феномена, на наш взгляд, преступник-педофил, о чем свидетельствуют не только материалы уголовных дел, справок о расследовании, оперативных сводок, где четко указан криминологический портрет, но и косвенные признаки: уровень латентности, многоэпизодность, длительность, серийность, сложность в расследовании преступлений такого рода — дают нам много подсказок, которые могут являться «верными ключами» в индивидуальной профилактике преступности.

Безусловно, изучению «маски нормальности» предшествовало изучение архетипа Карлом Юнгом. Личность, по Юнгу, состоит из трех взаимодействующих структур: сознания, личного бессознательного и коллективного

бессознательного. Личное бессознательное связано с опытом жизни конкретного человека. Коллективное бессознательное состоит из архетипов. В психологии и в литературе под архетипом понимают часто повторяющийся образ (модель поведения), имеющий древний характер. Само слово «архетип» переводится с древнегреческого как «древний образ» [1, с. 13]. Другими словами, архетип существует на трех уровнях: бессознательное, предсознательное и сознательное.

Феномен «маска нормальности», по словам психиатра Херви Клекли, представляет собой одно из самых пугающих свойств психопата — умение казаться абсолютно нормальным человеком, скрывая под маской благообразности звериную натуру [2]. В научных исследованиях такую натуру именуют архетипом.

Архетипы остались неизменными с древнейших времен, в основном меняя свои формы, но не сущность [3; 4]. Архетип устойчив во времени. Архетипы — это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но и вместе с тем эмпирически они выступают как силы или тенденции к повторению тех же опытов. Не исключением из «базы» архетипов является и криминальный опыт, скилл, алгоритм поведения.

Каннибализм, педофилия, шутинг, геноцид, терроризм, коррупция и другие криминальные явления мира постмодерна, в самом расцвете функционирования поколения Альфа, говорят о том, что коллективный, общечеловеческий деструктивный опыт имеет тенденцию к повторению. Архетипы «клонировуются» в процессе всей социализации личности, усвоения ею части мирового личностно-индивидуального опыта. Архетипы как образы являются обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов существования ряда поколений, усредняя миллионы индивидуальных опытов, образующих типы укоренившихся манер поведения, которые в исследовании будут называться «маской нормальности».

Для полного понимания вопроса феномена «маски нормальности» и логичного его объяснения необходимо раскрыть суть понятия «психопатия». Под психопатией понимают синдром, который проявляется в отсутствии у субъекта эмоциональной составляющей, чувства вины, жалости, сострадания, раскаяния и т. д., а также в наличии лживости и глубочайшего нарциссизма. Но и о криминологической важности данного синдрома и его проявлений не стоит забывать в рамках изучения личности преступника, и его отдельном блоке, психофизиологических особенностей, которые, по нашему мнению, и включают имманентные свойства феномена «маски нормальности».

Тем более при изучении многополярных вопросов криминологической теории, которые усложняются и расширяются посредством знаний из других наук, часто возникает вопрос о механизме возникновения преступного поведения индивида в равных условиях с другими индивидами (законопослушными), в одном социальном срезе, в разных внешних условиях с их возбудителями. На этот важный научный вопрос мы и постараемся ответить.

По нашему мнению, вопрос формирования социально одобряемого поведения и его отличие от преступного весьма важен в теории предупреждения преступности и изучения личности преступников.

Топографическая модель психики человека включает в себя три уровня, о чем мы упоминали выше:

- бессознательное (совокупность инстинктов и вытесненных воспоминаний);
- предсознательное (совокупность переживаний лица в незадействованном формате, т. е. они всплывают при определенных волевых усилиях, иными словами — неостребованный в данный момент опыт);
- сознательное (это реальная память, осознание в данный момент).

Теперь важно отметить очень значимый момент. Инстинкты и витальные потребности, находящиеся в бессознательном, блокируются на уровне предсознательного, исходя из сформированных установок в сознательном. Чтобы уровень накопленных инстинктов не превышал критической массы на уровне бессознательного, они выводятся небольшими порциями. Это и есть механизм защиты психики. Именно механизм защиты обуславливает социально одобряемое поведение и отличает его от преступного поведения, где либо так называемый фильтр блокировки на уровне предсознательного отсутствует, либо выброс настолько велик, что порция инстинктов и потребностей выходит за край нормальности в виде совершенного преступления.

Именно так и работает механизм индивидуального преступного поведения преступника-педофила в моменте одномоментного выброса эмоций, оставаясь сложным в его идентификации по многим объективным и субъективным факторам.

Список основных источников

1. Ильюк Е. В. «Маска нормальности» серийных преступников с психическими расстройствами // Российский следователь. 2021. № 9. С. 8–13. [Вернуться к статье](#)
2. Семенова П. А. О природе «маски нормальности» серийных убийц // Ростов. науч. журн. 2016. № 5. С. 10–17. [Вернуться к статье](#)
3. Антонян Ю. М. Понятие архетипа // Юрид. психология. 2006. № 4. С. 10–15. [Вернуться к статье](#)

4. Антонян Ю. М. Архетип трикстера и его криминологическое значение // Юрид. психология. 2008. № 3. С. 12–17. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.7

А. В. Сычева*доцент кафедры криминалистики**учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ ПОСРЕДСТВОМ МЕТОДА СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

В последнее время проблема борьбы с мошенничеством, совершаемым посредством применения метода социальной инженерии, приобретает все большие масштабы. Четко отслеживая новостные ленты, мошенники быстро реагируют на изменяющуюся ситуацию в стране и придумывают новые способы обмана людей.

Социальная инженерия — это психологическое манипулирование людьми с целью совершения определенных действий или разглашения конфиденциальной информации [1].

В последнее время социальная инженерия приобрела прочную связь с киберпреступностью. Киберпреступники (социальные инженеры) в целях незаконного получения доступа к ценным сведениям, обладая хорошими знаниями в области психологии, владея определенными техниками и приемами, стараются обмануть как можно больше граждан.

Мошеннические атаки на граждан могут совершаться различными способами. Рассмотрим некоторые из них.

1. «Кви про кво» (от лат. *quid pro quo* — «услуга за услугу»). Используя данный метод, мошенник может представиться потенциальной жертве сотрудником службы технической поддержки и предложить исправить возникшие проблемы в системе, которых на самом деле нет. Поверив преступнику, жертва лично передает последнему доступ к важной информации.

Одной из особенностей «кви про кво» является то, что преступники, как правило, действуют быстро и настойчиво, создавая иллюзию выгоды и срочности предложения. Они могут применять такие приемы, как создание срочности, угрозы лишения возможности приобретения товара или услуги, обещая потенциальной жертве получение большой выгоды. Так, Е. посредством сети Интернет оформила путевку в Тайланд онлайн через туристическое агентство. Оператор прислала Е. ссылку для оплаты путевки. Е. перевела

на указанный счет 94 тыс. рублей. После этого сайт указанного туристического агентства оказался заблокированным¹.

2. Действие, отработанное по заранее составленному сценарию, — претекстинг. Для получения необходимых мошеннику сведений он представляется потенциальной жертве родственником, другом, знакомым, коллегой последней. Мошенники могут представиться сотрудниками государственных структур, правоохранительных органов, банковских организаций, то есть лицом, которому по умолчанию жертва должна доверять. Для того, чтобы расположить жертву к себе, установить психологический контакт, мошенники могут назвать фамилию, имя жертвы, номер ее счета в банке и даже действительную услугу, с которой жертва некоторое время назад обращалась в эту организацию. В целях получения интересующей информации преступник выдает себя за известное потенциальной жертве лицо, которому якобы необходима информация жертвы для выполнения важной задачи. Социальные инженеры представляются сотрудниками банков, кредитных сервисов, технической поддержки, другом, знакомым, членом семьи жертвы, т. е. человеком, которому жертва полностью доверяет. В целях завоевания еще большего доверия преступники сообщают потенциальной жертве какую-либо информацию о последней: имя, фамилию, номер банковского счета, реальную проблему, с которой жертва ранее обращалась в эту службу.

3. Троян. Данный способ совершения мошенничества основан на расчете преступников на жадность потенциальных жертв. Жертве приходит сообщение посредством электронной почты, мессенджеров, социальных сетей с радостной информацией о получении легкой прибыли, выигрыша или других легких материальных благ. Перейдя по ссылке, указанной в письме, потенциальная жертва получает вирус, с помощью которого мошенник впоследствии может похитить личные данные жертвы. Для того, чтобы потенциальная жертва обязательно кликнула по нужной ссылке, скачала и запустила вредоносный файл, мошенники используют свои хорошие знания в области психологии, программирования и т. д.

4. Фишинг. Так, посредством электронной почты потенциальной жертве поступает поддельное сообщение от какой-либо известной организации с просьбой перейти по ссылке и авторизоваться. В целях завоевания максимального доверия, мошенники придумывают любые аргументы, для того чтобы жертва точно перешла по указанной ими ссылке (например, просят жертву обновить свой пароль или ввести какую-то информацию (Ф. И. О., номер телефона, банковской карты и т. д.)).

¹ Материалы следственной практики ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.

5. Обратная социальная инженерия. Данный метод совершения преступления направлен на то, чтобы жертва самостоятельно обратилась к социальному инженеру и передала последнему необходимые ему сведения. Это возможно путем внедрения особого программного обеспечения либо посредством рекламы. Мошенники могут рекламировать свои услуги под видом компьютерных мастеров или других специалистов. Потенциальная жертва обращается к преступнику сама, а мошенник не только работает технически, но и выясняет интересующую его информацию в ходе беседы со своим клиентом.

Говоря о внедрении особого программного обеспечения как способа совершения мошенничества посредством социальной инженерии, необходимо отметить, что преступники, владея навыками программирования, умышленно организуют сбой в системе работы программы, принадлежащей жертве [2, с. 13]. Подобного рода сбой в работе системы, безусловно, требует помощи квалифицированного специалиста. Мошенники создают обстановку таким образом, что тем специалистом, которого вызовет жертва, окажется именно социальный хакер. В ходе настройки программного обеспечения, мошенник производит необходимые для взлома манипуляции. А когда взлом обнаруживается, социальный инженер остается вне подозрения, так как он оказывал помощь жертве.

Таким образом, знание субъектом расследования способов совершения мошенничеств посредством применения метода социальной инженерии может оказать помощь в выдвижении следственных версий, разработке алгоритма действий в целях установления личности преступника и его розыска.

Список основных источников

1. Социальная инженерия [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_инженерия (дата обращения: 10.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Пупцева А. В., Курин А. А. Методика расследования мошенничества : учеб. пособие. Волгоград : ВА МВД России, 2022. 96 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

*Л. Я. Тарасова**доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат исторических наук*

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ СОПУТСТВУЮЩИХ ФАКТОРОВ, ПРИВОДЯЩИХ К ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫМ ПРОИСШЕСТВИЯМ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП), вызванные сопутствующими факторами, имеют множество причин, включая плохие погодные условия, недостатки дорожной инфраструктуры, а также поведение участников дорожного движения. Только путем комплексного анализа этих факторов можно разработать эффективные стратегии предотвращения происшествий и обеспечения безопасности на дорогах.

Все имеющиеся причины ДТП можно разделить на три типа: факторы технического, субъективного характера и дорожные условия. При этом нам представляется возможным выделить основные условия, которые являются причинами ДТП: первая группа — здоровье водителя (усталость, болезнь и т. д.), кроме того, возможно иное состояние водителя, связанное с применением запрещенных лекарственных средств, наркотиков, алкоголя; вторая группа — невнимательность водителя (водителя часто отвлекают пассажиры, разговоры по телефону, громкая музыка); третья группа — неблагоприятные погодные условия (туман, снегопад, дождь); четвертая группа — технические причины (неисправность автомобиля); пятая группа причин связана с состоянием дорожного полотна (ямы и другие повреждения на дороге).

Согласно данным научного центра безопасности дорожного движения МВД России [1, с. 7–8], в 2020 году сопутствующими факторами ДТП, такими как недостатки эксплуатационного состояния и обустройства улично-дорожной сети, железнодорожных переездов, составили 48 879 (–10,1 % по сравнению с 2019 годом). Число погибших в таких ДТП возросло на 1,1 % (4 996) и число раненых сократилось на 11,7 % (61 294). В целом по стране с наличием сопутствующих факторов связано более трети всех ДТП (33,7 %). Уровень причин, связанных с техническими неисправностями транспортных средств либо условиями, при которых запрещена их эксплуатация, в России всегда оставался невысоким. Однако в 2020 году их доля возросла и составила 5,3 % (в 2019 г. — 4,1 %). При этом можно отметить рост основных показателей аварийности для таких происшествий. Всего в стране зарегистрировано 7 658 (+13,7 %)

ДТП, в них погибли 1 223 (+10,5 %) и получили ранения 10 283 (+5 %) человека. В 2022 году [2, с. 9] нарушения обязательных требований к эксплуатационному состоянию и обустройству автомобильных дорог общего пользования, улиц, городов и сельских поселений, железнодорожных переездов зафиксированы 38 647 раз, что составляет 30,5 % от общего количества ДТП. Число погибших при таких условиях составило 4 089 человек, раненых — 48 241, что составило 28,9 % и 30,2 % от общего числа погибших и раненых соответственно. В частности, хочется выделить статистические данные по Алтайскому краю. Так, за 11 месяцев 2022 года в крае зарегистрировано 813 ДТП (за 11 месяцев 2021 года — 985, снижение — 17,5 %), сопутствующими факторами возникновения которых явилось неудовлетворительное содержание дорог и улиц, технических средств организации движения. В результате таких ДТП 70 человек погибли (за 11 месяцев 2021 года — 77, снижение — 9,1 %) и 1 040 получили ранения (11 месяцев 2021 года — 1 245, снижение — 16,5 %). Удельный вес дорожно-транспортных происшествий с сопутствующими неудовлетворительными дорожными условиями составил 38,6 % от общего числа ДТП (за 11 месяцев 2021 года — 47,1 %) [3].

Комплексный анализ и понимание сопутствующих факторов, приводящих к ДТП, являются важным этапом в создании эффективных мер по предотвращению происшествий на дорогах. Необходимо уделять внимание интеграции различных аспектов безопасности на дорогах, чтобы разработать системы предупреждения и реагирования, способные справиться с множеством сопутствующих факторов и обеспечить безопасность дорожного движения.

Список основных источников

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 год. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021. 79 с. [Вернуться к статье](#)
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. 150 с. [Вернуться к статье](#)
3. Справка о состоянии аварийности на территории Алтайского края за 11 месяцев 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <http://192.168.0.171/index.php> (дата обращения: 10.01.2024). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.97

*А. К. Теохаров**доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений
Омской академии МВД России, кандидат юридических наук*

СПОСОБЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Феномен легализации преступных доходов возник достаточно давно: случаи маскировки законности обладания имуществом, приобретенным неправомерным путем, имели место еще в Средние века [1, с. 104]. Практика противодействия указанным преступлениям характеризуется наличием значительного количества специфических проблем, к числу которых относятся:

- частое непонимание правоприменителями сущности феномена легализации преступных доходов;
- недостаточная правовая определенность составов преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [2];
- незнание оперативными сотрудниками и следователями методик выявления и раскрытия легализации денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, а также возможностей правоохранительных органов по получению необходимой информации о преступных доходах за рубежом;
- применяемые преступниками меры противодействия, в том числе использование цифровых валют и электронных платежных систем;
- отсутствие единообразной правоприменительной практики, принятие порой диаметрально противоположных решений судами о наличии/отсутствии признаков легализации преступных доходов [3, с. 158].

По результатам анализа рассматриваемых преступлений представляется возможным выделить следующие способы легализации:

1. Размещение наличных денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, на счетах в кредитных учреждениях, открытых на имя подставных лиц.

При данном способе легализации преступники размещают наличные денежные средства, полученные от продажи наркотиков, на счета в банках, открытых на имя подставных физических лиц или формально-легитимных юридических лиц (фирм-однодневок). Подставными лицами являются малоимущие граждане с низким уровнем доходов, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью. Как правило, указанные лица не причастны к деятельности

в сфере незаконного оборота наркотиков. За разовое вознаграждение в виде наличных денег или наркотиков они открывают на свое имя платежные банковские карты и передают их преступникам вместе с ПИН-кодами и другими данными, обладание которыми позволяет преступникам осуществлять необходимые банковские операции. Совершая легализацию преступных доходов рассматриваемым способом, преступники размещают денежную наличность на счета в банках с применением так называемого структуринга, т. е. с дроблением денежных средств на небольшие суммы, не подпадающие под установленные пороги контроля, которые постепенно депонируются от имени различных лиц или в различных местах.

2. Легализация денежных средств, приобретенных от незаконного оборота наркотиков, путем приобретения имущества или погашения кредитов, полученных в кредитно-финансовых учреждениях.

Особенностью данного способа легализации является то, что кредиты, в счет оплаты которых преступники осуществляют переводы приобретенных денежных средств, как правило, формально получены не ими, а их близкими или подставными лицами либо подконтрольными им фирмами-однодневками, при этом реальными (фактическими) получателями являются сами преступники.

3. Перевод денежных средств через платежные системы на банковские счета с их последующим обналичиванием.

Типичная схема переводов денежных средств, полученных преступниками от потребителей наркотиков, в целях их легализации построена, как правило, на использовании электронных средств платежа нескольких функциональных уровней. Перевод денежных средств по электронным платежным системам осуществляется преступниками посредством удаленного доступа с использованием интернет-банкинга, при этом электронные кошельки зарегистрированы на подставных лиц.

4. Отмывание денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, посредством ввода в легальный бизнес, в том числе с использованием фирм-однодневок.

Анализ материалов практики показывает, что в целях легализации доходов, полученных от сбыта наркотиков, преступники регистрируют на имя подставных лиц (зачастую сожителей и родственников) юридические лица, которые начинают осуществлять законную предпринимательскую деятельность, как правило, в сфере потребительского рынка. Последнее обстоятельство, по-видимому, обусловлено тем, что именно для данной сферы характерен оборот большого количества наличных денег, полученных от клиентов. Чаще всего

к видам легального бизнеса, начинаемого преступниками, относятся приобретение коммерческой недвижимости, открытие фитнес-клубов, саун, медицинских клиник, баров и ресторанов, при этом последние могут быть использованы для распространения наркотиков среди их посетителей.

5. Отмывание денежных средств, полученных в результате сбыта наркотиков, посредством их ввода в легальный оборот с использованием криптовалюты.

Анализ судебной практики показал, что одним из оснований, свидетельствующих о наличии признаков легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, судами признается факт совершения с этими денежными средствами финансовых операций, осуществляемых фигурантами во исполнение мнимых (притворных) договоров (формулировка подобных действий в судебных актах изложена как «сделки, совершенные по фиктивным основаниям», «фиктивные основания платежей», «сделки, совершенные без осуществления реальных хозяйственных операций» и т. п.).

Проведенное изучение способов совершения отмывания денежных средств, полученных от сбыта наркотических средств и психотропных веществ, позволяет выделить ряд закономерностей.

Во-первых, в подавляющем большинстве изученных случаев обязательным этапом легализации преступно приобретенных денежных средств являлось их обналичивание. Рынок подобных услуг сегментирован на так называемые площадки, обслуживающие криминальные интересы определенного количества и категорий организованных преступных формирований (в зависимости от объемов денежных средств и способов обналичивания, например, внутри страны либо сопряженного с операциями по выводу денежных средств за рубеж).

Во-вторых, практика свидетельствует о максимальном использовании продавцами наркотиков широкого спектра электронных форм финансовых услуг (интернет-банкинг, использование электронных платежных систем и других). Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о необходимости расширения возможностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по получению соответствующей информации, в том числе путем разработки новых видов специальных технических мероприятий.

Список основных источников

1. Коротун А. В., Фоменко И. В. Трансформационные способы легализации денежных средств, полученных в результате распространения наркотических средств и психотропных веществ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 8 (159). С. 103–109. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации

5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 № 641-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Смирнов М. А. Вопросы противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных другим лицом преступным путем // Вестн. Марийс. гос. ун-та. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 2 (34). С. 157–162. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.976

П. В. Тепляшин

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

**«СЕВЕРНАЯ» ПОДГРУППА ГОСУДАРСТВ —
ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА
О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Дальнейшая эволюция правоохранительной деятельности по противодействию наркоугрозам и сопряженным с ними криминальным вызовам демонстрирует ряд кардинальных изменений в содержании антинаркотической безопасности как отдельных государств, так и их объединений. Причем именно консолидированная деятельность государств в этой сфере демонстрирует ее неотделимость от налаживания прочных связей межгосударственного (транснационального) характера. По сути, «камертоном» таких отношений выступает не столько стабильно значительное наркодавление криминальных структур на социальную среду соответствующих государств, сколько механизм выстраивания единой эталонной модели противодействия транснациональным наркоугрозам.

Формировать данную модель и следовать ее замыслу — крайне сложная задача, которая требует тесного сотрудничества компетентных органов на межгосударственном уровне. Материализацию скреп такого сотрудничества демонстрирует Организация Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ; Организация). Особенно важно говорить об этом, когда речь идет об интенсивной трансформации наркоугроз, их симптоматичном воздействии на перестраиваемые сегменты общества и государства. Допустимо утверждать, что криминал быстрее «подхватывает» технические новинки, информационные технологии и иные достижения пятого и шестого технологических укладов, тогда как система профилактики незаконного оборота наркотиков отстает на «два–три шага» в этом процессе. Именно в рамках специализированных международных организаций существует реальная возможность создания адекватной системы противодействия наркоугрозам транснационального характера.

Научный интерес представляет соответствующая деятельность ОДКБ. Однако структурно в границах Организации могут быть условно обособлены подгруппы государств, обладающие наибольшим уровнем общих криминологически значимых функциональных направлений, высокой связанностью

исторического уклада жизнедеятельности в различных областях общественных отношений, значительным географическим соседством, а также другими смежными признаками. Допустимо утверждать возможность применения таксономических подходов к группировке государств — членов ОДКБ, то есть их внутренней типологизации.

Следует заметить, что основания указанной группировки способны обладать постоянными либо временными свойствами; включать несколько признаков (географическое расположение государств, схожесть организации национальной системы наркологической помощи населению), то есть быть сложными по своему содержанию, или только один (например, геополитическая принадлежность государства), то есть быть простыми по своему содержательному наполнению; характеризоваться однозначностью толкования (например, коэффициент объемов изъятия наркотиков из незаконного оборота) или быть оценочными (в частности, степень политической солидарности государств — членов ОДКБ либо степень либеральных антинаркотических инициатив в национальном законодательстве). Так, в силу такого постоянного простого однозначно толкуемого основания (критерия), как относимость к Центрально-азиатскому региону (далее — ЦАР), республики Казахстан, Киргизия и Таджикистан допустимо относить к относительно самостоятельной и, соответственно, обособленной подгруппе государств — членов ОДКБ. На основании такого временного основания, как размеры изъятий наркотиков, в 2022 году Республика Кыргызстан попала в подгруппу государств, в которых констатируется стабильно высокий объем изъятий подконтрольных веществ.

В свою очередь, Республику Беларусь и Российскую Федерацию представляется возможным объединять в относительно однородную подгруппу государств — членов Организации, которую можно условно именовать «северной» подгруппой.

Как представляется, существует совокупность криминологически значимых признаков, скрепляющих данные государства в единую подгруппу. Такими признаками являются:

1) географический — отдаленность Республики Беларусь от ЦАР, но значительное и продолжительное соприкосновение с границами Российской Федерации;

2) социально-экономический (наблюдается стабильно значительное взаимосотрудничество в экономическом аспекте (импорт — экспорт) и высокая степень социальной интеграции);

3) геополитический, этно-религиозный (в Республике Беларусь проживает 7,5 % русских);

4) во многом схожая и взаимоинтегрированная система правоохранительных органов (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблением ими (22 ноября 1999 года) принято одно из первых среди государств — членов ОДКБ);

5) значительная идентичность системы оказания наркологической помощи (не случайно 7 сентября 2023 года в г. Минске состоялось очередное Координационное совещание главных наркологов государств — членов ОДКБ).

Кратко изложенные криминологические и сопряженные с ними аспекты выделения относительно однородной «северной» подгруппы государств — членов Организации указывают на актуальность изучения перспектив дальнейшего развития антинаркотической деятельности Организации Договора о коллективной безопасности, ее структуризации и специализации не только по соответствующим направлениям, но и в разрезе более тесных аспектов международного сотрудничества между отдельными государствами — членами ОДКБ.

УДК 343.85

Т. Г. Терещенко

заместитель начальника кафедры
уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: РЕШЕНИЯ НА ОСНОВЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Эффективность общественного развития зависит от отсутствия или сведения к минимуму негативных общественных явлений, одним из которых выступает преступность. Оценивая состояние, уровень, структуру и динамику преступлений в Республике Беларусь, приходится констатировать, что «...коррупционная преступность является тревожной социально-правовой проблемой, требующей более активной, решительной и непрерывной борьбы со всеми ее проявлениями... Коррупция представляет угрозу национальной безопасности, существенно тормозит социально-экономические преобразования в государстве...» [1, с. 434], что предопределяет проведение взвешенной и последовательной, планомерно осуществляемой антикоррупционной политики.

При этом государственная антикоррупционная политика, как комплексная и системная деятельность специальных органов, органов, оказывающих содействие, и институтов гражданского общества, должна быть выстроена с учетом количественно-качественных показателей коррупции. Однако *статистика коррупции* может охватывать несколько ее аспектов, а именно: случаи самой коррупции (например, количество взяток, хищений имущества, злоупотреблений по службе и т. п.) и факторов, способствующих существованию и развитию коррупции (например, риски коррупции, которые могут выступать «питательной» средой коррупциогенного поведения, но при этом не охватываются данными статистической отчетности).

С другой стороны, измеряя коррупцию, мы должны четко понимать, для чего это делать и как эта криминологическая информация может быть положена в основу криминологического прогнозирования и планирования. Так, обращаясь к официальным статистическим данным, мы видим, что в 2022 году 763 лица осуждены за совершение преступлений коррупционной направленности — на 19,2 % больше, чем в 2021 году (640 лиц). В 1 полугодии 2023 года 343 лица осуждены за совершение преступлений коррупционной направленности — на 14,3 % больше, чем в 1 полугодии 2022 года [2]. Традиционными

сферами, пораженными коррупцией, остаются государственное управление, промышленность, сельское хозяйство.

И в этой связи мы должны задаться вопросами: ухудшилась ли ситуация с коррупцией в белорусском обществе? Каковы реальные масштабы коррупции в государстве? Что стоит предпринять, чтобы криминогенная ситуация оставалась стабильной? В этом и состоит суть количественной оценки коррупции. При этом, опираясь на характерологические признаки (свойства) коррупции, мы должны понимать, что реальная статистика коррупции противоречива. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Так, коррупция по своей природе является *тайной сделкой*, и ни одна из сторон не заинтересована в ее огласке. Вот почему опросы в фокус-группах не всегда дают нам адекватные данные о коррупции. С этим же связан и ответ относительно *неоднозначного восприятия коррупции респондентами*, особенно в странах с разными правовыми системами и в зависимости от целевых групп опроса (предприниматели, юристы, студенты и т. п.). С другой стороны, официальная статистика коррупции есть только одна сторона медали. Реальные же масштабы коррупции неизвестны. Однако всегда существует разрыв между *воспринимаемым и действительным уровнем* коррупции: общественность, как правило, оценивает уровень коррупции гораздо выше, чем он существует в реальности. Кроме того, оценку коррупции можно производить, основываясь на двух типах информации: аналитической и статистической. И каждый вид информации может дополнять друг друга относительно статистики коррупции.

Далее, на этапе сбора информации могут учитываться различные источники криминологической статистической информации. Наиболее распространенными являются *аналитические обзоры*, которые основываются на докладах, оценочных исследованиях распространенности коррупции, подготовленных исследователями, неправительственными и международными организациями, средствами массовой информации и т. п. Наиболее известные среди них: индекс восприятия коррупции, барометр мировой коррупции, индекс взяточдателей, индекс «контроль коррупции» и т. д. Не менее важное значение приобретают *опросы*, которые при надлежащей организации процесса могут стать ценным источником данных о коррупции.

Так, многие страны провели свои внутренние опросы о восприятии и непосредственном опыте коррупции (например, Армения — опрос среди домашних хозяйств; Грузия — опрос государственных служащих). В Республике Беларусь эта практика тоже хорошо развита и используется в качестве основы для проведения соответствующих проверок. Например, представители Исследовательского центра Института приватизации и менеджмента провели опрос,

посвященный состоянию делового климата в стране (2017 год); Институт социологии Национальной Академии наук Беларуси провел опрос об эффективности работы милиции (2018 год); руководство одного из вузов Минска провели анкетирование среди учащихся относительно возможных коррупционных проявлений со стороны преподавателей (2023 год) [3].

Особый интерес для получения количественной информации о коррупции представляют *интервью*, проводимые с членами правительства, представителями гражданского общества, практическими работниками, должностными лицами, экспертами и т. п. Разновидностью опросов выступают также опросы в фокус-группах, которые существенно разнятся по объему выборки; опросы респондентов, объединенных в группы; возможности открытой дискуссии в целевой группе. Однако представляется более целесообразным использовать комбинацию криминологических источников информации для получения полной и оптимальной, правдивой информации о количестве коррупции. Например, многие страны, исследуя коррупционные риски, ориентируются при сборе информации о количестве фактов коррупции на массовые опросы населения, интервью с предпринимателями, работу с фокус-группами в отдельных городах, расширенные интервью. Это позволяет оптимально из различных источников информации получить дополнительные сведения.

Таким образом, отметим, что своевременное получение информации относительно статистики коррупции является неотъемлемым элементом системы мер противодействия преступности. При этом успешность и прогресс в искоренении коррупции напрямую коррелирует с выбором правильной стратегии коррупции. В свою очередь, антикоррупционное прогнозирование и планирование должно также выстраиваться с учетом количественно-качественных показателей коррупции, которые могут быть получены из различного рода криминологических источников, сопоставимых с данными мировых рейтингов по борьбе с коррупцией.

Список основных источников

1. Барановский Н. А. Социологический мониторинг антиобщественных явлений в системе обеспечения национальной безопасности в социальной сфере // Социол. альм. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. Минск : Беларусь. наука, 2014. Вып. 5. С. 434–445. [Вернуться к статье](#)
2. Сведения за 2022 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: <https://court.gov.by/ru/statistika1/140398d808504cbe.html> (дата обращения: 03.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Преподаватель столичного университета вымогал взятки за успешную сдачу экзамена: прокуратура Советского района Минска возбудила уголовное дело. [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/prepodavatel-stolich/> (дата обращения: 03.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.971

М. В. Шайкова

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западного государственного университета (г. Курск),
кандидат психологических наук, доцент*

ДЕТЕРМИНАНТЫ ВХОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ ГРУППЫ¹

Изучение личности несовершеннолетнего с деструктивным поведением позволяет понять истинные причины (мотивы) данного поведения, также будет способствовать разработке профилактических мер по снижению преступности несовершеннолетних, поэтому необходимы опыт и знания не только по криминологии, но и психологии.

Исследованием деструктивного поведения несовершеннолетних занимаются юристы, психологи, социологи, педагоги. По мнению Я. С. Шишлянниковой, «нередко несовершеннолетние совершают преступления и правонарушения под влиянием взрослых или эмоционально более сильных людей» [1]. А. А. Костарева отмечает: «Подростковый возраст от 11 до 18 лет является переходным, в социальном плане продолжается первичная социализация. Подростки, в большинстве своем, зависимы от родителей или государства» [2]. Социализация несовершеннолетних начинается в семье (благополучной или неблагополучной), где несовершеннолетние усваивают первоначальные модели поведения в социуме. В ранее проведенном эмпирическом исследовании (2021) мы выявили влияние процесса социализации в неблагополучных семьях на несовершеннолетних. Поэтому мы считаем, что «личность несовершеннолетнего правонарушителя основывается на психо-социальных чертах, основу которых составляют асоциальные и негативные привычки, которые подросток получает в неблагополучной семье и референтных группах» [3, с. 7].

Мы солидарны с мнением А. В. Штефана, который изучал воспитание несовершеннолетних в благополучных семьях и отмечал, что в семьях с достатком основное внимание уделяется материальному обеспечению подростков. Воспитательная функция в этих семьях в основном отсутствует, несовершеннолетним не прививаются чувства долга, патриотизма, ответственности и т. д.

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 0851020220-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

Поэтому «подросток из благополучной семьи совершает преступление в силу того, что чувствует свою безнаказанность, вседозволенность, у таких детей не существует никаких рамок. Могут совершить противоправное действие ради забавы, спора либо просто ради того, чтобы обратить на себя внимание родителей» [4].

Социум несовершеннолетних состоит из ближайшего окружения: друзья по учебному заведению и досугу, случайные виртуальные знакомые по социальным сетям («ВКонтакте», ТикТок и т. д.), референтные группы. У несовершеннолетних еще не сформированы черты личности, которые могут их защитить от негативного контента в социальных сетях. Подростки в этом возрасте подвержены асоциальному влиянию различных деструктивных групп из социальных сетей и асоциальных личностей, более взрослых по возрасту. В социуме (онлайн и офлайн) подросток воспринимает определенные положительные и отрицательные ценности и модели поведения, формирующиеся из-за подражания и возрастных особенностей. Мы придерживаемся точки зрения О. А. Мальцевой и Е. А. Щелкиной о том, что «психологические особенности несовершеннолетних, такие как определенная неуравновешенность характера, повышение уровня эмоциональной возбудимости, частая смена настроения, а также формы поведения, оказывают сильное влияние на деструктивное поведение несовершеннолетних» [5].

В основном несовершеннолетние проводят все свободное время в различных референтных группах. Именно такие группы способствуют различным видам деструктивного поведения подростка: от различного вида правонарушений до совершения преступлений. Р. В. Горячко и В. Г. Громова отмечают: «Характерной чертой преступности несовершеннолетних является то, что она носит преимущественно групповой характер. Это связано с тем, что подростки (14–17 лет) имеют естественную потребность объединяться в компании со сверстниками, где их понимают и учитывают их мнение» [6]. По данным Генеральной прокуратуры России, за 2022 год было выявлено 24 470 преступлений, совершенных организованной группой, из них 17 129 (70 %) совершены с участием несовершеннолетних.

Также заслуживает внимания точка зрения А. А. Григорьевой, Ю. С. Афониной, Т. Н. Кабановой, которые считают, что «отчуждение несовершеннолетнего от общества может привести к формированию у него устойчивой асоциальной установки, проявляющейся в негативном или даже враждебном отношении к окружающему, что по проекционному механизму может вызывать агрессивное поведение у этих людей» [7].

Сегодня отмечается зависимость деструктивного поведения несовершеннолетних от употребления психоактивных веществ (ПАВ). Исследование, проведенное А. Ф. Аболониным, И. А. Назаровой, Н. В. Асланбековой, свидетельствует о гендерных различиях употребления ПАВ несовершеннолетними. При исследовании мальчиков и девочек были выявлены употребляемые подростками виды наркотических веществ [8]. В настоящее время актуальна другая проблема — вовлечение несовершеннолетних в распространение наркотиков. Несовершеннолетних используют зачастую для бесконтактной продажи наркотиков через закладки. Выявить взрослых, которые руководят несовершеннолетними, очень сложно ввиду большой латентности данного вида преступлений. Несовершеннолетние в социальных сетях находят объявления о заработке, подробности которого не указаны, и через небольшой промежуток времени их задерживают сотрудники правоохранительных органов.

Таким образом, деструктивное поведение несовершеннолетних и вовлечение в различные референтные группы сегодня зависят от индивидуальных особенностей подростка, влияния семьи и ближайшего окружения. Предупреждению всех видов деструктивного поведения должна способствовать общая и индивидуальная профилактика, которая должна проводиться семьей, учебными заведениями и правоохранительными органами.

Список основных источников

1. Шишлянникова Я. С. Причины и условия несовершеннолетней преступности // Постулат. 2018. № 6 (32). С. 62. [Вернуться к статье](#)
2. Костарева А. А. Психологические причины преступности несовершеннолетних // Аллея науки. 2020. Т. 2, № 5 (44). С. 575–579. [Вернуться к статье](#)
3. Шайкова М. В. Психолого-правовой подход к процессу социализации личности несовершеннолетних правонарушителей (авторское исследование) // Прикладная юридическая психология. 2021. № 1 (54). С. 6–12. [Вернуться к статье](#)
4. Штефан А. В. К вопросу о влиянии причинного комплекса на совершение преступлений подростками и детьми // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 21 янв. 2020 г. М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2020. С. 246–254. [Вернуться к статье](#)
5. Мальцева О. А., Щелкина Е. А. Психолого-педагогический аспект совершения преступлений несовершеннолетними // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 1 (43). С. 216–221. [Вернуться к статье](#)
6. Горячко Р. В., Громов В. Г. Групповая преступность несовершеннолетних // Проблемы науки. 2017. № 11 (24). С. 58–60. [Вернуться к статье](#)
7. Григорьева А. А., Афонина Ю. С., Кабанова Т. Н. Криминализация несовершеннолетних как проблема современного общества (психологические, социально-психологические и клиничко-психопатологические факторы) // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4 (45). С. 49–59. [Вернуться к статье](#)

8. Аболонин А. Ф., Назарова И. А., Асланбекова Н. В. Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей, страдающих различными формами зависимости от психоактивных веществ (гендерный аспект) // Сибир. вестн. психиатрии и наркологии. 2014. № 1 (82). С. 22–28. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

А. Е. Шалагин

*начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Казанского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Предупреждение преступлений — это многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на устранение (минимизацию) причин и условий уголовно наказуемых деяний, принятие мер к злоумышленникам на стадиях замысла, подготовки и покушения на преступление [1, с. 53–54].

В 2023 году в Российской Федерации было зарегистрировано 1 947 161 преступление (–1 %), уровень преступности составил 1 329,6 из расчета на 100 тыс. населения. В Республике Татарстан зарегистрировано 55 444 преступления (+6,2 %), из которых 17 126 относятся к категории тяжких и особо тяжких. В Казани в этот период было совершено 24 851 преступление, что на 7 % больше аналогичного показателя предыдущего года. Увеличение количества зарегистрированных преступлений обусловлено продолжающимся ростом противоправных деяний, совершенных с применением ИТ-технологий (мошенничеств, краж денежных средств с банковского счета, неправомерного доступа к компьютерной информации, незаконного сбыта или пересылки наркотических средств) [2, с. 3].

В структуре преступности увеличилось количество тяжких (+8,3 %) и особо тяжких преступлений (+14,2 %). При этом снизилось число преступлений средней (–4,7 %) и небольшой тяжести (–5,2 %). Основную часть зарегистрированных преступлений составляют уголовно наказуемые деяния против собственности (58,3 %), личности (11,6 %), в сфере незаконного оборота наркотиков (9,8 %), оружия (0,9 %), экономической деятельности (5,4 %), коррупции (1,8 %), экологии (0,8 %), терроризма (0,12 %), экстремизма (0,07 %), иные (10,8 %) [3].

Около 60 % расследованных преступлений было совершено лицами, ранее совершавшими общественно опасные, противоправные деяния, каждое четвертое преступление (22,4 %) — в состоянии алкогольного опьянения, каждое третье (34,8 %) — с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Зарегистрирован рост (+17 %) преступлений, совершенных организованными преступными группами (сообществами) [4].

На сокращение количества преступлений против личности, а также совершаемых в общественных местах, повлияло систематическое проведение комплексных оперативно-профилактических мероприятий «Улица», «Рецидив», «Арсенал», «Быт», «Условник», «Твой выбор», «Защита», «Профилактика» и др.

В структуре преступлений против собственности значительную долю занимают кражи (51,3 %), мошенничества (38,1 %), грабежи (2 %), угоны автотранспорта (1,1 %), присвоение и растрата (1 %), вымогательства (0,8 %), разбои (0,3 %). При снижении краж, грабежей, разбоев, угонов автомобилей увеличилось количество мелких хищений, совершенных повторно, мошенничеств, вымогательств. Раскрываемость имущественных преступлений составила 38,6 %. Наибольший процент раскрываемости характерен для расследования преступлений, предусмотренных ст. 161 (грабеж) и 162 (разбой) Уголовного кодекса Российской Федерации [3, с. 6–7].

В структуре наркопреступлений выделяется тенденция, направленная на увеличение регистрируемых фактов, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Из незаконного оборота наркотиков наиболее часто изымаются вещества синтетического происхождения, а также каннабисной, опиумной, амфетаминовой, кокаиновой группы. Кроме того, сотрудники полиции пресекают незаконные действия с психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами, прекурсорами и оборудованием, используемым для производства наркотиков.

В настоящий период отмечается возрастание преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, при этом их значительное количество остается латентным. Основными способами совершения таких уголовно наказуемых деяний являются обман и введение в заблуждение, хакерские атаки, использование чужих персональных данных в противоправных целях. В структуре киберпреступлений возрастает количество мошеннических действий, краж денежных средств, наркопреступлений, неправомерного доступа к компьютерной информации [5, с. 17–59].

К детерминирующим факторам противоправного поведения следует отнести:

- сохранение внешних угроз, представляющих опасность для финансового и экономического благополучия, ужесточение санкционного режима, противоречия в международных отношениях, попытки вмешательства иностранных государств во внутренние дела России с целью дестабилизации, а также нарушения межнационального и межрелигиозного согласия;

- инфляцию, снижение доходов населения, закредитованность граждан;
- увеличение миграционных потоков и, как следствие, возрастание количества преступлений и административных правонарушений, совершенных иностранными гражданами;
- подмену традиционных ценностей идеями обогащения, потребительства, вседозволенности;
- взаимосвязь противоправного поведения с социально негативными (околокриминальными) явлениями, влияющими на количественные и качественные характеристики преступности (пьянство и алкоголизм, наркомания и токсикомания, безнадзорность и половая распущенность, лудомания и kleптомания, бродяжничество и попрошайничество, проституция и порнография, аморальное и антиобщественное поведение, суицид) [6, с. 372–385].

К приоритетным направлениям предупреждения преступлений на современном этапе относятся:

- повышение эффективности управления силами и средствами органов внутренних дел в особых условиях, чрезвычайной ситуации, при проведении контртеррористической операции;
- противодействие диверсионной, экстремистской, радикалистской деятельности, защита объектов жизнеобеспечения населения, улучшение технической укрепленности зданий и сооружений органов государственной и муниципальной власти, обеспечение безопасности функционирования торговых комплексов и мест массового нахождения граждан;
- усиление контроля за исполнением миграционного законодательства, предупреждение незаконной миграции, выявление и пресечение преступлений (административных правонарушений), совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства;
- улучшение результативности в противодействии организованной, экономической, рецидивной, профессиональной, транснациональной преступности;
- активизация деятельности по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия и боеприпасов, перекрытие каналов их поступления на территорию Российской Федерации;
- совершенствование методик борьбы с киберугрозами, использование новых технологий для идентификации преступников, определения места и времени совершения преступления (искусственный интеллект, Большие данные, 3D- и 4D-принтеры, глобальные навигационные системы, поиск пропавших людей на основе нейронных сетей и др.) [7, с. 83–105];

- профилактика противоправного поведения подростков и молодежи, недопущение вовлечения несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность, формирование активной гражданской позиции;
- предотвращение преступлений коррупционного и должностного характера, улучшение качества и доступности государственных услуг;
- недопущение оттока кадров из органов внутренних дел, сохранение кадрового ядра, обеспечение прав и социальных гарантий полицейских, поддержание благоприятного психологического климата в служебных коллективах.

Список основных источников

1. Шалагин А. Е. Криминология и предупреждение преступлений : моногр. М. : Юрлитинформ, 2021. 240 с. [Вернуться к статье](#)
2. Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан: итоги 2023 года. Казань : МВД по РТ, 2024. 32 с. [Вернуться к статье](#)
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года. М. : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2024. 63 с. [Вернуться к статье](#)
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: mvd.rf/reports/item/47055751/?ysclid=lvdiixpv58165737568 (дата обращения: 15.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции развития: аналитический обзор / М. В. Гончарова [и др.]. М. : ВНИИ МВД России, 2024. 87 с. [Вернуться к статье](#)
6. Антонян Ю. М. Криминология : учеб. 3-е изд., перераб. и дополн. М. : Юрайт, 2018. 388 с. [Вернуться к статье](#)
7. Овчинский В. С. Технологии будущего против криминала. М. : Книж. мир, 2017. 288 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

*А. И. Шикагасов**заместитель командира отдельной роты ДПС
Госавтоинспекции УМВД России по г. о. Нальчик*

СОСТОЯНИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

В 2023 г. число дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) на территории Российской Федерации составило 132 466, что на 4,5 % больше, чем в 2022 г. Количество погибших в ДТП увеличилось по сравнению с 2022 г. на 1,9 % (в 2023 г. — 14 504, в 2022 г. — 14 172), количество пострадавших — на 3,5 % (в 2023 г. — 166 500, в 2022 г. — 159 635) [1]. Виновником каждой девятой аварии было лицо, находившееся в состоянии алкогольного опьянения. По словам вице-премьера России М. Хуснуллина, «у нас три основные причины гибели людей, которые составляют 75 % смертности, — это выезд на встречную полосу, наезд на пешехода и вождение в состоянии опьянения» [2]. Последнее по праву называют одним из «самых коварных врагов всех участников дорожного движения... Основная проблема — психофизиологическая, заключается в том, что человек в состоянии алкогольного опьянения не только не замечает опасности, но и склонен завышать свои способности к управлению транспортным средством, чувствовать себя умнее, рискованнее, удачливее» [3, с. 22].

Повышенная общественная опасность, т. е. причинение деянием вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям или создание угрозы причинения такого вреда, нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенных лицом, которое находится в состоянии опьянения, отмечена законодателем. Так, состояние опьянения выступает квалифицирующим обстоятельством по чч. 2, 4, 6 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, в уголовном законе имеется ст. 264.1, устанавливающая ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения для лица, подвергнутого административному наказанию или имеющего судимость. Общественную опасность в названных составах представляют последствия в виде причинения вреда состоянию безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, тяжкого вреда здоровью человека или смерти, а также иные нематериальные последствия, негативно сказывающиеся на жизнедеятельности человека и общества в целом

(моральный вред, страдания родных и близких из-за гибели потерпевшего и др.). Известно, что в ДТП с участием лиц, находящихся в состоянии опьянения, вероятность получения травм и наступления смерти значительно возрастает, поскольку водитель не способен контролировать себя и свой автомобиль, кроме того, в случае столкновения сила удара значительно возрастает из-за высокой скорости движения. Сотрудники Госавтоинспекции отмечают, что в число частых нарушений Правил дорожного движения, после которых водители в состоянии алкогольного опьянения попадают в аварии, входят следующие: несоблюдение безопасной дистанции; несоответствие скорости конкретным дорожным условиям; выезд на встречную полосу. Так, 11 декабря 2022 г. в Среднеахтубинском районе Волгоградской области в 22:00 19-летний водитель, управляя автомобилем ВАЗ-21093 в состоянии алкогольного опьянения, выехал на встречную полосу и совершил столкновение с автомобилем Renault Logan под управлением 33-летнего водителя. В результате ДТП водитель, 17-летняя пассажирка ВАЗ-21093, а также 47-летний пассажир Renault Logan были госпитализированы с различными повреждениями [4].

С медицинской точки зрения состояние алкогольного опьянения — это состояние, возникающее после употребления алкогольного напитка и сопровождающееся возбуждением центральной нервной системы и угнетением отдельных центров коры головного мозга. Алкогольным опьянением считают обнаружение при освидетельствовании 0,16 промилле в воздухе или 0,35 промилле в крови (если водитель автотранспортного средства отказывается от прохождения освидетельствования, он автоматически признает свою вину). Неблагоприятное влияние этанола на головной мозг может проявляться в диплопии (работа глазных мышц замедляется, зрительные оси смещаются, возникает раздвоение картинки), мигрени, возбуждении, потере координации, агрессии и т. д. Естественно, в таком состоянии человек не может в полной мере контролировать себя, а значит, его поведение на дороге становится неадекватным. Если у трезвого человека скорость принятия решения (время от получения сигнала органами чувств об изменении в дорожной обстановке до начала действий по ликвидации этих изменений и минимизации возможного ущерба) составляет в среднем полсекунды, у пьяного это занимает секунду, а иногда и две, что вполне хватает для совершения преступления. Так, «на скорости 60 км/ч за 0,5 с автомобиль проедет 8,3 м. Получается, слегка выпивший водитель сможет объехать препятствие или избежать столкновения, если увидит ситуацию не ближе, чем за 10 м. А если скорость движения выше, то и расстояние нужно еще большее» [5].

Клинически принято выделять три степени алкогольного опьянения: легкую (концентрация этанола в крови составляет 0,3–1,5 промилле); среднюю (концентрация этанола находится в пределах от 1,5 до 2,5 промилле); тяжелую (концентрация этанола сосредоточена в диапазоне 3–5 промилле). При этом глубина интоксикации и скорость ее наступления зависят от совокупности следующих факторов: количества принятого алкоголя на 1 кг массы тела, качества алкоголя, скорости всасывания алкоголя из желудочно-кишечного тракта, особенностей работы ферментов и т. д.). Нередко возникают такие ситуации, когда водитель, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, видя пешехода, продолжает движение на высокой скорости, наивно полагая, что успеет проехать, однако его реакция замедлена, а координация нарушена, в результате этого возникают непоправимые последствия. Например, на улице Богданова в г. Москве 37-летний водитель автомобиля Audi-A6 совершил наезд на женщину с ребенком, которые переходили проезжую часть по пешеходному переходу. По словам очевидцев, водитель двигался со значительным нарушением скоростного режима, в результате чего при столкновении пешеходов отбросило на 100 метров от перехода. От полученных травм женщина 1980 года рождения и ее сын 2017 года рождения скончались на месте, после этого автомобиль Audi-A6 столкнулся еще с одной машиной. По предварительным данным, водитель находился в состоянии алкогольного опьянения, от прохождения освидетельствования он отказался [6].

В настоящее время именно человеческий фактор, в том числе, если не в первую очередь, состояние алкогольного опьянения, необходимо отнести к самым частым причинам совершения ДТП с тяжкими последствиями. Всегда нужно помнить о том, что пьяный за рулем — преступник, ибо он осознанно идет на нарушение закона и подчас является причиной большой беды.

Список основных источников

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения. Статистика (2022, 2023 гг.) [Электронный ресурс] // ГИБДД России. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 02.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Демина Т. С начала года на российских дорогах погибли 14 тысяч человек — это много или мало? [Электронный ресурс] // Реальное время. URL: <https://realnoevremya-ru.turbopages.org/turbo/realnoevremya.ru/s/news//269257-v-2022-godu-na-dorogah-rossii-pogibli-14-tysyach-chelovek> (дата обращения: 14.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Дунаева О. Н., Полякова С. В., Спиридонова И. А. Общественная опасность управления транспортными средствами в состоянии опьянения // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 21–26. [Вернуться к статье](#)
4. Бакулина Д. Девушка в порядке, а вот мужчина тяжелый: под Волгоградом 19-летний пьяный юноша на «девятке» вылетел на встречу [Электронный ресурс] //

Волгоград онлайн. URL: [https://v1-ru.turbopages.org/turbo/v1.ru/s/text/incidents/2022/12/11/71888324/](https://v1.ru.turbopages.org/turbo/v1.ru/s/text/incidents/2022/12/11/71888324/) (дата обращения: 14.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Как алкоголь влияет на реакции, координацию и органы чувств [Электронный ресурс] // Возрождение. URL: https://vozrozhdenie-med.ru/novosti/kak_alkogol_vliyaet_na_reaktsii_koordinatsiyu_i_organov_chuvstv/#:~:text=%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%B7%D1%8B%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B0%D1%8E%D1%82%20%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%8B,%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%BE%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 15.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Куликов Н. На западе Москвы пьяный насмерть сбил женщину с пятилетним сыном. Видео [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Москва онлайн». URL: <https://msk1.ru/text/incidents/2022/10/22/71758550/> (дата обращения: 15.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

*Д. В. Яковчик**преподаватель кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ — ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В НАУКЕ КРИМИНОЛОГИИ

Одной из основных задач сотрудников органов внутренних дел является профилактика преступлений. В современных условиях выполнение данной задачи усложняется стремительным развитием общества, развитием информационно-коммуникативных технологий, и, как следствие — изменением структуры и способов совершения преступлений. Специалисты в области криминологии сталкиваются с новыми вызовами криминальной среды, для решения которых необходимо развитие мер противодействия преступности. Одним из таковых решений видится использование криминологического профилирования — одного из направлений профайлинга, основной задачей которого является изучение особенностей личности преступника, на основе которых создается прогноз о его возможном участии в преступной деятельности.

Изначально профайлинг являлся направлением психологической науки, который позволял проводить безынструментальную детекцию лжи на основе невербального поведения человека. Оперативность использования данных методик обусловила их использование во многих сферах жизнедеятельности, что привело к выделению направлений профайлинга. В. В. Вахниной предложена следующая классификация видов профайлинга: авиационный, гостиничный, криминальный, кадровый, банковский, страховой, семейный, аудит-профайлинг, профайлинг на железных дорогах [1, с. 5–6]. Криминологическое профилирование — новое направление, которое можно выделить в профайлинге.

Первые попытки составить описание профиля преступника предприняты зарубежными учеными уже в предыдущем веке. Вместе с тем в отечественной науке на данном этапе предпринимаются лишь первые шаги к использованию профилирования в криминологии, что обуславливает узкую теоретическую базу для применения знаний профайлинга в практической деятельности. В ряде зарубежных стран разработаны сложные и многообразные структуры криминологических профилей, различная для каждого государства [2, с. 460].

Точного определения понятию «криминологическое профилирование» не существует. В зарубежной литературе под криминологическим профилированием понимают инструмент, позволяющий выявить поведенческие тенденции,

личностные качества, демографические и географические переменные преступника на основе информации и характеристик преступления (пер. наш. — Д. Я.) [3, с. 1]. В. В. Стальбовский дает следующее определение криминологическому профайлингу: «совокупность знаний о личности преступника, его социально-демографических, уголовно-правовых, нравственно-психологических, психофизиологических и биологических особенностях, позволяющих составить прогноз индивидуального преступного поведения, сформировать эффективную программу борьбы с преступностью, на основе качественного прогнозирования и планирования, учитывая психологические методы оценки действий и поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков» [4, с. 132].

Предметом изучения криминологического профайлинга, исходя из предложенных определений, является определение профиля лица (конкретных поведенческих особенностей), совершившего конкретное преступление, позволяющего выявить следы, обнаруженные на месте совершения преступления. Структуру профиля лица, по мнению Н. С. Артемьева, составляет гипотетическая информация о половой принадлежности, возрастных особенностях, статусности, месте дислокации, мотиваторах, подвигнувших к совершению преступления [5, с. 111–113].

Методологией криминологического профилирования может выступать ряд методов, используемых для изучения особенностей личности преступника. Так, отделом поведенческих наук Академии ФБР США предложен следующий алгоритм определения профиля преступника:

- 1) обстоятельное изучение, анализ природы и сущности преступления и криминальных типов лиц (психолого-психиатрическая типология лиц, совершивших подобные деяния в прошлом);
- 2) исчерпывающий анализ места расследуемого преступления;
- 3) углубленное изучение ближайшего окружения, занятий и увлечений жертвы (жертв, если их несколько);
- 4) формирование возможных мотивирующих факторов всех задействованных в расследовании лиц;
- 5) описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности) [6, с. 255].

Группой сотрудников Университета Южной Африки при составлении профиля преступников, совершающих хищение скота, используется метод case-study (подход углубленного качественного анализа конкретных случаев) [7, с. 40], заключающийся в анализе действительно произошедших ситуаций

(краж скота), выявлении общих черт, присущих лицам, совершающих данные преступления.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что криминологический профайлинг — перспективное направление в развитии науки криминологии. Полученные сведения об особенностях личности преступника позволяют эффективно решать задачи по обеспечению безопасности граждан и профилактике преступлений.

Список основных источников

1. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / В. В. Вахнина [и др.]. М. : Акад. упр. МВД России, 2019. 100 с. [Вернуться к статье](#)
2. Predicting serial killers' home base using a decision support system / D. V. Canter [et al.] // Quant Psychol. 2000. I. 16 (4). P. 457–478. [Вернуться к статье](#)
3. Bada M., Nurse J. R. C. Profiling the cybercriminal: a systematic review of research // 2021 international conference on cyber situational awareness, data analytics and assessment (CyberSA). IEEE, 2021. P. 1–8. [Вернуться к статье](#)
4. Стальбовский В. В. Криминологический профайлинг — новый предмет криминологии (уголовной социологии) // Уголовное право: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2022. С. 129–132. [Вернуться к статье](#)
5. Артемьев Н. С. Криминология : курс лекций. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2007. 296 с. [Вернуться к статье](#)
6. Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. М. : Юристъ, 1997. 336 с. [Вернуться к статье](#)
7. Doorewaard C., Hesselink A., Clack W. Livestock theft: Expanding on criminological profiling and offender assessment practices in South Africa // Acta Criminologica: African Journal of Criminology & Victimology. T. 2015. № sed-4. С. 37–49. [Вернуться к статье](#)

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

А. С. Александров

*начальник кафедры уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества,
Кузбасского института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА

К актуальным проблемам исполнения и отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, следует отнести вопросы организационного и правового характера, связанные с особенностью правового положения отдельной категории осужденных. Так, интерес представляют осужденные несовершеннолетнего возраста, отбывающие наказание в виде обязательных работ.

Несовершеннолетнего осужденного, состоящего на учете в уголовно-исполнительной инспекции (далее — УИИ), можно охарактеризовать как особо нуждающегося в осуществлении в отношении него воспитательных мероприятий. В этой связи видим некоторые организационно-правовые упущения относительно возможного количества бесед, в том числе и воспитательного содержания, с указанной категорией осужденных. Так, обязанностью инспекции является организация и проведение воспитательной работы с осужденными к ограничению свободы, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и исправительным работам. Обязательные работы в перечень не входят.

Представители администрации организаций, на которые привлекаются к выполнению работ несовершеннолетние осужденные, также не имеют возможности проводить мероприятия воспитательного характера с последними. Это обусловлено вполне объективными обстоятельствами, такими как отсутствие педагогических компетенций у персонала организации или банальное отсутствие времени.

Указанные проблемы могут найти решения, в первую очередь организационно-правового характера, стимулируя администрацию мест

отбывания обязательных работ на осуществление наставничества в отношении несовершеннолетних осужденных. В свою очередь, на уровне муниципалитета в рамках реализации социальных программ или развития волонтерства видится необходимым мотивировать будущих наставников несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в виде обязательных работ.

Закрепление наставника поможет в проведении воспитательной работы по месту отбывания наказания, а также будет способствовать осуществлению проверки качества выполняемой несовершеннолетним работы, соблюдению трудовой дисциплины.

Воспитательная работа может способствовать добросовестному исполнению осужденными рассматриваемой категории обязанностей по отбыванию наказания, а также предупреждению совершения нового преступления.

В свете принятия закона о пробации и начала развития этого института считаем привлечение к исправительному процессу представителей гражданского общества необходимой мерой. Особенностью обязательных работ является оставление несовершеннолетнего в той среде, к которой он привык, т. к. социально полезные связи не теряются, нет необходимости проходить длительную адаптацию после отбытия срока наказания.

На основании ч. 1 ст. 25 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации осужденные отбывают наказание в виде обязательных работ на объектах, определенных органами местного самоуправления по согласованию с УИИ, но в районе проживания осужденного [1]. Могут быть случаи, когда вблизи местожительства осужденного отсутствует место отбывания наказания. При отсутствии по месту жительства места для отбывания наказания УИИ направляет несовершеннолетнего в другую организацию, находящуюся в самом ближайшем населенном пункте. В данном случае от протяженности территории зависит качество отбытия наказания, так как на явку несовершеннолетнего на работу могут повлиять погодные условия, неразвитая транспортная система, тяжелая финансовая ситуация в семье и иные причины [2, с. 112].

Согласно нормативно-правовым актам, при трудоустройстве несовершеннолетнего осужденного в организацию для дальнейшего отбывания наказания в виде обязательных работ УИИ совместно с заинтересованными в его исправлении органами осуществляют постоянные контрольные мероприятия. При этом имеется сложность в осуществлении проверок по месту работы. Некоторые осужденные отбывают наказание в вечернее время. Большая часть сотрудников организации на месте не находится и осуществление контроля должным образом не производится. Следует согласиться с мнением

о целесообразности устанавливать объем работы и сроки их выполнения, проверить которые возможно на следующий рабочий день [3, с. 31].

Актуальным направлением в рассматриваемом нами вопросе является более четкое разграничение полномочий органов, осуществляющих работу с несовершеннолетними осужденными, и исключение дублирования их работы. Видится целесообразным осуществление сотрудниками УИИ со своей стороны воспитательной работы с несовершеннолетним, проверки по месту жительства, месту работы, месту учебы, оформление необходимых документов, запрашивание документов для приобщения к материалам личного дела. В свою очередь, представители администрации организации проводят воспитательную работу с несовершеннолетним со своей стороны, своевременно предоставляют в УИИ необходимые документы, назначают ответственных лиц (наставников) за несовершеннолетним, чтобы они смогли в полном объеме охарактеризовать осужденного. Инспекторы по делам несовершеннолетних оказывают содействие сотрудникам УИИ при проведении воспитательной работы, проверок по месту жительства, месту учебы, проведении рейдов, в предоставлении в УИИ необходимых документов, в оказании помощи в поиске несовершеннолетнего.

Следует отметить, что обязательные работы как вид уголовного наказания, применяемый к несовершеннолетним осужденным, имеет потенциал развития, в частности в области воспитательного воздействия. Однако существующие организационные и правовые препятствия создают некоторые ограничения на пути такого развития. Видится целесообразным всестороннее изучение указанной проблемы, в том числе с возможностью впоследствии внесения в законодательную базу коррективов, регулирующих рассматриваемый вопрос.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. № 672-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Федотова Е. Н. Уголовные наказания, не связанные с лишением свободы, применяемые в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2018. 210 л. [Вернуться к статье](#)
3. Сиряков А. Н. О применении к несовершеннолетним уголовного наказания в виде обязательных работ // Пенитенциарная наука. 2016. № 4 (36). С. 29–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-primenenii-k-nesovershennoletnim-ugolovnogo-nakazaniya-v-vide-obyazatelnyh-rabot> (дата обращения: 18.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.847

*Е. С. Витовская**старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Кузбасского института ФСИН России,
кандидат юридических наук*

НАКАЗАНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА, И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

Основная тенденция уголовно-правовой политики страны — применение альтернативных более гуманных санкций, позволяющих достигать цели наказания. Без преувеличения можно сказать, что многими учеными ведутся поиски эффективных средств и методов воздействия на преступников [1, с. 134; 2, с. 89]. При этом гуманизация не должна превратиться в безнаказанность, что приведет к социальной напряженности и вызовет недоверие общества к правоохранительным структурам. Можно, конечно, бесконечно анализировать положительные и отрицательные стороны наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Но остановимся на позиции, что, если цели наказания могут быть достигнуты без изоляции осужденного от общества, применение сравнительно мягкой меры уголовно-правового воздействия является предпочтительным.

Нами был проведен опрос сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (далее — сотрудники УИИ) по вопросу эффективности наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Исследование показало, что указанные меры наказания при условии правильного их применения являются эффективными (75 % опрошенных сотрудников УИИ). Как свидетельствуют данные опроса сотрудников УИИ, эффективность наказаний напрямую зависит от штатной укомплектованности и конструктивного взаимодействия с судами, прокуратурой и органами внутренних дел.

Сотрудники УИИ отмечают, что рецидив среди лиц, отбывших анализируемые наказания, имеет тенденцию к снижению (около 9 %).

Невысокий уровень рецидива прежде всего связан с характеристикой преступления, за которое было назначено наказание. Этот тезис подтверждается абсолютным большинством ответов сотрудников УИИ. Однако в ответах сотрудников УИИ были названы факторы, нейтрализующие позитивную роль мер уголовно-правового воздействия и не связанные с совершенным преступным деянием. В числе таких факторов — недостатки в трудовом и бытовом

устройстве подучетных, слабая организация воспитательной и предупредительной работы, отсутствие контроля за поведением осужденных.

Большинство сотрудников УИИ оценивают общую социальную характеристику лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденных от общества, в целом положительно (63 %). Такое мнение основано на том, что подучетные совершили преступления, не представляющие повышенной общественной опасности. Многие ранее не судимы, состоят в браке, имеют постоянное место жительства, трудятся, положительно характеризуются по месту жительства и работы, раскаиваются в содеянном.

Рассмотрим вопрос о личности осужденных, состоящих на учете в УИИ. Изучение эффективности наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, позволило сотрудникам УИИ подразделить подучетных на два типа. К первому типу они отнесли осужденных, чья юность проходила относительно без проблем, их жизненная ситуация способствовала достижению базовых целей (окончить образовательное учреждение, выбрать профессию). Большая часть этой категории осужденных состояла в браке, осуществляла трудовую деятельность. Девиантное поведение прежде всего обусловлено алкогольной или наркотической зависимостью, утратой семейных отношений и работы. Второй тип осужденных вступил на преступный путь в молодом возрасте, у большинства лиц были тяжелые условия жизни, воспитание проходило в детских домах или под опекой родственников.

Возложение обязанностей, способствующих исправлению, должно отвечать общим целям наказания. Подавляющее большинство сотрудников УИИ среди эффективных обязанностей называли явку на регистрацию, трудоустройство (обязанность трудоустроиться или не менять место работы), запрет на употребление спиртных напитков и наркотических средств, запрет на посещение определенных мест, запрет на покидание местожительства в ночное время (86 %).

Проведенный опрос сотрудников УИИ показал, что эффективность организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, определена следующими факторами: у подучетного выработалось стойкое негативное отношение к совершенному преступлению, он осознал справедливость назначенного наказания, раскаивается в содеянном, в полной мере исполнял возложенные обязанности, трудился и повышал свой профессиональный уровень, имеются планы на будущее, наличествуют устойчивые социальные связи, способен управлять собой в повседневной жизни, приспосабливается к жизни общества и занимается самодисциплиной, не совершил повторного преступления (73 %).

Главным, по нашему мнению, при решении вопросов, связанных с исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, является активизация деятельности УИИ по многим направлениям. По результатам опроса сотрудников УИИ, можно выделить ряд основных направлений, требующих разрешения. Среди них оказание подучетному содействия в разрешении многих жизненных проблем, предоставление профессиональной психологической помощи, включение подучетного в общественно полезную деятельность, оказание помощи в формировании желания исправиться и жизненных планов на будущее, закрепление за подучетным наставника. Немаловажную роль в решении обозначенных проблем играет Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [3].

В заключение отметим, что в связи с расширением правоприменительной практики судов по назначению наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, дальнейшей гуманизацией уголовных наказаний, организацией и функционированием пробации, необходимо принятие мер по формированию качественно новых учреждений, способных эффективно исполнять наказания и иные меры уголовно-правового воздействия без изоляции осужденных от общества.

Список основных источников

1. Гольберг К. А. Понятие и сущность наказаний, не связанных с изоляцией от общества: вопросы теории и методологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2018. № 1. С. 131–142. [Вернуться к статье](#)
2. Дворянсков И. В. Перспективы функционирования уголовно-исполнительных инспекций в свете реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний, Рязань, 17–18 нояб. 2022 г. : сб. тез. : в 2 т. / Акад. ФСИН России. Т. 1. Рязань : Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний, 2022. С. 86–90. [Вернуться к статье](#)
3. О пробации в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 6 февр. 2023 г., № 10-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.241

Е. Г. Терешенко

*преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

РОЛЬ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ В ПЕРИОД 1930–1940-Х ГГ. В БССР

С начала 1930-х гг. лишение свободы являлось не просто одним из видов наказаний — оно было одной из наиболее важных опор строительства экономики БССР и СССР в целом. Это было связано с вовлечением колоссального количества осужденных в работы различных направлений хозяйства и промышленности. Цель максимально возможного трудового использования стала преобладающей и фактически отодвинула цели исправительно-педагогического характера на второй план. Все это было обусловлено острой необходимостью выполнения пятилетнего плана [1]. Фактически в этот период уровень эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы все больше отождествлялся с экономическими показателями. Созданная в 1929 г. постановлением Совета народных комиссаров СССР сеть исправительно-трудовых лагерей все больше набирала производственно-трудовые обороты. Концепция создания исправительно-трудовых лагерей заключалась в том, чтобы колонизировать отдаленные районы и эксплуатировать их природные богатства, используя труд осужденных к лишению свободы на сроки от трех лет и выше [1]. Данная сеть была заложена в основу образовавшегося позднее Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) [2, с. 148].

В 1933 г. был принят новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, фактически повлиявший и на пенитенциарную политику БССР. Данный кодекс своим содержанием установил вектор в области исполнения наказаний, продолжающий идеи концепции исправительно-трудовых лагерей, закрепив в ст. 1 в качестве задачи уголовной политики защиту диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся, а в ст. 2 в качестве целей исправительно-трудовой политики — ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству, перевоспитывать и приспособливать их к условиям трудового общежития путем направления их труда

на общепользные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества [3]. Фактически для периода 1930-х гг. был свойственен жесткий репрессивный характер, основанный на принципах превенции, общей и частной. В рамках исполнения наказания в виде лишения свободы ввиду сохранения приоритета экономических целей над педагогическими исправление отодвигалось на второй план, первостепенным выступало выполнение трудовых показателей, на основании чего и могла оцениваться эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы. Осужденные являлись не объектом применения средств исправления, а субъектами производственных отношений [4, с. 77]. Для эффективного использования труда заключенных в 1936–1937 гг. были созданы новые управления специализированных лагерей, в задачу которых входило выполнение различных видов хозяйственной деятельности страны [5, с. 275]. В результате в 1930-х гг. ГУЛАГ стал крупнейшей производственной организацией СССР. Его деятельность распространялась на 17 отраслей народного хозяйства [6, с. 415].

Экономический фактор в организации деятельности МЛС стал еще более значимым в годы Великой Отечественной войны, когда основной задачей ГУЛАГа стало укомплектование исправительно-трудовых лагерей и исправительно-трудовых колоний осужденными, занятыми на строительстве важнейших предприятий оборонного значения [6, с. 416–417]. Тенденция превалирования экономических целей над исправительными сохранилась и в послевоенное время, что было обусловлено принятием в 1946 г. планов новой пятилетки, которая ставила перед ГУЛАГом ряд новых экономических задач [6, с. 417].

Таким образом, следует заключить, что в период 1930–1940-х гг. перед лишением свободы, исполнявшимся в условиях жестких репрессий, цель исправления осужденных фактически отодвигалась на второй план на фоне превалировавших экономических целей. Места лишения свободы стали учреждениями, задействованными в обширном круге отраслей промышленности и хозяйства, в связи с чем уровень эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы оценивался через призму выполнения трудовых показателей.

Список основных источников

1. Джекобсон М., Смирнов М. Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 [Электронный ресурс] // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/articles/chapter2.htm> (дата обращения: 01.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Упоров И. В., Бондарев П. А. Развитие экономико-правовых основ реализации политики Советского государства по эксплуатации труда заключенных (период

до создания ГУЛАГА) // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты : сб. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Пермь, 2018. Вып. 23. С. 145–148. [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР, 1 авг. 1933 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Савушкин С. М. Дифференциация осужденных к лишению свободы в СССР в 20–30-е годы XX века // Вестн. Перм. ин-та ФСИН России. 2022. № 3 (46). С. 73–78. [Вернуться к статье](#)

5. Абдуразаков Х. К., Нарматов Х. Б., Истамкулов Ж. И. Система мест лишения свободы СССР в период с конца 1930 по 1940 гг. // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 273–276. [Вернуться к статье](#)

6. Упоров И. В. НКВД СССР и эксплуатация труда заключенных в 1920–1940-е годы // Электронный научный журнал. 2016. № 6 (9). С. 412–419. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

*М. А. Тимохина**слушатель 1 курса магистратуры
факультета повышения квалификации
и переподготовки руководящих кадров
Академии МВД Республики Беларусь*

О ПРИМЕНЕНИИ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ БЕЗ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОТКРЫТОГО ТИПА

В настоящее время удаленный мониторинг лиц, отбывающих наказание и освобожденных условно-досрочно, является эффективным методом сокращения расходов на пенитенциарную систему Республики Беларусь.

Прослеживая эволюцию развития системы электронного мониторинга, необходимо отметить, что в рамках программы «Техническое содействие странам СНГ» в 2009 году Евросоюз выделил Российской Федерации грант на 3 млн евро на разработку системы электронного мониторинга перемещений осужденных и проведение эксперимента по внедрению данной технологии с использованием электронных браслетов израильского производства фирмы Elmotech длительностью три года.

Министерством внутренних дел Республики Беларусь в 2011 году с учетом положительного опыта российских коллег проведен эксперимент по внедрению системы электронного мониторинга в г. Минске, в ходе которого к 40 осужденным к ограничению свободы без направления в исправительные учреждения открытого типа (далее — ИУОТ) был применен электронный мониторинг с использованием электронных браслетов. Не вызывает сомнения тот факт, что применение такого метода надзора за осужденными экономически намного выгоднее постоянных проверок сотрудниками подучетных на дому и дешевле содержания их в исправительном учреждении. В этом случае не расходуется время сотрудников и сводятся к минимуму финансовые затраты.

Перечень электронных средств контроля за местом нахождения осужденных к ограничению свободы без направления в ИУОТ был утвержден в Республике Беларусь постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2013 года № 1128 «Об утверждении перечня электронных средств контроля за местом нахождения осужденных к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа» [1].

Согласно вышеприведенному перечню, выделены средства персонального контроля (электронный браслет, стационарное контрольное устройство, мобильное контрольное устройство, ретранслятор), устройство аудиовизуального контроля, а также технические средства и устройства информационных центров.

Указанное постановление утратило силу постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 апреля 2015 года № 298 «Об определении перечня электронных средств контроля», которое расширило возможности применения электронных средств контроля не только в отношении осужденных к ограничению свободы, но и в отношении осужденных к аресту [2].

Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 января 2014 года № 12 «Об утверждении Инструкции о порядке применения электронных средств контроля за местом нахождения осужденных к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, осуществления телефонной связи осужденными к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа при использовании электронных средств контроля с территориальным органом внутренних дел» законодатель закрепил правовые основания для применения данной технологии на практике [3].

Вместе с тем широкого распространения технологии электронного мониторинга в отношении осужденных к ограничению свободы без направления в ИУОТ в Республике Беларусь не произошло. Важное значение в реализации данной технологии имеет выделение крупных дотаций из государственного бюджета, особенно если речь идет о распространении технологии во всех регионах страны.

Очередная попытка внедрить систему электронного мониторинга состоялась в рамках реализации пилотного проекта по внедрению электронных браслетов для осужденных к ограничению свободы без направления в ИУОТ в уголовно-исполнительных инспекциях Московского и Октябрьского РУВД г. Минска в 2019 году, однако дальнейшей реализации проекта на практике не произошло.

На сегодняшний день в Республике Беларусь еще не проводились научные исследования, доказывающие эффективность электронного метода надзора. В условиях гуманизации, «электронные оковы», которые порой трудно спрятать под одеждой, способствуют стигматизации осужденного, окружающие воспринимают человека с электронным браслетом неоднозначно, в том числе и потенциальные работодатели осужденного.

В ходе применения технологии электронного мониторинга появились претензии и технического характера. Например, в российской модели оборудования, как указывают эксперты, есть огромный недостаток: с установленным браслетом осужденному нельзя заниматься привычными делами и даже определенной профессиональной деятельностью. Дело в том, что удар по браслету оборудование расценивает как тревогу и подает соответствующий сигнал в инспекцию. Если работа связана со строительством, монтажными работами, риск ложных вызовов возрастает. А как правило, значительная масса осужденных заняты профессиями, которые сочетают в себе физический труд и ударные нагрузки.

Кроме того, в случае поломки или утраты электронного браслета именно осужденный несет материальную ответственность [4], а учитывая стоимость оборудования, сумма к взысканию является достаточно крупной, составляя до 100 базовых величин в зависимости от модели производителя.

Несмотря на открывающиеся перспективы, не стоит забывать о важности агентурной работы. В стремлении минимизировать затраты на посещение осужденного на дому есть вероятность упустить оперативно значимую информацию, которую сотрудник получает, выходя «в адрес», осматривая жилище осужденного, опрашивая соседей, общаясь со значимыми для подучетного гражданами. Изучение бытовых условий осужденного, его интересов и желаний, установление доверительных отношений эффективнее при личном взаимодействии, а также способствует снижению рецидива, так как сотрудник уголовно-исполнительной инспекции может действовать на опережение, изучив проблемные аспекты жизнедеятельности своих подучетных. К тому же есть возможность подключить кейс методик с использованием искусственного интеллекта.

Вместе с тем законодатель сохранил перспективы для применения электронных средств контроля, закрепив в п. 8 ч. 1 ст. 48¹ Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь возможности использования последних по постановлению начальника территориального органа внутренних дел согласно п. 11 ч. 2 ст. 48¹ Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь [4].

Таким образом, в настоящее время проблемные аспекты применения электронных средств контроля состоят в поисках источников финансирования проекта, надежного партнера-изготовителя отечественного производства. Необходимо отработать новации на практике, обнаружить и устранить в них недостатки, обучить сотрудников и ввести на основании этого дополнительные единицы в штат сотрудников уголовно-исполнительной инспекции.

Список основных источников

1. Об утверждении перечня электронных средств контроля за местом нахождения осужденных к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 дек. 2013 г., № 1128 : утратило силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Об определении перечня электронных средств контроля [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 апр. 2015 г., № 298. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Об утверждении Инструкции о порядке применения электронных средств контроля за местом нахождения осужденных к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, осуществления телефонной связи осужденными к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа при использовании электронных средств контроля с территориальным органом внутренних дел [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 15 янв. 2014 г., № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

А. А. Тим

*доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

В. А. Жабский

*профессор кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

О ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМ ПРАВОСУДИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время в доктрине уголовного и уголовного-исполнительного права нет единого подхода в определении сущности восстановительного правосудия. В связи с этим, несмотря на признание значимости восстановительной сентенции как необходимого и основного начала реализуемых мер уголовной ответственности, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации не содержит комплексного организационно-правового механизма восстановления общественных отношений, нарушенных вследствие совершенного преступления. Таким образом, формирование организационно-правового механизма восстановительного правосудия предполагает уяснение сущности восстановительного правосудия и разработку на основе проведенного исследования понятия и направлений развития, которые необходимо закрепить в дальнейшем в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Общепринятой является точка зрения, что трансформация концепта реализации уголовной ответственности подразумевает под собой два варианта реагирования государственными органами в установлении начал уголовной политики: 1) усиление карательной составляющей концепта реализации уголовной ответственности посредством криминализации отдельных деяний, а также ужесточения санкций за общественно опасные деяния; 2) снижение карательной составляющей концепта реализации уголовной ответственности посредством декриминализации деяний и смягчения санкций за общественно опасные деяния. При этом, как правильно отмечено норвежским криминологом Н. Кристи, такие подходы контрпродуктивны и не позволяют в долгосрочной перспективе осуществлять постоянный контроль над уровнем преступности. В конечном итоге законодателю необходимо постоянно осуществлять корректировку

направлений реализации уголовной политики, которая обусловлена уровнем преступности [1, с. 25–27].

Отталкиваясь от этого, криминологами было отмечено, что полярные модели предупреждения преступности — карательная либо, наоборот, некарательная модель — не способны принести результат без учета фундаментальных детерминант преступности. Внимание правоприменителя стало все чаще обращаться на то, что совершенное преступление является социальным конфликтом и, как и любой другой конфликт, социальный конфликт имеет свои причины и условия [2, с. 80]. Кроме этого, совершение преступления как социальный конфликт имеет свои последствия. Указанные обстоятельства делают преступление феноменом, который нельзя отделить от общества.

Совершение любого преступления является цепочкой развития социально значимых событий, где изначально создаются условия для совершения преступления. Таким образом, имплементация в правоприменительную практику положений восстановительного правосудия позволит осуществлять вмешательство в глубинные социальные процессы и устранять причины и условия как на стадии зарождения умысла на совершение преступления, так и после совершения преступления, устраняя вред, нанесенный общественным отношениям. Формирование указанного направления реализации уголовной ответственности стало ответом на сформировавшийся «тупик» в борьбе с преступностью, когда принимаемые меры противодействия преступности перестали давать положительный результат. Более того, ужесточение мер борьбы с преступностью могло не только не оказать воздействие на уровень преступности, но и принести обратный эффект — увеличение преступности. В научных кругах такой эффект получил название «кризис наказания» [3, с. 96].

В научном сообществе восстановительное правосудие как концепт реализации уголовной ответственности видится перспективным направлением развития уголовно-правовых способов воздействия на преступность. Представителями научного сообщества концепт реализации уголовной ответственности посредством восстановительного правосудия видится как «саморегулируемая организационно-правовая конструкция», которая без внешнего вмешательства государственных органов позволяет осуществлять гармонизацию общественных отношений, нарушенных вследствие совершенного преступления.

На сегодняшний день законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации не содержит четкого и недвусмысленного понятия, отражающего, что такое «восстановительное правосудие». Контент-анализ уголовного законодательства показывает, что термин «восстановить» применительно к общественным отношениям, нарушенным вследствие совершенного

преступления, а также процессу реализации уголовной ответственности содержит только одна норма — ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В данной норме определено следующее: «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда» [4]. Дальнейшего раскрытия механизм восстановления социальной справедливости не находит. Аналогична ситуация и в Российской Федерации. Уголовный кодекс Российской Федерации в ч. 2 ст. 43 закрепляет восстановление социальной справедливости как цели наказания. Однако что понимается под восстановлением социальной справедливости, российским законодателем не раскрывается. Наличие указанного факта препятствует единообразному подходу правоприменителя при выработке стратегии уголовно-правового воздействия на личность лица, совершившего преступление, и одновременном проведении мероприятий, направленных на возмещение вреда, нанесенного общественным отношениям в результате совершенного преступления [5].

Подводя итог, отметим, что в рамках профессионального дискурса формирование восстановительного правосудия предполагает разработку понятия «восстановление социальной справедливости», которая должна быть закреплена в ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ч. 3 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сам же институт восстановительного правосудия должен отталкиваться от понятия «восстановление социальной справедливости» и содержать два направления деятельности заинтересованных субъектов:

- 1) выявление причин и условий, то есть всего комплекса социальных обстоятельств, в которых зародился социальный конфликт;
- 2) комплекс мероприятий, которые, по сути, должны устранить как сами условия существования преступления (под которым, напомним, понимается социальный конфликт), так и последствия, к которым данный конфликт привел.

Список основных источников

1. Кристи Н. Удобное количество преступлений / пер. с англ. Е. Матерновской; общ. ред. и вступ. ст. Я. И. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2006. 184 с. [Вернуться к статье](#)
2. Ткачев В. Н. Становление и развитие идеи восстановительного правосудия за рубежом // Философия права. 2006. № 3 (19). С. 78–81. [Вернуться к статье](#)
3. Тит А. А. О «кризисе наказания» в Республике Беларусь и его разрешении // Вестн. Кузбас. ин-та. 2022. № 1. С. 94–103. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. № 641-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

Д. А. Шаченок

*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ,
ОБЯЗАННЫХ ВОЗМЕЩАТЬ РАСХОДЫ,
ЗАТРАЧЕННЫЕ ГОСУДАРСТВОМ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ,
НАХОДЯЩИХСЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ**

Лица, которые отбыли наказание в виде лишения свободы, нуждаются в особом внимании и помощи в решении трудностей в социальной сфере жизнедеятельности человека. За тот промежуток времени, пока человек находится в местах лишения свободы, его социально значимые навыки зачастую утрачиваются, например, такие как умение заботиться о себе и о близких, профессиональные навыки, умение работы в группах и позитивного общения с другими людьми, навыки решения сложных жизненных обстоятельств. Лишение свободы как вид уголовного наказания представляет собой одни из тех самых стрессовых факторов, которые влияют на человека всю его дальнейшую жизнь. После того, как они освобождаются, им приходится сталкиваться с различными жизненными трудностями при адаптации к жизни в обществе. Психологические аспекты, такие как самооценка, стрессоустойчивость, уровень эмпатии и другие, имеют существенное значение для успешной социальной адаптации. Разрешение проблем социальной адаптации во многом зависит от организации эффективной работы по оказанию индивидуальной помощи освобождаемым и освобожденным со стороны как государственных, так и общественных структур, а также от уровня правового, информационного и материального обеспечения самого процесса.

Проблема социальной адаптации лиц, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, является актуальной и важной для общества. Рассмотрим проблемный вопрос, касающийся вышеуказанной категории лиц.

Так, в соответствии с ч. 1 п. 8 Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной

защите детей в неблагополучных семьях» (далее — Декрет № 18), родители обязаны возмещать расходы по содержанию детей в случае:

- отобрания у них детей по решению комиссии по делам несовершеннолетних;
- отобрания у них детей на основании решения суда без лишения родительских прав;
- лишения их родительских прав;
- нахождения их в розыске, лечебно-трудовых профилакториях или в местах содержания под стражей;
- отбывания наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы, ареста [1].

Часть 2 п. 8 Декрета № 18 предусматривает основания, при наличии которых расходы по содержанию детей не возмещаются родителями:

- признание недееспособными;
- когда родители не могут выполнять родительские обязанности по состоянию здоровья согласно перечню заболеваний, утверждаемому Министерством здравоохранения в соответствии с ч. 3 ст. 93 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [2], на основании заключения врачебно-консультационной комиссии, выданного государственной организацией здравоохранения [1].

Вышеперечисленный перечень оснований является исчерпывающим.

Исходя из этого, лица, которые отбывают наказание в местах лишения свободы, обязаны возмещать расходы по содержанию детей даже в том случае, если они не были лишены родительских прав, дети не отобраны у них без лишения родительских прав.

Возвращаясь из мест лишения свободы и находясь в сложной жизненной ситуации, такие лица остаются обязанными возмещать расходы по содержанию детей. Будучи не лишенными родительских прав, такие лица зачастую не имеют реальной материальной возможности забрать, содержать и воспитывать своих детей.

Как правило, за время нахождения в местах лишения свободы у лиц, дети которых находятся в этот промежуток времени на государственном обеспечении, возникает немаленькая задолженность по возмещению расходов на содержание детей. Финансовые обязательства создают напряжение в отношениях с семьей и окружающими, а также влияют на психологическое состояние человека. Пока бывший осужденный решает свои бытовые проблемы, вопросы с трудоустройством, иные жизненные сложности, эта задолженность продолжает расти. Если в этот период получилось трудоустроиться, но еще не решены вопросы с жильем, из заработной платы такого лица удерживается до 70 % (как

правило, именно 70 %) для возмещения расходов по содержанию детей и погашению имеющейся задолженности.

Декретом № 18 предусмотрена возможность уменьшения размера подлежащих взысканию расходов по содержанию детей, в том числе освобождения обязанного лица от уплаты задолженности по возмещению таких расходов. При этом иски об уменьшении размера расходов либо освобождении обязанного лица от уплаты задолженности по возмещению расходов на содержание детей подаются в суд, вынесший решение о взыскании расходов по содержанию детей.

С указанными требованиями вправе обратиться в суд взыскатель расходов по содержанию детей или обязанное лицо.

При обращении в суд взыскателей расходов по содержанию детей с требованием об уменьшении размера подлежащих взысканию расходов либо об освобождении родителей от уплаты задолженности по указанным расходам они освобождаются от уплаты государственной пошлины. Однако налоговое законодательство Республики Беларусь и Декрет № 18 не предусматривают освобождение от уплаты государственной пошлины за подачу таких исков самих обязанных лиц [1].

На основании ч. 2 п. 10 Декрета № 18 суд вправе уменьшить размер подлежащих взысканию расходов или освободить обязанное лицо от уплаты задолженности по возмещению расходов [1].

Суд вправе уменьшить размер подлежащих взысканию расходов по содержанию детей в случае наличия у обязанного лица на содержании и воспитании несовершеннолетних детей (ребенка).

Для освобождения обязанного лица от уплаты задолженности по возмещению расходов необходимо наличие двух условий:

- возврат этому лицу детей (ребенка), находившихся на государственном обеспечении;
- взыскание данной задолженности создаст тяжелое материальное положение для этих детей (ребенка) и (или) для других несовершеннолетних детей (ребенка), если таковые имеются на его содержании и воспитании [1].

Вышеперечисленный перечень условий является исчерпывающим.

Вопросы социальной адаптации лиц, обязанных возмещать расходы на содержание детей, требуют серьезного внимания и разработки комплексных мер по поддержке и сопровождению. Улучшение их социальной адаптации может способствовать повышению качества жизни как самих лиц, так и детей, находящихся на государственном обеспечении.

Полагаем, что необходимо предусмотреть основание и порядок приостановления взыскания задолженности по возмещению расходов по содержанию детей для лиц, не лишенных ранее родительских прав и находящихся в сложной жизненной ситуации после возвращения из мест лишения свободы, в связи с решением трудовых и бытовых вопросов.

Список основных источников

1. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 : в ред. от 23 февр. 2012 г. № 2. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : в ред. от 19 мая 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

*А. В. Щербаков**начальник кафедры организации режима**Санкт-Петербургского университета ФСИН России (Псковский филиал),**кандидат юридических наук, доцент*

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Сегодня в целях ослабления воздействия криминальной среды на российское общество важной видится реализация правоохранительными органами постоянного противодействия преступности.

П. Ф. Гришанин отмечает: «Уголовный закон сам по себе, без деятельности правоохранительных органов по его реализации, не может претендовать на роль меры воздействия на преступников. Закон лишь указывает на возможность желательного воздействия на преступность и регулирует это воздействие. И если оно не используется, то закон, сколь бы он ни был совершенным по содержанию своих правовых норм, не способен сам по себе положительно влиять на преступность» [1, с. 35].

В уголовно-правовом законодательстве к мерам предупреждения такого преступления, как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК)) [2], отдельные ученые-пенитенциаристы, правоведы выделяют такие институты, как право на необходимую оборону и причинение вреда при задержании. Практический опыт по законодательному применению изучаемых мер позволяет установить профилактические цели посредством применения к изучаемой группе осужденных закона уголовно-правового принуждения или же правомерного насилия. Следует выделить, что изучаемые объекты могут быть реализованы в первую очередь в рамках исполнительно-распорядительной деятельности уполномоченных субъектов власти, что может представлять собой реализацию ими государственно-властных полномочий. Проведенный анализ изучаемых мер пресечения указанного преступления представляет собой именно оперативное вмешательство в процесс противоправного поведения со стороны осужденных (ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) [3]. Пресечение действий, направленных на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, базируется, кроме всего прочего, на отдельных нормах УК (ст. 37, 38) и основных положениях Конституции Российской Федерации,

закрепляющих права каждого гражданина на личную безопасность (ст. 2, 17, 22) [4]. Проведенный анализ отечественного законодательства позволяет говорить о том, что оно содержит нормы о пределах правомерного причинения вреда в отношении совершивших преступление [5, с. 9].

Одной из регламентированных служебных обязанностей сотрудников уголовно-исполнительной системы является задержание лица, совершившего преступление. Зачастую в подобных ситуациях задерживаемое лицо стремится оказать, а нередко и оказывает сопротивление осуществлению сотрудником ИУ своих законных действий. В рассматриваемом ключе данное противоправное действие преступника создает реальную угрозу возникновения общественно опасного посягательства или вовсе перерастает в него в полной мере. В таком случае вред, причиняемый посягающему на совершение данного общественно опасного деяния, как правило, укладывается в рамки осуществления правомерной защиты. В данные рамки укладывается причинение легкого вреда здоровью, а также вреда средней тяжести [6, с. 10].

Первоочередными задачами администрации исправительных учреждений (далее — ИУ) в случае совершения рассматриваемого преступления следует назвать оперативное реагирование на совершаемое преступление и задержание преступника (ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) [3].

В связи с этим стоит отметить, что от уровня подготовки сотрудников ИУ и их действий в экстремальной ситуации будет в большей степени зависеть эффективность мер по недопущению и предупреждению противоправных деяний, направленных на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Именно поэтому необходимо безупречное знание сотрудниками администрации нормативно-правового законодательства, регламентирующего порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, и, кроме того, положений, касающихся пределов и условий их использования (ст. 28, 28.1, 29, 30, 31.1, 31.2, 31.4 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (ред. от 04.08.2023) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [7]; п. 21 ст. 11 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» [8]; раздел XVII «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы» Распоряжения Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской

Федерации на период до 2030 года» [9]. На наш взгляд, эффективной в данном вопросе видится и практика применения норм уголовного законодательства «с двойной превенцией — Особенной части УК РФ» [10, с. 225–230].

В рассматриваемом нами вопросе предупреждения совершаемого в условиях мест лишения свободы тяжкого преступления, предусмотренного ст. 321 УК, учитываются уголовно-правовые нормы, имеющие отношение к созданию условий и непосредственной обстановки для его совершения. К таковым следует отнести: ч. 3 ст. 212, 213 (преимущественно ч. 1), 110, 115, 116, 117, 119, 222, 223, 228 УК [2]. Данные нормы, исходя из результатов изучения на практике уголовных дел о преступлениях, направленных на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, мнений практических работников, предоставляют возможность выделить их в отдельные группы: 1) нормы с наибольшим практическим применением (ст. 115, 119, 132, 213, 223 УК); 2) нормы с наименьшим применением (ст. 110, 116, 117, 130, 212 (ч. 3), 222, 228 УК).

Как правило, предпосылки совершения осужденным преступления, предусмотренного ст. 321 УК, наиболее явно можно проследить при совершении им нескольких преступлений, ответственность за которые предусмотрена уголовным законодательством: хулиганство (38 %); умышленное причинение различной тяжести вреда здоровью (23 %); высказывание угроз в отношении представителя власти (23 %); незаконное изготовление огнестрельного или холодного оружия либо предметов, используемых в этом качестве (10 %) [11, с. 401–404].

Вышесказанное позволяет автору считать, что, во-первых, применение норм уголовного законодательства должно быть обязательно оперативно обоснованным, во-вторых, направленным на предупреждение и пресечение дезорганизации деятельности исправительного учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества.

Однако нередко у практических работников возникают сложности в отграничении реальных преступлений от дисциплинарных проступков, предусмотренных, к примеру, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (приказ Министерства юстиции России от 4 июля 2022 г. № 110 (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы») [122]. Сводится это во многом ввиду того, что сотрудники расценивают совершаемые спецконтингентом действия не как преступления, установленные уголовным

законодательством, а в качестве нарушения режима содержания в исправительном учреждении [133, с. 43–46].

Таким образом, осуществление борьбы с пенитенциарной преступностью не может быть эффективно без углубленного знания того, кто и в связи с чем осуществляет данные общественно опасные действия. Проведенный комплексный анализ по криминологическому изучению осужденного, отбывающего уголовное наказание за преступление, предусмотренное ст. 321 УК, дает возможность указывать на отдельные особо значимые личностные особенности субъектов преступления, которые позволяют в дальнейшем проводить соответствующую профилактическую работу по вопросам изучаемого вида преступления и категорий пенитенциарных преступников.

Важно своевременно применять необходимые профилактические меры и проводить профилактические мероприятия, способные обеспечить безопасность жизни и здоровья спецконтингента (приказ Министерства юстиции России от 20 мая 2013 г. № 72 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы»), а также сотрудников администрации и иных лиц, находящихся на режимной территории [144].

Сегодня сотрудники администрации ИУ могут выступать с ходатайством перед судебными органами об установлении административного надзора за осужденными, которые неоднократно нарушали установленный порядок отбывания наказаний (установленный режим — правила внутреннего распорядка и т. д.) в местах лишения свободы и были признаны администрацией ИУ злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказаний (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы») [15]. Указанная мера, по субъективному мнению автора, является действенной по отношению к осужденным, совершившим ранее преступления, дезорганизующие деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. В связи с этим сотрудники администрации имеют право выступать с инициативой об установлении административного надзора в отношении злостных нарушителей режима отбывания наказания перед судом.

Список основных источников

1. Гришанин П. Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики : лекция. М., 1994. 62 с. [Вернуться к статье](#)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации

5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. № 641-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 8 янв. 1997 г., № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г. : одобр. Советом Федерации 25 дек. 1996 г. : в ред. Федер. закона от 24.06.2023 № 285-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Институт необходимой обороны и деятельность органов внутренних дел. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1983. 67 с. [Вернуться к статье](#)

6. Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности : учеб. пособие / Акад. МВД СССР. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1989. 78 с. [Вернуться к статье](#)

7. Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации, 21 июля 1993 г., № 5473-1 : в ред. от 04.08.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [Электронный ресурс] : Федер. закон, 19 июля 2018 г., № 197-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 29 апр. 2021 г., № 1138-р : в ред. от 27.05.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Щербаков А. В. Правовые основы предупреждения преступлений, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений // Вестн. Воронеж. ин-та ФСИН России. 2019. № 1. С. 225–230. [Вернуться к статье](#)

11. Щербаков А. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, как один из факторов, оказывающих влияние на ее безопасность // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступлений и докладов участников (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 ноября 2023 г. / Академия ФСИН России. Рязань, 2023. С. 401–404. [Вернуться к статье](#)

12. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] : приказ М-ва юстиции России, 4 июля 2022 г., № 110 : в ред. от 29.11.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

13. Побегайло Э. Ф. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями (криминологический и уголовно-правовой аспекты) : учеб. пособие. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1985. 89 с. [Вернуться к статье](#)

14. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] : приказ М-ва юстиции России, 20 мая 2013 г., № 72 : в ред. от 09.08.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

15. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс] : Федер. закон, 6 апр. 2011 г., № 64-ФЗ : в ред. от 25.12.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.94

Н. Г. Абрамова

*начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Псковского филиала университета ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ С УЧАСТИЕМ ОСУЖДЕННЫХ

В настоящее время системе учреждений и органов, которая исполняет уголовные наказания, отведена очень важная роль в обеспечении внутренней безопасности общества и государства. Но, как и во многих других областях общественной жизни, в различных сферах правоприменительной деятельности органов государственной власти есть определенные недостатки или пробелы.

Официальная статистика отражает, что в 2022 году более 350 000 судебных заседаний были успешно проведены с использованием видео-конференц-связи, а еще более 300 000 заседаний совершены при помощи веб-конференций [1]. По состоянию на 1 января 2023 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержится 433 006 человек [2]. Эти данные говорят о востребованности применения такой технологии, особенно среди осужденных, поскольку большое количество лиц находятся в местах лишения свободы.

Отбывание уголовного наказания в условиях изоляции оказывает влияние на осуществление прав и обязанностей осужденных граждан. Согласно Конституции Российской Федерации, международным нормативно-правовым актам государство устанавливает систему ограничений в правах и возлагает на них особые обязанности. Чтобы понять эффективность защиты прав человека и его свобод в рамках гражданского законодательства, необходимо обратиться к процессу доказывания в суде с участием осужденных.

Особое внимание уделяется процессуальным вопросам представительства осужденных, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества, в гражданском судопроизводстве, так как они являются участниками гражданских правоотношений. При этом следует отметить, что их права не ограничены и они могут использовать свое право на защиту в суде, но это исключает их личное участие [3, с. 410].

Решением этого вопроса стало введение новой нормы в Гражданский процессуальный кодекс (далее — ГПК) Российской Федерации, суть которой состоит в том, что при наличии технических возможностей проведения

видеоконференций (далее — ВКС) лица, участвующие в судебном деле, и другие участники процесса могут участвовать в судебном заседании с помощью таких систем. Это право может быть предоставлено судом через подачу заявления или с помощью ходатайства (ч. 1 ст. 155.1 ГПК Российской Федерации) [4].

С момента внедрения информационно-коммуникационных технологий в суды Российской Федерации, учреждения и органы Федеральной службы исполнения наказаний России системы ВКС по-прежнему не являются широко распространенными. Судья может отклонить возможность осужденного участвовать в процессе посредством ВКС, если появился функциональный сбой во время этой процедуры.

Но право на участие осужденных в суде, в частности, по гражданским делам посредством применения системы ВКС не разъясняется сотрудниками исправительного учреждения, так как на законодательном уровне это право не закреплено, и соответственно, в обязанности сотрудников разъяснение данного права не входит [5, с. 462].

Недостатком российского законодательства о применении ВКС можно назвать обжалования решения суда об отказе в использовании этой системы, которые часто остаются без удовлетворения [6, с. 16].

Например, осужденный обратился в районный суд с иском обжалования отказа ему участвовать в судебном заседании через ВКС. Однако его просьба была отклонена, и вынесено решение, подтверждающее отказ. Более того, краевой суд подтвердил данное решение. Обнаружив грубое нарушение закона, Судебная коллегия по административным делам Верховного суда признала решения местных судов незаконными [7].

При отсутствии ВКС осужденный может нанять специального представителя, в большинстве случаев адвоката, для выражения своей позиции в суде. Подача заявления посредством представителя, безусловно, лишает его возможности лично участвовать в судебном заседании, а также влиять на выносимое решение. Кроме того, представитель не может обладать всем объемом необходимой информации о деле. Представляется, что эти обстоятельства не могут способствовать полной объективности при принятии решения по делу.

Также гражданское процессуальное законодательство не признает самостоятельным средством доказывания объяснения представителей сторон, но в отношении законных представителей возможно сделать исключение, поскольку они могут быть осведомлены о фактических обстоятельствах дела и становиться не раз свидетелем определенных фактов из жизни представляемого. Это может привести к принятию судебного решения, которое

не удовлетворит интересы осужденного, повлечет обжалование судебного решения и затягивание судебного процесса.

В российской правовой системе все-таки нередки случаи принятия решений в судебных слушаниях по гражданским делам, в зависимости от характера спора, без личного присутствия противоположной стороны, считая достаточным условием и существенным доказательством, что заявитель вправе вести дела в суде через своего представителя. Также суд не отказывает в приобщении к материалам гражданского дела письменного объяснения представителя, несмотря на то что оно носит производный характер.

По причине того, что в законодательстве Российской Федерации не предусмотрено оказание бесплатной юридической помощи в гражданском судопроизводстве, осужденный не сможет пользоваться услугами бесплатного адвоката. Из-за отсутствия денег на оплату адвокатской помощи, в суд будет доставлен исключительно процессуальный документ с его субъективной позицией и различным ходатайством [8, с. 74].

Таким образом, для уточнения и реализации полной гражданской процессуальной дееспособности осужденных, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества, следует внести изменения в основные законодательные акты, касающиеся рассматриваемой сферы отношений; а именно, о закреплении их права на участие в гражданском судопроизводстве посредством применения системы ВКС с обязательным его разъяснением сотрудниками пенитенциарных учреждений. При этом учесть необходимость предоставления возможности определения суда об отказе в использовании ВКС для дальнейшего обжалования. Видится, что решение этого вопроса невозможно без технической обеспеченности пенитенциарных учреждений, дающих возможность надлежащего исполнения этого права осужденными.

Список основных источников

1. В 2022 году суды провели более 350 000 заседаний по видеоконференции [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/31566 (дата обращения: 01.12.2023). [Вернуться к статье](#)
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 01.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Сахаров Д. Ф. Особенности участия лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в разбирательствах по гражданским делам // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13, № 4. С. 409–412. [Вернуться к статье](#)
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобр.

Советом Федерации 30 окт. 2002 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Стуконог А. И. Проблемы использования видеоконференц-связи и веб-конференций в гражданском судопроизводстве // Modern Science. 2022. № 6-1. С. 260–263. [Вернуться к статье](#)

6. Годшалк С. В., Касаткина Е. А. Обеспечение участия осужденных в гражданском процессе // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 4 (18). С. 14–16. [Вернуться к статье](#)

7. ВС РФ защитил права заключенного на участие в суде по видеосвязи [Электронный ресурс] // ФГБУ «Редакция “Российской газеты”». URL: <https://rg.ru/2018/05/16/vs-rf-zashchitil-prava-zakliuchennogo-na-uchastie-v-sude-po-videosviasi.html> (дата обращения: 01.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Пономарева М. В., Борченко В. А. Специфика заключения гражданско-правовых договоров с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Всерос. науч. конф. обучающихся и молодых ученых с междунар. участием, Самара, 22 апр. 2022 г. : в 3 ч. Ч. 3. Самара : Самар. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2022. С. 73–75. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.131

Т. Г. Николаева

*профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

Е. В. Елагина

*профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Язык, как универсальное средство общения, имеет большое значение во всех видах судопроизводства, но особое значение он приобретает в уголовном судопроизводстве, поскольку в данном виде судо- и делопроизводства в равной степени важно владение как устной, так и письменной речью. Несмотря на то, что многие правоведы понятие «язык уголовного судопроизводства» связывают исключительно с одноименным принципом уголовного процесса, представляется, что данное понятие имеет более широкое, точнее многоаспектное значение.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации и рядом федеральных законов [1; 2; 3], государственным языком на территории Российской Федерации является русский язык, который подлежит обязательному применению на всей территории России во всех официальных сферах: при проведении выборов и референдумов; служит средством общения в органах государственной власти и местного самоуправления; при опубликовании законов и иных правовых актов и т. п. Не является исключением и Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК) Российской Федерации, нормы которого также изложены на русском языке. Бесспорно, что подготовка любого закона должна быть связана с оперированием юридическими терминами, определением тех или иных понятий, установлением взаимосвязи между ними и т. д. Использование понятной, логичной и последовательной юридической терминологии всегда будет самым эффективным способом донесения информации, заложенной в правовых нормах, до каждого участника уголовного процесса, не потребует постоянных, зачастую противоречивых разъяснений и толкований, и будет способствовать единству правоприменительной практики. На указанные

проблемы авторами данной статьи неоднократно обращалось внимание в своих публикациях [4].

Поскольку УПК Российской Федерации регламентирует деятельность органов предварительного расследования и суда, то должностные лица этих органов должны проявлять надлежащее владение русским языком (как устным, так и письменным). Не должно возникать ситуаций, когда, например, суд не может огласить показания участника уголовного процесса или протокол следственного действия ввиду неразборчивого почерка следователя, осуществлявшего производство по данному уголовному делу. Недопустимо в процессуальных документах использование идиом, табуированной лексики и др., которые хотя и придают речи определенный национальный колорит, но добавляют трудности в случае необходимости перевода на другой язык.

Несмотря на то, что государственным языком Российской Федерации является русский язык, Конституция Российской Федерации предусматривает право республик, входящих в состав Российской Федерации, устанавливать свои государственные языки и, следовательно, на этих языках осуществлять уголовное судопроизводство. Анализ правоприменительной практики позволил прийти к выводу, что наиболее часто государственный язык (помимо русского языка) используется в республиках Татарстан или Саха (Якутия). Данные выводы подтверждаются и другими учеными [5]. При этом следует отметить, что, как правило, государственный язык республики используется только по уголовным делам, находящимся в производстве у мировых судей и в судах первой инстанции, поскольку в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, военных судах делопроизводство и судопроизводство ведутся исключительно на русском языке.

Осознавая, что не все читатели ознакомятся с нашими публикациями [4; 6], приведем далеко не полный и открытый перечень вопросов, которые являются следствием отсутствия надлежащей их регламентации в УПК Российской Федерации и требуют разрешения:

– Делопроизводство¹ подразумевает использование письменной речи, а судопроизводство включает в себя и «судоговорение», то есть устную речь, означает ли это обязанность использовать один язык при производстве по уголовным делам?

¹ Как правило, делопроизводство определяется как деятельность, обеспечивающая документирование, документооборот, оперативное хранение и использование документов.

– Могут ли в принципе быть материалы одного уголовного дела на разных языках (например, заключение эксперта на русском языке, а остальные материалы уголовного дела — на государственном языке республики)?

– Каким образом должен осуществляться перевод материалов уголовных дел при необходимости их соединения (выделения), если первоначально производство по ним осуществлялось на разных государственных языках?

– Как определить язык судопроизводства, если изначально производство по уголовному делу осуществлялось на государственном языке республики (поскольку в конкретном районе подавляющее большинство населения говорит на этом языке), а рассмотреть это дело по существу должен суд с участием присяжных заседателей, которые могут и не владеть в полной мере этим языком?

Поскольку настоящая статья, как и любая другая, имеет ограниченный объем, мы вынуждены ограничиться лишь констатацией существования масштабного блока проблем, связанных с порядком участия в судопроизводстве лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором оно осуществляется (ст. 18 УПК Российской Федерации) [7]. Выскажем предположение, что аналогичные проблемы могут возникать и в Республике Беларусь в силу содержания ст. 21 УПК Республики Беларусь [8].

При этом подчеркнем, что обозначенный блок проблем не должен ограничиваться только устной и письменной формой использования «языка», с тем чтобы не нарушать права участников уголовного судопроизводства с сенсорными ограничениями, вызывающими необходимость помощи специалиста жестового языка — сурдопереводчика (ч. 6 ст. 59 УПК Российской Федерации [7]) или, как по мнению авторов, очень удачно сформулировано в ч. 1 ст. 63 УПК Республики Беларусь, «лица, понимающего знаки глухого или немого и способного изъясняться с ними знаками» [8].

Полагаем, что актуальность обозначенной в статье проблемы стимулирует дальнейшие научные исследования и продуктивную научную дискуссию.

Список основных источников

1. О государственном языке Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 1 июня 2005 г., № 53-ФЗ : в ред. Федер. закона от 28.02.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. О языках народов Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федер., 25 окт. 1991 г., № 1807-1 : в ред. Закона Рос. Федер. от 11.06.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. О судебной системе Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. конституц. Закон, 31 дек. 1996 г., № 1-ФКЗ : в ред. Федер. конституц. Закона

от 16 апр. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Елагина Е. В., Николаева Т. Г. О несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона // Криминалисть. 2021. № 1 (34). С. 19–26. [Вернуться к статье](#)

5. Валеев Д. Х., Нуриев А. Г., Шакирьянов Р. В. Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 16–23. [Вернуться к статье](#)

6. Елагина Е. В., Николаева Т. Г. Некоторые вопросы, возникающие при реализации принципа языка уголовного судопроизводства // Криминалисть. 2023. № 4 (45). С. 19–25. [Вернуться к статье](#)

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред Закона Рос. Федер. от 23.03.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : в ред Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.14

*О. Е. Политыко**старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России*

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА
НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Современные реалии таковы, что преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, а особенно в части их распространения, уже почти вышли за рамки традиционного способа «дилер — покупатель». Сейчас более актуален бесконтактный способ передачи наркотических средств, когда дилер и покупатель не пересекаются в реальной жизни. Причина тому — развитие различных интернет-платформ, например, мессенджеров WhatsApp, Viber, Telegram. Также не отстает и темная сторона Всемирной паутины, например, наркотическое вещество активно распространяется через браузер TOR. В связи с усложнением способа совершения преступления усложнился и процесс раскрытия таких преступлений, в особенности в части собирания доказательств.

При расследовании данной категории преступлений следует учитывать всю специфику. Известны случаи, когда наркотические средства распространялись под видом интернет-магазина со спортивным питанием. Также зачастую изначальный отправитель может находиться за рубежом либо с помощью специального программного обеспечения и минимальных знаний в IT-технологиях может поменять свою исходную геолокацию, что значительно затруднит его розыск.

Помимо этого, на практике для раскрытия подобного вида преступлений существует ряд проблем. К субъективному фактору следует отнести отсутствие у сотрудников правоохранительных органов специальных компьютерных знаний, а объективными причинами является недостаточная гибкость и налаженность международного сотрудничества.

Итак, представим ситуацию, когда путем задержания и допросов лиц, которые были замечены при приобретении ими наркотиков через закладки, следователь выходит на распространителя. Следовательно необходимо собрать доказательства того, что данное лицо действительно является распространителем наркотических средств. В указанной ситуации нецелесообразно подвергать задержанию лицо, являющееся продавцом, поскольку оно может удалить все

переписки со своими покупателями, а также с курьерами, которые делают закладки, либо предпринять иные действия для своей защиты от правоохранительных органов. Также при задержании дилера следователь не может провести такое следственное действие, как предъявление для опознания (ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации) [1], т. к. лицо, которое приобрело наркотики, не сможет отождествить сбытчика, поскольку лично его не видело. С одной стороны, следователь может дать поручение сотрудникам органа дознания на проведение определенных оперативно-розыскных мероприятий для установления контроля за перепиской, которую продавец ведет через компьютер. Однако это редкий случай, когда в своей незаконной деятельности преступник будет использовать незащищенные интернет-серверы. Также направление поручения, его согласование и иные формальные моменты отнимут много времени, в течение которого преступник сможет удалить все следы или иным способом помешать расследованию.

С другой стороны, было бы более правильным, если бы следователь сам мог проводить действия, связанные с контролем за перепиской. В УПК Российской Федерации закреплено такое следственное действие, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК Российской Федерации). Кроме того, ссылаясь на ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, а именно на допуск ограничения права граждан на тайну «иных сообщений» только по судебному решению, мы можем сделать вывод, что имеется возможность наложения ареста и на электронную почту [2]. Но опять же электронная почта не обеспечивает анонимности для злоумышленников, и они стараются ей не пользоваться. Следовательно, из представленных следственных действий для изобличения распространителя наркотических средств не остается ни одного.

Несмотря на внесение в 2016 году дополнения в ст. 185 УПК Российской Федерации, конкретизации по производству следственного действия по осмотру и выемке сведений, содержащихся в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, законодателем не дано. Возможно, было бы более логичным и эффективным внести в ст. 185 УПК Российской Федерации дополнения, закрепив конкретизацию процессуального порядка наложения ареста на электронную корреспонденцию, а также на переписку в социальных сетях и онлайн-мессенджерах. Таким образом, отследить переписку продавца наркотиков с его покупателями было бы легче и, соответственно, была бы возможность собрать доказательства о его виновности.

Процедура наложения ареста на исходящую электронную почту, которая имеет определенную значимость для следствия, представляет собой большие

затруднения. Лицу, проводившему расследование, следует установить адресата, с которым дилер осуществляет переписку, и произвести арест на корреспонденцию, которая поступает на имя данного адресата. Опять же, для проведения данного следственного действия необходимо разрешение суда. Мы считаем, что указанную ситуацию можно рассматривать как случай, не требующий отлагательства, поскольку промедление может привести к потере необходимых доказательств о причастности лица, а также через одного сбытчика можно выйти и на других. Для проведения исследуемого следственного действия целесообразно привлекать специалиста в области компьютерной техники и компьютерных программ. Стоит отметить, что подобное следственное действие, когда следователь самостоятельно и без лишней траты времени отслеживает переписку преступника в сети Интернет, существует в законодательстве США.

Далее, когда следствием уже устанавливается личность и точное местонахождение преступника, необходимо провести следующее следственное действие, а именно обыск места, где находится преступник. Особое внимание здесь необходимо обратить на изъятие компьютерной техники, посредством которой, возможно, велась переписка продавца наркотиков и его покупателей. Для этого в обязательном порядке необходимо привлекать специалиста, т. к. неправильное отключение компьютера от системы электропитания может повлечь полную потерю информации, тем более стоит учитывать, что преступник может заранее подготовиться к обыску и использовать программное обеспечение, которое удалит всю значимую информацию в случае отключения компьютера от питания. Также необходимо провести и личный обыск преступника для того, чтобы изъять у него средства сотовой связи, т. к. чаще всего для распространения наркотиков через сеть Интернет используется именно мобильный телефон.

Хотелось бы также упомянуть о мессенджерах WhatsApp, Viber, Telegram и т. п. В российском законодательстве не предусмотрена обязанность провайдеров и администраторов данных мессенджеров по запросу правоохранительных органов предоставлять необходимую информацию для расследования по уголовному делу, и это доставляет много проблем. Считаем, что было бы более правильным, если бы за ними закрепились обязанности предоставления информации и при этом в кратчайшие сроки.

Итак, можно сделать вывод, что, к сожалению, при расследовании преступления, связанного с распространением наркотических средств через сеть Интернет, у следователя может возникнуть две проблемы. Во-первых, это консервативность уголовно-процессуального законодательства. Существенные изменения процессуального порядка следственных действий не происходят (в отличие от Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»),

в котором ввели новое оперативно-розыскное мероприятие — снятие компьютерной информации) [3]. Во-вторых, это отказ от сотрудничества администраторов мессенджеров, через которые чаще всего распространяются наркотики. Устранение данных препятствий будет способствовать наиболее эффективному расследованию преступлений, связанных с распространением наркотиков через сеть Интернет, а также их профилактике и своевременному предотвращению.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Конституция Российской Федерации деятельности [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 12 авг. 1995 г., № 144-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.12.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.985.3

А. И. Гайдин

*начальник кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЦ, ПРИЧАСТНЫХ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Обобщение практики расследования преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, свидетельствует, что наиболее сложными для установления являются обстоятельства причастности конкретных лиц к совершению преступных деяний. В условиях, когда полностью отсутствует криминалистически значимая информация о виновных лицах или имеет место ее значительный дефицит, планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые направлены именно на решение указанной задачи, должно основываться на реализации разработанных в науке алгоритмов, учитывающих особенности современных способов совершения и сокрытия преступлений в информационно-телекоммуникационной среде [1]. При этом необходимо выдвигать и разрабатывать версии относительно личности преступника, учитывая степень его квалификации в области информационных технологий.

Отличительной особенностью поисковой деятельности в сетевом пространстве является последовательное движение по следам, которое позволяет сначала обнаружить оборудование, посредством которого были осуществлены преступные действия, а затем доказать причастность конкретных лиц, использовавших данную технику. Это обусловлено тем, что идентификация личности пользователя сети Интернет, в том числе и использующего Интернет в преступных целях, осуществляется посредством идентификации аппаратных средств, используемых им для соединения. При этом необходимо решить задачу, связанную с применением злоумышленниками средств анонимизации, которые скрывают следы, связывающие факты использования каких-либо устройств с его личностью и (или) маскируют идентификационные свойства используемых им компьютерных и сетевых средств.

Ключевое значение в установлении лиц, причастных к совершению компьютерных преступлений, имеет умелая реализация следователем возможностей операторов сотовой связи и интернет-провайдеров по определению местонахождения оконечного оборудования, хранению информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, видео или иного трафика.

Для установления личности лица, причастного к совершению преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, планируются и осуществляются как следственные действия, так и организационные, оперативно-розыскные и технические мероприятия.

Комплексный характер проводимых действий позволяет вести речь о тактической операции. Ее осуществление в процессе раскрытия преступлений, совершенных с использованием современных коммуникационных технологий, наиболее эффективно в условиях, когда преступники использовали средства анонимизации для сокрытия следов в сетевом пространстве, поскольку способствует задержанию виновных лиц и со всей очевидностью носит определяющий характер для последующего этапа предварительного расследования.

Содержание рассматриваемой тактической операции включает в себя осуществление взаимосвязанных и взаимообусловленных действий: по получению показаний от всех лиц, имеющих отношение к проверяемому факту (заявителя, потерпевшего, очевидцев, сотрудников кредитных организаций и банков, представителей интернет-провайдера, операторов сотовой связи, организаций, предоставляющих интернет-услуги); истребованию и (или) изъятию документов и предметов (выписок о движении денежных средств, документов, подтверждающих операции по списанию и перечислению денежных средств, сведений от провайдера о владельце IP-адреса и т. п.); производству необходимых исследований и (или) судебных экспертиз (прежде всего судебно-компьютерных); проведению оперативно-розыскных мероприятий; проведению осмотра места происшествия (осмотр компьютерной техники с установленной системой дистанционного банковского обслуживания, осмотр банкоматов, квартир, помещений организаций и предприятий); проверке по оперативно-справочным и криминалистическим учетам (прежде всего работа с подсистемой ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество»); установлению отношения абонентского номера к номерной емкости оператора связи, банковской карты конкретной банковской организации, IP-адреса, с использованием которого осуществлялись преступные действия, организации, зарегистрировавшей доменное имя и оказывавшей услуги хостинга сайту; получению образцов для сравнительного исследования [2].

Тактической операции по установлению лиц, причастных к совершению преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, свойственны общие признаки тактических систем [3]:

1. Целостность (алгоритмичность). Все структурные элементы содержания операции взаимообусловлены результатами и взаимосвязаны особенностями познавательной эффективности.

2. Структура. Предполагает набор конкретных организационных, технических процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, сочетание и последовательность осуществления которых зависят от следственной ситуации.

3. Иерархичность системы. Рассматриваемая тактическая операция является компонентом более широкой системы — криминалистической тактики. При этом содержание каждого элемента системы наполнено тактическими приемами соответствующих этапов, выбор которых обусловлен тактической задачей производства мероприятия и ситуацией.

4. Динамичность и гибкость. Реализация тактической операции предусматривает возможность ее применения при расследовании значительного числа видов преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а также варианты изменения плана деятельности с учетом способов сокрытия преступления, действий по противодействию расследованию и особенностей способов достижения преступного замысла.

Особенности рассматриваемой операции проявляются в ее специфических признаках, которые позволяют отнести ее к различным группам при классификации тактических операций по различным основаниям: по уровню общности — типичная; по характеру следственных ситуаций, в которой она проводится, — проводимая в условиях ситуации, характеризующейся дефицитом информации о лицах, причастных к совершению преступления; по характеру и содержанию действий — состоящая из различных действий (организационных, следственных, оперативно-розыскных и технических); по содержанию решаемых задач — направленная на установление людей и материальных ценностей; по отношению к предмету доказывания — направленная на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания; по отношению к этапам расследования — проводимая на этапе возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе расследования; по организационной структуре — проводимая участниками следственно-оперативной группы, созданной для расследования конкретного преступления [4].

Таким образом, решение задачи по установлению лиц, причастных к совершению преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных

технологий, при производстве по уголовным делам осуществляется путем организации и проведения типовых тактических операций, содержание которых составляют организационные, следственные, оперативно-розыскные и технические мероприятия, в условиях активного противодействия обеспечивающие возможность обнаружения средств компьютерной техники, применяемой при совершении деяния, и идентификации правонарушителей.

Список основных источников

1. Трубчанинов А. В. Особенности возбуждения уголовного дела и планирования на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ [Электронный ресурс] // Вестн. Волгогр. акад. МВД России. 2019. № 1 (48). С. 153–158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-i-planirovaniya-na-pervonachalnom-etape-rassledovaniya-prestupleniy-svyazannyh-s> (дата обращения: 10.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Гайдин А. И., Звягин И. С., Садырин И. С. Механизм хищений денежных средств, совершаемых с использованием технологий IP-телефонии и программ подмены номеров [Электронный ресурс] // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2022. № 3. С. 202–207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanizm-hischeniy-denezhnyh-sredstv-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-tehnologiy-ip-telefonii-i-programm-podmeny-numerov> (дата обращения: 10.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Шишкина Е. В. Тактические комплексы в системе криминалистических средств расследования преступлений [Электронный ресурс] // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 40–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-kompleksy-v-sisteme-kriminalisticheskikh-sredstv-rassledovaniya-prestupleniy> (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Завьялов В. А. Классификация тактических операций [Электронный ресурс] // Юрид. наука. 2020. № 1. С. 96–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-takticheskikh-operatsiy> (дата обращения: 08.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

*И. И. Головки**декан факультета профессиональной переподготовки
и повышения квалификации**Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ПРОКУРОРА, ВСТУПИВШЕГО В ДЕЛО В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ

В Российской Федерации выявляются неединичные случаи обращения участников экономической деятельности в суд для использования процедур принудительного исполнения судебных актов и легализации доходов, полученных незаконно [1], меры по инициированию судебных процедур для совершения противоправных деяний в области экономики.

В современных условиях с учетом новых вызовов участие прокурора в рассмотрении дел судом необходимо исследовать с позиции противодействия преступлениям. Несомненно, противодействие прокурора правонарушениям осуществляется при обращении в суд с заявлением (исковым заявлением), однако сказанное в полной мере справедливо и для участия прокурора в рассмотрении дела по правилам ч. 5 ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК Российской Федерации) [2]. Прокурор вправе вступить в дела, перечисленные в ч. 1 ст. 52 АПК Российской Федерации, а также в дела:

- по заявлениям о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений;
- в случае выявления нарушения сторонами законодательства о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, законодательства о налогах и сборах, валютного законодательства Российской Федерации, права Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений и законодательства Российской Федерации о таможенном регулировании, а также законодательства о специальных экономических мерах, мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств.

Упомянутые выше споры, указанные в ч. 1 ст. 52 АПК Российской Федерации, как показывает практика, могут быть незаконными или связанными с намерениями, противоречащими закону:

- незаконные сделки могут быть совершены органами власти и органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, сторонами государственного оборонного заказа и государственных (муниципальных) контрактов; совершены организациями с нарушением законодательства, устанавливающего специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств;

- споры могут быть прикрытием обхода субъектами предпринимательства требований российского законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, о налогах и сборах, о таможенном регулировании и валютного законодательства; права Евразийского экономического союза о таможенных отношениях.

Также не исключено, что решения иностранных судов и иностранные арбитражные решения, заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, указанные в ч. 5 ст. 52 АПК Российской Федерации, могут быть инициированы субъектами предпринимательской деятельности, имеющими незаконные цели.

Участвующий в деле прокурор не заинтересован в вынесении определенного решения суда, участие его в деле должно быть объективным и непредвзятым. Прокурор не может быть сторонним наблюдателем судебного разбирательства, он способствует установлению обстоятельств дела. При реализации прокурором, вступившим в дело, процессуальных полномочий, установленных ст. 41 АПК Российской Федерации, учитывается предполагаемый результат. Так, для установления обстоятельств по делу прокурор знакомится с материалами дела, участвует в исследовании доказательств, задает вопросы сторонам и заявляет ходатайства. Для преодоления возможного противодействия сторон, которые скрывают обстоятельства и доказательства по делу, прокурор вправе заявлять ходатайства о направлении запросов в уполномоченные органы, о вызове свидетелей и пр., а также ходатайствовать о привлечении к участию в деле органов государства (налоговые органы, таможенные органы, территориальные органы Федеральной службы по финансовому мониторингу). Органы государства, владеющие информацией об экономической деятельности сторон спора, предоставляют необходимые сведения суду, что способствует более полному установлению обстоятельств.

В соответствии с ч. 1 ст. 188.1 АПК Российской Федерации, в ходе рассмотрения дела при выявлении случаев, требующих устранения нарушения законодательства, суд вправе вынести частное определение по ходатайству участвующих в деле лиц, в том числе прокурора. Как правило, частное определение суда выносится в связи с установлением правонарушений, их причин и способствующих им условий, т. е. направлено на пресечение и предупреждение правонарушений в будущем.

Важным правовым средством противодействия преступлениям является заключение прокурора по делу, которое должно отражать вывод органа государства о законности и обоснованности предъявленных в суд требований: имеются ли основания для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, подлежат ли признанию и приведению в исполнение решения иностранных судов и иностранные арбитражные решения; подлежит ли удовлетворению исковое заявление по экономическому спору, связанному со сделкой, нарушающей закон. Судебный акт, вынесенный с учетом выводов заключения прокурора, пресечет или предотвратит преступное деяние¹.

Кроме этого, в качестве средств прокурора по обеспечению законности при рассмотрении дел арбитражным судом необходимо определить жалобы и представления на судебные акты, которые не отвечают требованиям законности, обоснованности, мотивированности (ч. 4 ст. 15 АПК Российской Федерации); заявление о пересмотре решения (определения, постановления) суда по вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, в арбитражном процессе в аспекте противодействия преступности критерием выбора правовых средств прокурора является предполагаемый результат (установление обстоятельств по делу, преодоление противодействия сторон, устранение причин и условий преступлений, предупреждение преступлений, предотвращение возможности вступления в законную силу незаконного и (или) необоснованного акта суда). Перечисленные правовые средства прокурора применяются в стадии судебного разбирательства. В первых двух

¹ Отметим, что вступление в дело прокурора может повлечь повторную неявку истца в судебное заседание и отказ от требований, что с учетом мнения прокурора влечет прекращение производства по делу (определение Арбитражного суда Архангельской области по месту нахождения постоянного судебного присутствия в городе Нарьян-Маре Ненецкого автономного округа о прекращении производства по делу по заявлению ИП Борисов А. А. к ООО «Цифровая связь» о взыскании задолженности по договору займа от 14.04.2023 по делу № А05П-257/2022). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/41b62101-02e0-4b8a-98fc-c53b20461663/c26095d0-65dc-4481-81a4-416feb76ce21/A05P-257-2022_20230414_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.01.2024)).

стадиях арбитражного процесса — возбуждение дела и подготовка дела к судебному разбирательству — в связи с отсутствием деятельности по доказыванию, полагаем, рассмотренные процессуальные правовые средства прокурора не применяются. Правовые средства прокурора, вступившего в дело в арбитражном суде, могут быть устными (устное ходатайство, вопрос в судебном заседании) и иметь форму документа (жалоба, представление, письменное ходатайство).

Список основных источников

1. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 8 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г. : в ред. Федер. закона от 22.06.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

В. Л. Григорович

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

А. В. Ходасевич

*аспирант юридического факультета
Белорусского государственного университета*

ПРОВЕДЕНИЕ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Основной задачей проведения обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации является отыскание технических устройств, которые сохранили цифровые следы преступления.

Субъектный состав участников обыска белорусским уголовно-процессуальным законодательством конкретно не определен, что позволяет следователю, лицу, производящему дознание, установить его самостоятельно.

В соответствии с ч. 4 ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Республики Беларусь, в необходимых случаях при обыске участвует специалист [1].

В случае если техническое устройство выключено, следователю, лицу, производящему дознание, не составит трудностей изъять данное устройство и в последующем произвести его осмотр. При изъятии включенного устройства с доступом к сети Интернет ситуация иная.

Так, например, в производстве Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь находилось уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь [2]. В рамках возбужденного уголовного дела в ходе проведения обыска сотрудником органа внутренних дел был изъят планшет подозреваемого И. с активным сеансом интернет-соединения, а затем передан следователю. При этом, как впоследствии выяснилось, на планшете представляла интерес информация, содержащаяся в аккаунте И. в мессенджере «Телеграм». К осмотру планшета следователь приступил через некоторое время и при проведении следственного действия обнаружил, что аккаунт удален, то есть информация, имеющая значение для расследования уголовного дела, утрачена. В ходе допроса подозреваемый И. сообщил, что в настройках его аккаунта мессенджера «Телеграм» он

установил автоматическое удаление аккаунта при его неиспользовании на протяжении определенного времени.

Считаем, что не только в рассматриваемой ситуации, но и в каждом случае при проведении обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации необходимо привлекать специалиста.

Данная необходимость обусловлена следующими причинами: во-первых, перед началом следственного действия следователь, лицо, производящее дознание, не могут обладать информацией о состоянии технических устройств, подлежащих изъятию и имеющих значение для расследования уголовного дела; во-вторых, у специалиста имеются необходимые принадлежности — наборы отверток, нужные упаковочные материалы, устройства для предотвращения внесения непреднамеренных изменений на жесткий диск; в-третьих, если в ходе обыска возникнет ситуация, при которой следователь, лицо, производящее дознание, выяснят, что не могут самостоятельно изъять либо копировать необходимую информацию, обыск придется окончить, так как приостановление обыска уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено.

Кроме того, при проведении обыска может возникнуть ситуация, при которой подлежащие изъятию технические устройства находятся во включенном состоянии с активным сеансом интернет-соединения, а на мониторе устройств отображается информация (например, переписка в мессенджерах с пособником, потерпевшим; открыты аккаунты подозреваемого в социальных сетях, мессенджерах, доступ к которым в последующем может быть не получен в связи с отказом подозреваемого предоставить логин и пароль), требующая незамедлительного осмотра из-за угрозы ее удаленного уничтожения, видоизменения.

Часть 13¹ ст. 210 УПК устанавливает, что при невозможности или нецелесообразности изъятия объекта, содержащего компьютерную информацию, при проведении обыска или выемки может осуществляться ее копирование (фиксация) в отображаемой форме, в том числе создание образа носителя компьютерной информации. Данная норма предоставляет возможность копирования уже отобразившейся информации (например, открытой во вкладке браузера страницы с перепиской) либо копирования путем присоединения своего устройства и создания образа системы, жесткого диска только в случае невозможности или нецелесообразности изъятия объекта [1].

Таким образом, при возникшей необходимости проведения осмотра устройства, обнаруженного в ходе обыска, согласно действующему уголовно-

процессуальному законодательству, следователю, лицу, производящему дознание, необходимо соблюдать следующий порядок:

1. Прекратить проведение обыска и приступить к осмотру компьютерной информации. Если предполагаемая информация связана с частной жизнью лица и осмотр компьютерной информации подпадает под действие ч. 2 ст. 204¹ УПК, то на проведение такого осмотра необходимо согласие обладателя информации (в случае проведения обыска без санкции прокурора). Такое согласие подозреваемый может не дать.

2. Для последующего изъятия осмотренного устройства вновь потребуются вынесение постановления о проведении обыска [1].

Такой процессуальный порядок значительно затягивает время проведения следственных действий, в связи с чем, по нашему мнению, для обеспечения процессуальной возможности проведения осмотра компьютерной информации при проведении обыска в случаях, не терпящих отлагательств, предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 210 УПК.

Обратим внимание, что на практике также возникают ситуации, когда в ходе обыска при изъятии технических устройств зарядные устройства к ним не изымаются. В случае, если изъятое техническое устройство новой марки и (или) модели, зарядное устройство к нему у следователя, эксперта может отсутствовать. В связи с этим вместо осмотра необходимо прибегать к проведению компьютерно-технической экспертизы, что существенно затягивает срок получения необходимой информации.

В ходе проведения обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации важно обращать внимание не только на технические устройства. Важно установить наличие документов (блокнотов, записей и т. д.), которые могут содержать в себе информацию о логинах, паролях, реквизитах банковских платежных карт; бумажных криптокошельков; банковских платежных карт. Указанные объекты также будут способствовать получению важной для расследования дела информации, в том числе позволяющей получить доступ к техническим устройствам.

На основании изложенного отметим, что, по нашему мнению, при проведении обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации во всех случаях необходимо привлекать специалиста. Это позволит надлежащим образом изъять обнаруженные технические устройства, а также не утратить информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела. Кроме того, с целью обеспечения процессуальной возможности проведения осмотра компьютерной информации при проведении обыска

в исключительных случаях, не терпящих отлагательств, предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 210 УПК.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

*Т. Н. Данькова**адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫЕМКИ ПО ДЕЛАМ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Анализ судебно-следственной практики по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями показал, что материальные следы совершения указанного противоправного деяния в большинстве случаев отражаются в различного рода документах, как официальных, так и частных. Основным массив из них составляют официальные документы организации, вопреки интересам которой действовало подозреваемое (обвиняемое) должностное лицо: приказы, распоряжения, решения, договоры, акты выполненных работ, акты инвентаризаций, товарные и товарно-транспортные накладные, докладные записки, табели учета рабочего времени, протоколы, отчеты, заявления и др.

Наряду с документами, являющимися носителями следовой информации по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, для достижения задач расследования имеют значение и иные документы — носители криминалистически значимой информации: устав организации, различного рода положения, инструкции, штатное расписание и др.

Обнаружение, фиксация и изъятие указанных документов могут осуществляться в ходе различных процессуальных действий, среди которых выемка имеет немаловажное значение. Отметим, что по всем изученным уголовным делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями проводилась выемка.

Выемка представляет собой неотложное следственное действие, состоящее в истребовании и изъятии (в добровольном либо принудительном порядке) определенных в постановлении о ее проведении предметов и документов у конкретного лица либо организации. Основанием для проведения выемки являются достаточные данные о наличии определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся.

Отметим, что в литературе можно встретить мнение о том, что выемка по своей сути — это результат обыска, устанавливающий факт перехода изымаемого объекта от владельца к органам расследования [1, с. 125]. На наш взгляд, данное мнение ошибочно и обусловлено, скорее всего, исторически

сложившейся изначальной единой сущностью выемки и обыска, где выемка являлась закономерным действием, вытекающим из факта обнаружения объекта в ходе обыска. Несомненно, выемка и обыск имеют общность уголовно-процессуальной регламентации и общую цель — изъятие у граждан либо из организаций объектов, являющихся носителями доказательственной и иной информации, имеющей значение для расследуемого уголовного дела. Отличительные особенности выемки и обыска заключаются в характере действий в процессе их проведения и разнородности изымаемых объектов. Так, в ходе проведения обыска осуществляется поисково-познавательная деятельность, а в ходе выемки поисковая деятельность не осуществляется, она имеет удостоверительно-познавательный характер с целью изъятия предметов и документов, обладающих индивидуально определенными признаками. Вместе с тем, на наш взгляд, своего рода поисковые действия осуществляет представитель организации, который по требованию лица, производящего выемку, проводит действия по обнаружению конкретного объекта из массива однородных объектов (например, поиск конкретного договора в папке «Договоры»).

Кроме того, отметим, что анализ судебно-следственной практики по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями показал своего рода подмену выемки путем проведения усеченного формата обыска, когда изначально неизвестны индивидуально определенные признаки криминалистически значимых объектов и по предложению лица, производящего данное следственное действие, добровольно выдаются искомые объекты, далее они изымаются в соответствующем порядке, а поисковые действия не проводятся вовсе. Нам представляется оправданным данное тактическое решение, однако при определенных условиях: при бесконфликтной следственной ситуации, при отсутствии информации об иных объектах, могущих находиться по месту обыска и др. Преимущественно такой формат обыска-выемки возможен в организации и совсем не целесообразен при обыске рабочего места подозреваемого (обвиняемого) должностного лица и при обыске по его месту жительства, так как заранее невозможно определить весь перечень искомых объектов, а добровольная выдача некоторых из них со стороны должностного лица может являться отвлекающим приемом от обнаружения и изъятия иных криминалистически значимых объектов.

Решение об изъятии значимых для расследования уголовного дела документов путем производства выемки (а не обыска) целесообразно при бесконфликтной следственной ситуации, когда отсутствует противодействие расследованию и нет оснований полагать, что заинтересованные лица могут самостоятельно изъять указанные документы с целью внесения в них изменений,

сокрытия либо уничтожения. Среди прочего это обусловлено и тем, что, несмотря на законодательно регламентированную возможность проведения выемки в принудительном порядке, практическая реализация данного положения затруднительна в пределах организации и зачастую невозможна без активных поисковых действий. Таким образом, в случае конфликтной следственной ситуации, в ходе которой может осуществляться не только открытое, но и латентное противодействие расследованию дел о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, необходимо планировать и проводить обыск.

После принятия решения о проведении выемки осуществляется подготовка к ее проведению, в ходе которой уточняются объекты, подлежащие изъятию, их местонахождение; определяются дата и участники проведения данного следственного действия; составляется план ее проведения, в том числе и с учетом возможного принудительного изъятия объектов, а также с учетом возможного окончания выемки с целью дальнейшего проведения обыска; определяются способы упаковки изымаемых объектов, а также иные необходимые технико-криминалистические средства обеспечения проведения выемки с целью удостоверения изымаемых объектов, непосредственно изъятия, фиксации следственного действия и др.

В заключение отметим, что правильно принятое тактическое решение о проведении выемки по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, соблюдение организационно-тактических аспектов ее проведения позволяют с наименьшими затратами изъять необходимые объекты-носители следовой и иной криминалистически значимой для расследования данной категории дел информации. А дальнейший осмотр и изучение изъятых объектов позволят лицу, производящему расследование, установить причастность конкретных лиц к противоправному деянию, а также возможных свидетелей преступной деятельности.

Список основных источников

1. Гаужаева В. А., Сафронов Д. М. Сколько нужно следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие объектов, имеющих значение для дела? // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 125–128. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

Л. Н. Евдохова

*доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат технических наук, доцент*

**ПОСТАНОВКА ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
СУДЕБНО-ТОВАРОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
ПАРТИЙ ПИЩЕВОГО СЫРЬЯ**

Задача эксперта заключается в том, чтобы практически преобразовать информацию, содержащуюся в криминалистических объектах, в доказательства, которые могут быть использованы для разрешения уголовного или гражданского дела [1]. Цель экспертной деятельности — получить актуальную доказательственную информацию для правильного разрешения дела. Это достигается путем проведения экспертизы, которая включает анализ, оценку и интерпретацию представленных данных. Судебная товароведческая экспертиза — исследование, проводимое экспертом в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством для установления фактических данных и обстоятельств по материалам уголовных, гражданских, арбитражных дел и дел об административных правонарушениях [2]. Объектами судебно-товароведческой экспертизы являются реально существующие либо существовавшие в прошлом товары (изделия), образцы (пробы), а также документы (материалы уголовных и гражданских дел), в которых изложены сведения о товарных характеристиках исследуемых объектов и всевозможных ситуациях, касающихся операций, связанных с товаром (условия упаковки, маркировки, хранения, транспортировки, эксплуатации, а также другие обстоятельства, имеющие значение в конкретном деле) [2].

Согласно сложившейся классификации экспертных задач, принято выделять идентификационные, диагностические и ситуалогические группы задач судебно-экспертного исследования [1]. Рассмотрим возможность постановки каждой группы задач в отношении судебной товароведческой экспертизы пищевого сырья и готовой продукции.

В большинстве случаев судебным экспертам приходится разрешать идентификационные задачи. Например, для зерновых масс характерна идентификация квалиметрическая или партионная. В случае идентификации квалиметрических характеристик зерновых масс чаще всего решается вопрос

о принадлежности к той или иной квалитетической классификационной группировке (например, зерно пшеницы 3-го или 4-го класса). В случае партийной идентификации устанавливается принадлежность части партии, например, зерна ржи, к конкретной партии [3]. Данная экспертная задача ставится достаточно редко, так как зачастую на момент возникновения потребности в такой идентификации данная партия либо ее часть уже переработана, и в этом случае мы будем уже ставить другие экспертные задачи в отношении данной партии зерна. Для партий пищевого сырья характерно наличие ярко выраженных видовых признаков (органолептические и физико-химические показатели качества) при незначительном или полном отсутствии частных признаков партии (например, особенности химического состава). В таком случае экспертная задача установления групповой принадлежности для партий, например, зерновых масс, интерпретируется в установление групповой принадлежности. Примером вопроса на экспертизу является вопрос о том, к какой зерновой культуре принадлежит представленный образец зерна.

Диагностические экспертные задачи для партий пищевого сырья чаще всего выражаются в диагностике условий происхождения и произрастания партии сырья, способа и технологии производства, условий хранения и их влияния на квалитетические характеристики партии сырья и т. д. Также к диагностическим экспертным задачам можно отнести и определение причин снижения уровня первоначальных квалитетических характеристик партии сырья, возможности получения готового продукта с заданными показателями качества из данной партии сырья с указанными квалитетическими характеристиками.

Диагностические задачи бывают и ситуационными [1]. Потребность в постановке ситуационных экспертных задач связана с необходимостью анализа системы событий в целом. Эти сложные обратные диагностические задачи в большинстве случаев решают в ходе проведения комплексных судебных экспертиз. Примером решения такой экспертной задачи может быть установление механизма образования излишков сырья или готовой продукции при производстве того или иного пищевого продукта. В данном случае необходимо проведение судебной товароведческой экспертизы сырья и готовой продукции, отдельных этапов технологии производства и судебной экономической экспертизы документов, содержащих сведения, имеющие непосредственное отношение к устанавливаемым обстоятельствам.

Таким образом, мы конкретизировали экспертные задачи и варианты их постановки в ходе назначения и проведения судебных товароведческих экспертиз партий пищевого сырья.

Список основных источников

1. Хрусталеv В. Н. Теоретические, процессуальные, методические и организационные основы судебной экспертизы : учеб. пособие. М. : МИИТ, 2019. 265 с. [Вернуться к статье](#)
2. Евдохова Л. Н., Масанский С. Л. Товарная экспертиза : учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности «Товароведение и экспертиза товаров». Минск : Выш. шк., 2013. 332 с. [Вернуться к статье](#)
3. Евдохова Л. Н., Пинчукова Ю. М., Болотько А. Ю. Теоретические основы товароведения : учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности «Товароведение и экспертиза товаров». Минск : Выш. шк., 2016. 262 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

П. В. Елфимов*профессор кафедры криминалистики**Уральского юридического института МВД России,**доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации,**член-корреспондент Академии медико-технических наук**Российской Федерации*

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

Борьба с преступлениями, связанными со взрывами, в настоящее время становится весьма значимой. Такие преступления имеют повышенную общественную опасность, а уровень их раскрываемости оставляет желать лучшего. Поэтому в последнее время появляется все больше научных исследований, посвященных улучшению оперативно-розыскной, следственной и судебно-экспертной работы по уголовным делам, связанным со взрывами. Так в криминалистике появилась и развилась новая отрасль научного знания, которую в большинстве научных работ называют взрывотехникой. В настоящий момент криминалистическая взрывотехника достигла таких высот развития, что, полагая, ее необходимо рассматривать как частную криминалистическую теорию (учение) [1, с. 17]. Несмотря на положительные результаты исследований, в теории криминалистической взрывотехники много спорных моментов и неизученных вопросов.

Во-первых, выбор преступниками вида взрывного устройства, его конструкции, типа заряда взрывчатого вещества, его состава, способа закладки, способа взрывания зависит от характера и особенностей предмета преступного посягательства. И. А. Возгрин отмечает: «У каждого вида преступлений имеются наиболее распространенные способы совершения, выявление и изучение которых позволяет классифицировать их. Это облегчает разработку научно-методических рекомендаций по организации и осуществлению раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [2, с. 209].

На стадии приготовления или выбора взрывного устройства опытный преступник может предпринять меры для сокрытия устройства и обеспечения своей непричастности, например, используя элементы в конструкции или маскировке устройства, указывающие на непричастных лиц, либо имитируя нарушение какого-либо технологического цикла.

Кроме того, отдельного рассмотрения требуют вопросы способа осуществления угрозы взрыва. Их следует разделять на отдельные группы

в зависимости от субъекта их совершения, от того, известно или не известно лицо, сообщившее об угрозе взрыва. Угрозы взрыва, как правило, адресованы государственным органам. Они могут сопровождаться захватом заложников, взрывом особо важных объектов, угрозой взорвать себя. В последнее время большое распространение получили анонимные звонки с угрозой взрыва. Как правило, сообщения о готовящемся взрыве поступают в дежурные части отделов полиции, подразделения по чрезвычайным ситуациям, военные комиссариаты. Обнаружить взрывные устройства при анонимных сообщениях получается крайне редко, поскольку целью преступников в таких случаях чаще всего является дезорганизация работы предприятий, организаций, учреждений; создание задержки отправления транспорта; попытка срыва проведения разного рода мероприятий и так далее [3, с. 10]. Таким образом, выбор способа совершения преступлений с использованием взрывоопасных объектов определяется, как правило, целью противоправного деяния, техническими возможностями и степенью обладания специальными навыками и знаниями в области взрывного дела. Однако следует учитывать, что взрыв как результат преступных действий не является обязательным признаком, поскольку из-за различных технических причин и внешних факторов он может не произойти.

Следует отметить, что проблемным аспектом расследования является следовая обстановка на месте происшествия по факту анонимной угрозы взрыва, которая, как правило, характеризуется отсутствием каких-либо следов, так как анонимный телефонный звонок обычно производится на отдаленном расстоянии от предмета преступного посягательства. Хотя в следственной практике имели место случаи, когда сообщение об угрозе взрыва или минирования объекта поступало с телефонного аппарата, находившегося с ним в непосредственной близости. Вышеназванные обстоятельства осложняют восприятие самой картины взрыва и процесс исследования материальной обстановки места происшествия. Например, в г. Магнитогорске рано утром 31.12.2018 г. в жилом доме взорвался газ, последствием чего стало обрушение подъезда двенадцатиэтажного дома. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (причинение смерти по неосторожности двум или более лицам). На место трагедии были отправлены следователи-криминалисты Центрального аппарата Следственного комитета Российской Федерации, по ранее полученным данным, были привлечены практически все следователи г. Магнитогорска для проведения осмотра места происшествия, выполнения отдельных следственных действий. Очевидно, что проведение осмотра места происшествия было организовано специализированной следственно-оперативной группой со всем необходимым составляющим

для проведения данного следственного действия. Особенно важно непосредственно при работе на достаточно больших площадях (территории) поддерживать связь между участвующими лицами в осмотре. Безусловно, для качественного проведения осмотра места происшествия со взрывом следует соблюдать ряд требований: в ходе производства осмотра на открытой местности необходимо учитывать возможность наступления неблагоприятных погодных условий (так, например, в ночь с 31.12.2018 г. на 01.01.2019 г. на территории Челябинской области был сильный мороз, что существенно затрудняло как работу аварийно-спасательных служб, так и деятельность следователей, криминалистов); сам процесс осмотра места происшествия со взрывом достаточно длительный и трудоемкий, со своими специфическими особенностями; взрыв в зависимости от ряда факторов привносит существенные изменения в окружающую обстановку, что, безусловно, осложняет проведение осмотра места происшествия на местности ввиду того, что затруднено отыскание следового материала, иных доказательственных объектов, необходимых для проведения соответствующих экспертиз [4, с. 47].

В ходе производства начального этапа осмотра места происшествия со взрывом необходимо провести обзор местности, зафиксировать первоначальную обстановку места происшествия посредством фото-, видеофиксации. В дальнейшем следователь определяет границы осмотра места происшествия с учетом характера и степени разрушений окружающих объектов. Следователь самостоятельно моделирует механизм произошедшего события, предполагает места обнаружения следовых объектов, имеющих значение для расследования уголовного дела. Для следователя основной задачей в рамках осмотра места происшествия, связанного со взрывом, является правильное осуществление своей квалифицированной деятельности с наименьшими затратами как времени, так и сил. Данная деятельность должна быть сконцентрирована непосредственно на факте обнаружения, изъятия и дальнейшего исследования искомых вещественных доказательств [5, с. 101].

Таким образом, криминалистическое взрывоведение в системе механизма противодействия преступлениям, связанным с применением взрывных устройств, как теория выявления и расследования преступлений, связанных со взрывами различной криминальной природы, имеет непосредственное отношение к таким отраслям криминалистики, как криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика расследования, поскольку создает основу для разработки в комплексе организационно-тактических, технико-криминалистических и методико-криминалистических

проблем выявления и расследования всех преступлений указанной категории и требует дальнейшего совершенствования.

Список основных источников

1. Беляков А. А. Криминалистическое взрывоведение : практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 242 с. [Вернуться к статье](#)
2. Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск : Высш. шк., 1983. 215 с. [Вернуться к статье](#)
3. Виноградова О. П. Способ совершения преступления как ключевой элемент криминалистической характеристики преступления в структуре частной криминалистической методики // Правоохранительные органы: теория и практика. 2022. № 2 (43). С. 9–12. [Вернуться к статье](#)
4. Виноградова О. П. К вопросу о технико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 4 мая 2023 г. / Ростов. юрид. ин-т МВД России ; редкол. : А. В. Вардамян (отв. ред.) [и др.]. Ростов н/Д, 2023. С. 46–51. [Вернуться к статье](#)
5. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Перспективы совершенствования тактических приемов, используемых в рамках производства осмотра места происшествия // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2023. № 1. С. 100–104. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.982.4

Н. В. Ефременко*доцент кафедры уголовного права и процесса**учреждения образования**«БИП — Университет права и социально-информационных технологий»,**кандидат юридических наук, доцент*

ЦИФРОВАЯ РУКОПИСНАЯ БИОМЕТРИЧЕСКАЯ ПОДПИСЬ КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Внедрение и использование электронного документооборота обусловили появление новых способов оформления и использования документов в электронном виде, и в первую очередь использования альтернативных способов подписания документов, таких как выполнение цифровой рукописной подписи.

Цифровая рукописная биометрическая подпись выполняется собственноручно с использованием цифрового пера (стилуса) на специальном устройстве (планшет, дисплей и пр.) и предназначена для подтверждения целостности и подлинности подписываемого документа в электронном виде [1, с. 247].

Такие подписи в качестве реквизитов документов, выполненных в электронном виде, широко используются в финансовой сфере при оформлении договоров и другой документации.

Широкое распространение цифровой рукописной подписи, безусловно, будет сопровождаться появлением фактов ее фальсификации, что, в свою очередь, ставит цифровую рукописную подпись в ряд объектов идентификационного почерковедческого экспертного исследования по установлению исполнителя подписи.

Данное экспертное исследование должно базироваться на знаниях технологических аспектов выполнения цифровой подписи, анализе и оценке как традиционных общих и частных признаков подписи, так и содержащихся в электронной подписи количественных данных, что обусловило необходимость разработки новой современной методики почерковедческого исследования.

При разработке методики экспертного исследования цифровой подписи использовались данные научных публикаций Г. Ф. Архипова, А. И. Берзницкаса, В. П. Бурлингаса, Г. Н. Клышко, Г. П. Коневникова, И. Д. Кучерова, Т. Дедица, Х. Гаральсона, Ж. Линдена и др., Руководства по наилучшей практике судебной почерковедческой экспертизы Европейской сети судебно-экспертных учреждений. Проведены экспериментальные идентификационные исследования на основе использования традиционных методов

судебной почерковедческой экспертизы, реализованных в графических редакторах с программным обеспечением Wacom Signature Scope, OriginPro [2].

Предлагаемая методика представляет собой научно обоснованную систему предписаний по выбору и применению в определенной последовательности методов и способов решения идентификационных и диагностических задач при исследовании цифровых рукописных биометрических подписей.

Идентификационные задачи включают установление исполнителя цифровой рукописной биометрической подписи; установление факта выполнения одним или разными лицами двух и более почерковых объектов, хотя бы один из которых является цифровым рукописным биометрическим.

К диагностическим задачам относятся определение пригодности цифровой рукописной биометрической подписи для идентификации личности исполнителя; установление факта необычности процесса письма и причин, ее вызвавших.

В качестве объектов исследования выступают цифровая рукописная биометрическая подпись; образцы для сравнительного исследования: традиционные и цифровые рукописные биометрические образцы почерка и подписи.

Экспертное исследование проводится с соблюдением общих положений методик исследования подписи [3], методик исследования текстов малого объема и кратких записей [4]. При решении конкретной экспертной задачи применяется принятый в судебной почерковедческой экспертизе уровневый подход, включающий следующие этапы экспертного исследования: 1) определение информативности цифровой рукописной биометрической подписи; 2) установление условий выполнения; 3) исследование общих признаков; 4) исследование частных признаков; 5) оценка результатов исследования и формулирование выводов; 6) составление заключения эксперта и оформление иллюстративного материала.

По сравнению с традиционной методикой почерковедческого исследования подписи следует выделить особенности проводимого исследования и впервые используемые группы признаков.

Так, на стадии предварительного исследования требуется наличие сведений об обстоятельствах подписания документа в электронном виде, используемом при этом оцифровывающем устройстве и его параметрах, об условиях хранения; данных динамики цифровой подписи.

При детальном изучении можно выделить следующие особенности исследования признаков подписи. Исследование отдельных признаков обусловлено дискретностью фиксируемого сигнала подписи, при котором каждое динамическое событие отображается в виде точки, а изображение в целом

цифровой подписи представляется в виде множества точек. Графическое изображение цифровой подписи в виде непрерывной линии осуществляется программным способом с применением алгоритмов сглаживания. В подписи наблюдается отсутствие полутонов, а исследование признаков производится по извлеченным данным цифровой биометрической подписи.

Большинство признаков оценивается по традиционным правилам, однако при изучении транскрипции, четкости, координации движений 1-й группы, темпа, степени и характера нажима используются инструменты специального программного обеспечения. Кроме того, имеется возможность исследования так называемых ненажимных штрихов, т. е. штрихов, образованных движениями пера при отрыве от поверхности планшета и не отображающихся на дисплее планшета или во внешнем представлении документа в электронном виде [2, с. 39]. Важным преимуществом цифровой подписи также является возможность изучения нажимных характеристик: среднего значения нажима, структуры распределения значений нажима по времени и траектории выполнения, ритмичности и дифференцированности.

Таким образом, можно констатировать следующее:

- при исследовании цифровой биометрической подписи устанавливается значительный объем почерковой информации, способствующий по сравнению с традиционным исследованием расширению возможностей решения почерковедческих задач по отдельным аспектам;
- выявляемые с использованием специального программного обеспечения в цифровой биометрической подписи признаки обеспечивают эффективное проведение идентификационного исследования по установлению исполнителя подписи и условий ее выполнения.

Список основных источников

1. Ефременко Н. В., Подполуха М. М. Современные возможности проведения почерковедческого исследования цифровой рукописной биометрической подписи // Теория и практика судебной экспертизы : сб. науч. тр. Междунар. форума, г. Москва, 25 марта 2022 г. / Моск. ун-т МВД Рос. Федерации им. В. Я. Кикотя. М., 2022. С. 247–253. [Вернуться к статье](#)
2. Подполуха М. М. Почерковедческое исследование цифровой рукописной биометрической подписи // Судебная экспертиза Беларуси. 2022. № 1 (14). С. 37–43. [Вернуться к статье](#)
3. Методика исследования подписей / В. Ф. Орлова [и др.] // Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / М-во юстиции Рос. Федерации, Рос. федер. центр судеб. экспертизы ; под науч. ред. д-ра юрид. наук В. Ф. Орловой. М., 2011. Гл. 3. С. 209–518. [Вернуться к статье](#)

4. Методики исследования текстов малого объема и кратких записей / В. Ф. Орлова [и др.] // Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / М-во юстиции Рос. Федерации, Рос. федер. центр судеб. экспертизы ; под науч. ред. д-ра юрид. наук В. Ф. Орловой. М., 2011. Гл. 2. С. 94–208. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.7

Я. А. Климова

*профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

СПЕЦИФИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Современный уровень развития различных IT-технологий и их повсеместное распространение в информационном пространстве способствовали появлению новых способов совершения преступлений.

Согласно статистическим данным, в 2020 году правоохранные органы Российской Федерации зарегистрировали 510 400 преступлений, совершенных с помощью информационных технологий. В 2021 году на деяния рассматриваемой категории пришлось каждое четвертое из зарегистрированных преступлений (517 700 преступлений). В 2022 году зарегистрировано 522 100 преступлений, совершенных с помощью информационных технологий. В 2023 году с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершено каждое третье преступление (на 29,2 % преступлений больше, чем в 2022 году) [1; 2].

Согласимся с мнением В. В. Полякова, который полагает, что такое отставание вызвано неразработанностью частной криминалистической методики расследования высокотехнологичных преступлений [3, с. 85].

Кроме этого, проблемы расследования преступлений в условиях информационно-технологического развития общества рассматриваются в работах таких ученых-криминалистов, как А. А. Бессонов, В. Б. Вехов, Е. П. Ищенко, П. С. Пастухов, Е. Р. Россинская и др. [4; 5; 6; 7].

Следует подчеркнуть, что перечень преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, весьма значителен, и прогнозы по дальнейшей информатизации общества свидетельствуют о том, что он будет расширяться.

В последнее время все более популярным становится такой вид преступления, совершенного с использованием искусственного интеллекта, как мошенничество с применением технологии Deepfake.

Дипфейк (англ. Deepfake, от deep learning — глубокое обучение и fake — подделка) — технология на базе искусственного интеллекта, позволяющая создавать ложные изображения и видео на основе реальных кадров [8].

Алгоритм анализирует большое количество снимков, видео и учится тому, как может выглядеть, говорить и двигаться конкретный человек. Нейросеть собирает из Интернета, в том числе из открытых источников в социальных сетях, фотографии человека с разными выражениями лица и создает из них новое изображение или видео.

Таким образом, нейросети научились создавать цифрового двойника практически любого человека. Они могут подделывать не только внешность, но и голос. Как только технология стала доступна всем, ее начали использовать и мошенники.

Поскольку генеральная идея любых дипфейков — максимальная реалистичность и правдоподобность, то уже сегодня можно наблюдать лавинообразный рост модифицированного контента, созданного с целью манипуляции сознанием отдельно взятого человека. Один из самых распространенных и при этом легких дипфейк-способов изъятия денежных средств у населения — запись мошенниками голоса жертвы (главная задача состоит в том, чтобы добиться произнесения ключевых слов, например, таких как «да»), на основе которой генерируется типовая звуковая дорожка для «общения» с роботом службы поддержки банка. Грамотно синтезированная на базе ключевых фрагментов запись позволяет «достоверно» ответить на все вопросы робота для перевода средств на нужный мошенникам счет.

В начале 2024 года уже зафиксированы попытки использования нового способа мошенничества в России: преступники, используя технологию дипфейка для подтверждения по видеозвонку личности владельца аккаунта, обращаются в банк с просьбой привязать личный кабинет к новому номеру телефона. После указанных действий мошенники получают полный доступ к личному кабинету потерпевшего и ко всем денежным средствам. При этом выявить подделку можно только с помощью специальных программ.

Так, в конце 2023 года СБЕР запатентовал технологию по распознаванию дипфейков, целью которой является повышение точности и эффективности обнаружения синтетического изменения изображений лиц людей в видео.

Основу технологий составляют ряд ансамблей нейросетевых моделей класса EfficientNet (патент № 2768797) [9] и метод амплификации и анализа средствами искусственного интеллекта микроизменений в цветах объектов на кадрах (патент № 2774624) [10]. Объединенные в одну систему, они

позволяют с высокой точностью определить синтетически измененные изображения лиц на видео.

Отличительной особенностью системы является возможность обработки видеоконтента с несколькими лицами в кадре. В этом случае система выявляет отдельное лицо, созданное синтетическим образом, и оценивает его достоверность, что позволяет противодействовать ряду методов обхода систем выявления дипфейков.

Разработанные технологии предназначены для использования при решении следующих задач:

- защита от кибератак с обходом систем Face Recognition и Liveness Detection;
- выявление на ранних стадиях информационных атак с целью борьбы с фейковыми новостями;
- обеспечение защиты переговоров по видео-конференц-связи;
- обеспечение защиты от мошеннических действий.

Показатели эффективности системы при замерах на независимых тестовых выборках составили 98 %, что существенно выше показателей опубликованных аналогов.

Важность исследуемой проблемы подтверждается тем, что депутаты выступили с законодательной инициативой о введении ответственности за несанкционированное использование голоса и изображений человека в целях мошенничества.

Таким образом, считаем необходимым разрабатывать методику расследования преступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта, в целях повышения эффективности их расследования.

Список основных источников

1. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 12.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Статистические сведения МВД о состоянии преступности за 2023 год // Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/> (дата обращения: 30.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Дипфейк // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/dipfeik-f9f89b> (дата обращения: 03.03.2024). [Вернуться к статье](#)
4. Поляков В. В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // Lex russica (Русский закон). 2022. 75 (6). С. 85–96. [Вернуться к статье](#)

-
5. Бессонов А. А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 46–52. [Вернуться к статье](#)
6. Вехов В. Б., Пастухов П. С. Формирование стратегий расследования преступлений на основе положений электронной криминалистики // Ex iure. 2019. № 4. С. 129–141. [Вернуться к статье](#)
7. Ищенко Е. П. У истоков цифровой криминалистики // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 15–28. [Вернуться к статье](#)
8. Россинская Е. Р. К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // Юрид. вестн. Самарского ун-та. 2019. № 4. С. 144–151. [Вернуться к статье](#)
9. Способ и система для определения синтетически измененных изображений лиц на видео [Электронный ресурс] : пат. RU 2768797 / К. Е. Вышегородцев, А. В. Балашов, Г. А. Вельможин, В. В. Сысоев. Оpubл. 24.03.2022. URL: https://www1.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=RUPAT&DocNumber=2768797&TypeFile=html (дата обращения: 30.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. Способ и система определения синтетических изменений лиц в видео [Электронный ресурс] : пат. RU 2774624 / И. А. Оболенский, В. В. Сысоев, А. В. Балашов. Оpubл. 21.06.2022. URL: https://www1.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=RUPAT&DocNumber=2774624&TypeFile=html (дата обращения: 30.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.2

Н. Н. Кубышкина

*преподаватель кафедры криминалистики
Рязанского филиала Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя*

В. А. Попов

*начальник кафедры криминалистики
Рязанского филиала Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Наш мир не стоит на месте, и общество постоянно развивается, в том числе и в информационном плане, в связи с чем современный процесс раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений стал высокотехнологичным. Говоря об изменениях средств и сил правоохранительных органов и специалистов, стоит отметить, что изменения проходят не только в области тюнинга, а в целом в модернизации, внедрении новейших средств, техники, изобретают новые методы борьбы с преступностью [1, с. 9].

Технико-криминалистические средства (далее — ТКС) постоянно развиваются с момента своего появления. За последнее время арсенал ТКС дополнили высокопрочные слепочные материалы, цифровые фото, различные средства измерения, активно используются ИК-лучи, УФ-лучи, рентген, микроскопы, которые имеют свою узкую специализацию.

Кроме того, благодаря использованию совершенно новых материалов и источников энергии, формы передвижения данного вида технического оборудования характеризуются надежностью, универсальностью и высоким уровнем технологий, что обеспечивает достаточные резервы срока службы, не исключая при этом возможности дальнейших усовершенствований. Многие устройства такого типа стали революционным прорывом в области обнаружения и идентификации в техническом оборудовании. Среди них можно выделить специализированное осветительное оборудование, которое может решать широкий спектр задач. Эти осветительные приборы могут быть использованы не только для обнаружения следов биологического происхождения, отпечатков пальцев, волокон тканей и признаков подделки документов (например, Projectina SL-45, «Светоч-К», Crime-Lite и т. д.), но и для отслеживания признаков укусов, порезов, гематом и ран (например, «Дозор Спектр-405», «Дозор Спектр М»,

«Светоч-МАКС» и др.), для обнаружения следов пыли от обуви на различных поверхностях (например, Crime-Lite 82L, Projectina CSL-SHOE и т. д.) [2, с. 384].

В настоящее время основной объем переработки, обработки и в целом приобретения информации приходится именно на компьютерную технику, так как в современном мире (последние 60 лет) человечество не может обойтись без компьютеров. Огромное преимущество этих вычислительных машин заключается в том, что они качественно облегчают работу специалистов, экспертов и многих других. Также великие достижения электронные ресурсы совместно с техникой показали в автоматизации учетов, обработке информации, а особенно в хранении [3, с. 28].

Как говорилось выше, мир не стоит на месте, общество развивается, соответственно, вместе с этим и люди приспособились обмениваться опытом и разработками как внутри страны, так и за рубежом. Например, положительно повлияло взаимодействие зарубежных стран с Россией при создании эффективной информационно-поисковой системы «АИПСИН-АнтиНаркотики», которая впервые была разработана белорусскими специалистами, а в настоящее время эффективно применяется в правоохранительных органах Российской Федерации («АИПСИН-АнтиНаркотики 2.0»), а также в странах Евразийского экономического союза. Указанная система предоставляет возможность пользователям ознакомиться с комплектацией модулей и инновационного обеспечения, которое основывается на постоянно обновляемых базах данных, которые проводят идентификацию психотропных веществ, наркотиков, выдавая в последующем, после анализа, заключения о результатах исследования, а также выполняет множество иных функций. Говоря о совместных разработках России с другими странами, можно отметить российско-белорусскую разработку — автоматизированную систему портретной идентификации «Портрет 2005», которая позволяет пользователям распознать человека по графическому изображению лица. Данная система имеет возможность распознавать лица по антропологическим точкам на графике изображения, провести сравнительный анализ совпадений и отличий по фотоснимкам трупов, а также составить субъективные портреты и, исходя из всего этого, формировать и хранить базу данных изображений.

Стоит отметить, что наша страна довольно активно участвует с Республикой Беларусь в создании качественных и широко используемых программ. Это подтверждает еще одна программа, которая дает экспертам и специалистам ключ к базе данных коллективных портретов популяций по этнографическому происхождению, название которой «ДНК-идентификация».

Примером интенсивного развития ТКС является то, что одна из первых отечественных и лучших автоматизированных информационных систем АДИС «Папилон» смогла больше чем за 20 лет стать огромной разветвленной сетью взаимосвязанных систем, причем включая при всем этом в себя мобильные аппаратно-программные комплексы «Папилон-М» и многие другие, которые могут в реальном времени при осмотре места происшествия проверить потожировые следы по базе данных «ЦАДИС» [4, с. 114].

Общество стало очень зависимым от техники в виде компьютеров, ноутбуков, мобильных устройств, что является как помощником для человека, так и врагом, ведь сейчас распространены атаки в информационной среде. Исходя из этого, были созданы аппаратно-программные комплексы «Мобильный криминалист Детектив», «Мобильный криминалист Эксперт», UFEDTouch2, UFEDTK, UFED 4PC, UFEDinfieldKiosk и многие другие. Все эти программы применяются и в лабораториях, и на месте проведения следственного действия, обеспечивая возможность изъятия информации с любого рода носителей этой информации.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что, несмотря на достаточное интенсивное развитие технико-криминалистических средств с момента их появления, существуют направления, в которых есть необходимость их дальнейшего развития. Кроме того, появление новых методов и способов совершения преступлений определяет необходимость дальнейшего развития существующих технико-криминалистических средств и появления новых.

Список основных источников

1. Головашова В. В. Применение цифровых технологий в криминалистике // Студенч. вестн. 2023. № 21-4 (260). С. 9–10. [Вернуться к статье](#)
2. Далелов М. Л. Цифровая трансформация криминалистики // Евраз. юрид. журн. 2023. № 5 (180). С. 383–385. [Вернуться к статье](#)
3. Данилова Н. А., Елагина Е. В. Научное наследие ленинградской школы криминалистики и его современная интерпретация // Вестн. Ун-та прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 27–31. [Вернуться к статье](#)
4. Дмитриева А. Д., Фединцева А. А., Селезнёв А. В. Возможности цифровой криминалистики в современном обществе // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 95-3. С. 113–115. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Г. Г. Непеин**научный сотрудник криминалистической лаборатории
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРЕВЕНЦИИ

Преступность — это явление, которое представляет собой реальную угрозу не только для государства, но и прежде всего для общества в целом. Рассматривая данное негативное явление как процесс, всегда встает вопрос о необходимости своевременного его предотвращения (предупреждения). Поэтому важным элементом механизма сдерживания преступлений является специализированная деятельность органов предварительного расследования, на которую в свое время обращали внимание авторы изданного в 1949 году справочного пособия «Настольная книга следователя». Они указывали, что следователь в ходе расследования преступления обязан не только установить причины и условия, способствовавшие его совершению, но и принять меры к устранению, а также предупреждению новых противоправных деяний [1, с. 85].

Вопросы предупреждения противоправных уголовно наказуемых деяний рассматриваются не только в пределах криминологических исследований, но и в исследованиях, посвященных теории криминалистической профилактики преступлений.

Вместе с тем в отличие от криминологической профилактики, носящей по большей части допреступный характер, криминалистическая превенция ограничена рамками уголовного судопроизводства в части раскрытия и расследования конкретного преступления.

Одно из центральных мест в исследованиях, посвященных криминалистической профилактике преступлений, занимает определение предмета криминалистической превенции, относительно которого единого мнения нет.

Так, одни авторы рассматривали в качестве предмета такой профилактики научно-технические и оперативно-тактические приемы и средства, направленные на выявление, исследование и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений [2, с. 107]. Другие исследователи в предмет превенции включали закономерности возникновения информации об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, обнаружению,

исследованию, оценке, и последующее использование ее в профилактических мероприятиях [3, с. 102].

Вместе с тем Р. С. Белкин полагал, что любая частная криминалистическая теория является подсистемой общей теории криминалистики, а ее предмет — это элемент, часть, сторона предмета криминалистической науки [4, с. 19–20].

Основываясь на том, что теория криминалистической превенции является составной частью криминалистики, предметом профилактической деятельности следователя при расследовании преступления, по нашему мнению, будет являться:

1. Установление механизма совершенного преступления. Знание о криминалистически значимых свойствах отдельных элементов механизма преступления позволяет следователю получить достаточно полное представление о типичных обстоятельствах, складывающихся на определенных этапах расследования преступлений, применении мер профилактического характера и возможных объектах криминалистического профилактического воздействия.

2. Установление информации о непосредственных объектах криминалистического профилактического воздействия. Деятельность по собиранию, исследованию, оценке и использованию такого рода информации в профилактической деятельности, в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, входит в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [5]).

3. Средства и методы криминалистической профилактики, реализуемые в процессе раскрытия и расследования преступления. Основным средством выявления причин и условий, способствовавших совершению противоправных деяний, а также достижению целей исправления и перевоспитания личности правонарушителей, является расследование преступлений. Для этого используются те же следственные действия, которые применяются при установлении фактических обстоятельств наступившего преступного события: допросы свидетелей, потерпевших, подозреваемого, обвиняемого; назначение и проведение судебных экспертиз; следственные осмотры; истребование документов и другие действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

Список основных источников

1. Настольная книга следователя / Г. Н. Александров [и др.] ; под общ. ред. Г. Н. Сафонова ; редкол.: С. Я. Розенблит, П. И. Тарасов-Родионов, Л. Р. Шейнин. М. : Госюриздат, 1949. 879 с. [Вернуться к статье](#)

2. Колмаков В. П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 107. [Вернуться к статье](#)

3. Фридман И. Я. Вопросы профилактики преступлений в системе криминалистики // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 8. Киев, 1971. С. 101–102. [Вернуться к статье](#)

4. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие : в 3 т. М. : Юристъ, 1997. Т. 2. Частные криминалистические теории. 464 с. [Вернуться к статье](#)

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. № 672-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.948.2

Д. Н. Панченя

*начальник отдела исследования и учетов объектов
животного происхождения и волокнистой природы
центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ-ВОЛОКНОВЕДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В современных условиях стремительного развития науки и техники особое значение приобретает компетенция судебного эксперта. Актуализация и совершенствование имеющихся методик, внедрение новых видов экспертиз и исследований, качественное выполнение иных задач, стоящих перед Государственным комитетом судебных экспертиз (далее — ГКСЭ), невозможны без наличия высококвалифицированных сотрудников.

Профессиональная подготовка экспертов-волоконников, являясь одним из направлений судебно-экспертной деятельности, оказывает значительное влияние на эффективность использования специальных знаний об объектах волокнистой природы и изделиях из них (далее — ОВПиИ) в процессе расследования преступлений. Она осуществляется на этапе получения высшего образования путем освоения образовательных программ переподготовки, повышения квалификации, а также в ходе непрерывной профессиональной подготовки экспертов. В данной работе не рассматриваются другие формы обучения экспертов, используемые ГКСЭ (обучающие семинары, стажировки, конференции, наставничество, самоподготовка, получение допуска на право самостоятельного проведения отдельных видов судебных экспертиз и т. д.).

На сегодняшний день направление «Судебная экспертиза» в Республике Беларусь представлено одной специальностью общего высшего образования, обеспечивающего получение степени «бакалавр», и 22 специальностями переподготовки на уровне высшего образования. Эти специальности четко идентифицируют сферу профессиональной деятельности выпускника, так как присваиваемая квалификация содержит указание «судебный эксперт». Подготовка специалистов на базе высшего образования не проводится, более эффективной формой обучения является переподготовка, что, на наш взгляд, вполне оправданно.

Несмотря на достаточно высокий уровень базовой подготовки, сегодня все чаще наблюдается потребность правоохранительных органов в корректировке программ высшего образования, в связи с чем предлагается:

1. Внести изменения в программу подготовки курсантов учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (далее — Академия МВД) в рамках учебной дисциплины «Криминалистика» (тема 6 «Криминалистическое исследование микрообъектов, биологических и запаховых следов»), дополнив ее лекционными и практическими занятиями на тему «Объекты волокнистой природы и изделия из них. Текстильные волокна»; дополнить «Практикум по криминалистике» разделом «Особенности обнаружения и изъятия микрочастиц текстильных волокон».

2. Внести изменения в учебную программу «Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий и материалов документов» учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности 1-99 02 01 (ныне — 6-05-1037-01) «Судебные криминалистические экспертизы» (Академия МВД), дополнив ее темой «Особенности работы с объектами волокнистой природы и изделиями из них в ходе проведения осмотров мест происшествий, иных следственных и процессуальных действий».

3. Продолжить зарекомендовавшую себя с положительной стороны практику привлечения профильных сотрудников ГКСЭ в проведении занятий с курсантами Академии МВД, обучающимися по специальностям 1-24 01 02 «Правоведение» и 1-99 02 01 «Судебные криминалистические экспертизы».

Отмечая исключительную роль высшего образования в формировании профессиональных компетенций будущего эксперта, в качестве приоритетного направления нами все же видится система переподготовки на базе высшего образования. В данном случае она касается направлений «Судебная экспертиза» и «Участие специалиста в следственных и иных процессуальных действиях». И если по первому направлению подготовка экспертов на постоянной основе осуществляется уже с 2013 г., то второе, несмотря на растущую потребность практики, пока только планируется. Сегодня запросы в переподготовке в полном объеме удовлетворяет государственное учреждение образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» (далее — Институт ГКСЭ), осуществляющий свою деятельность в соответствии с утвержденными образовательными стандартами и нормативными правовыми актами. Основываясь на анализе их содержания, в целях повышения эффективности

использования специальных знаний об ОВПиИ в процессе расследования преступлений нами был актуализирован ряд программ:

- учебная программа дисциплины «Судебная экспертиза материалов, веществ и изделий» для слушателей специальности переподготовки 1-99 02 79 «Судебная экспертиза материалов, веществ и изделий»;
- образовательный стандарт переподготовки руководящих работников и специалистов для слушателей специальности переподготовки 9-09-1037-14 «Судебная экспертиза материалов, веществ и изделий»;
- учебный план переподготовки для слушателей специальности переподготовки 9-09-1037-14 «Судебная экспертиза материалов, веществ и изделий».

Одним из прорывных шагов в обучении экспертов-волоконников нами видится разработка и внедрение учебной программы переподготовки по направлению «Участие специалиста в следственных и иных процессуальных действиях». В данную программу, помимо общих специфических компетенций специалиста, по нашей инициативе предлагается включить комплекс компетенций по работе с веществами, материалами и изделиями, в том числе ОВПиИ как одними из самых распространенных объектов исследования.

На сегодняшний день в число наиболее эффективных форм получения современных знаний об ОВПиИ входит повышение квалификации. Начиная с 2023 г. в Институте ГКСЭ стало возможным повышение квалификации по теме «Практические вопросы участия специалиста в осмотрах мест происшествий». Для освоения содержания указанной программы направляются сотрудники ГКСЭ, привлекаемые в качестве специалистов для участия в проведении осмотров мест происшествий. Одной из тем занятий в рамках повышения квалификации предлагается «Современное состояние работы с объектами волокнистой природы и изделиями из них на месте происшествия».

Что касается служебной подготовки экспертов, то в план проведения занятий по специальной подготовке на постоянной основе включаются темы, касающиеся использования современных научно-технических средств, методов и приемов поиска, обнаружения, фиксации, упаковки и изъятия ОВПиИ в ходе проведения осмотра места происшествия, иных следственных и процессуальных действий. Кроме того, изменены подходы в организации процесса обучения и проверки уровня подготовки специалистов, претендующих на право самостоятельного участия в осмотрах мест происшествий. Для этого разработана и внедрена «Учебная программа подготовки сотрудников (работников) главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь к сдаче экзамена

на право самостоятельного участия в качестве специалиста в осмотрах мест происшествий и иных процессуальных действиях, применения криминалистических средств и методов в рамках оперативно-розыскных мероприятий».

Таким образом, реализация предлагаемых в статье организационных мероприятий позволит скорректировать с учетом предъявляемых требований процесс профессиональной подготовки экспертов по направлению «Судебная экспертиза волокнистых материалов и изделий из них» на отдельных ее этапах: получение высшего образования, переподготовка, повышение квалификации, служебная подготовка. Их внедрение и использование будут способствовать повышению результативности проведения осмотров мест происшествий и иных следственных действий, росту качества проведения экспертиз и исследований, а также совершенствованию судебно-экспертной деятельности в целом.

УДК 343.985

А. П. Пацкевич

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ КАК ОСНОВА ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминалистической версии как научной категории в юридической литературе посвящено много публикаций, в частности ее рассматривали в своих работах В. П. Антипов, Г. В. Арцишевский, Д. В. Бахтеев, Р. С. Белкин, В. Ф. Ермолович, Г. А. Зорин, А. М. Ларин, Я. Пещака, Е. Е. Центров и многие другие, но до настоящего времени нет единого мнения о природе и сущности версии и ее значении в расследовании преступлений [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9, с. 4–13; 10].

Говоря о процессе расследования, следует отметить, что первоначальная информация о совершенном криминальном событии чаще всего неполная, а иногда и противоречивая. Порой к сотрудникам органов уголовного преследования на начальном этапе попадают сведения неполные, а иногда явно недостаточные для обоснованного решения вопроса о возбуждении уголовного дела, т. к. иногда в полной мере отсутствуют данные о лице, виновном в совершении правонарушения, и иных значимых фактах для расследования уголовного дела. Учитывая этот факт, версии, которые выдвигаются следователем или лицом, производящим дознание, прежде всего должны логически обосновать предположения, объясняющие происхождение той или иной криминалистически значимой информации, полученной при производстве неотложных следственных действий, например осмотра места происшествия.

Сущность любой криминалистической версии заключается в том, что это предположение, логически построенное на определенных сведениях, которое опирается на существующие факты, объясняющие определенные явления, напрямую зависит от ряда факторов, к которым необходимо отнести в том числе компетентность следователя: его профессионализм и личный опыт по расследуемой категории преступлений, наличие определенных юридических знаний, в том числе и в области криминалистики.

Специфика в деятельности сотрудника органа уголовного преследования имеет свои особенности, «связанные с негативной обстановкой преступного события, а также необходимостью выполнения своих профессиональных задач

в условиях дефицита времени, значительных психоэмоциональных перегрузок и т. п., и необходимостью действий в условиях строгого соблюдения Конституции и уголовно-процессуального законодательства. Темп современной жизни не может не отразиться на процессах расследования. Проблемой остается эмоциональная стабильность следователя в данных условиях» [11, с. 58].

Учитывая все это, следователь, не наблюдавший событие преступления, должен мысленно, сопоставляя с имеющейся следовой картиной происшествия (наличие материальных и идеальных следов), обосновать именно конкретные криминалистические версии, как общие, так и частные, о совершенном правонарушении, что с учетом вышесказанного не всегда достигает положительного результата, может приводить к так называемым следственным ошибкам. Например, когда в ходе расследования, отбрасывая в сторону имеющуюся оперативную информацию, представленную сотрудниками оперативных подразделений, следователь фактически концентрируется только на лично выдвинутой следственной версии о совершенных преступлениях и лицах, их совершивших. При этом нарушается порядок построения и проверки версий (выведение из версии всех возможных с учетом имеющейся информации следствий; производство оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий с целью получения данных, подтверждающих или опровергающих версию; анализ собранных доказательств, которыми обосновывается вывод о подтверждении (истинности) проверяемых версий и ложности остальных).

На наш взгляд, для проверки выдвинутых версий следователь обязан прежде всего установить причинно-следственную связь между фактическими данными, которые он установил в ходе производства следственных действий между собой и событием преступления. Установленные при этом фактические данные должны тщательно анализироваться и оцениваться, и здесь, кроме личного опыта и профессионализма следователя, могут пригодиться всевозможные криминалистические рекомендации, изложенные в публикациях последних лет [11, с. 58–60].

Каждое совершенное преступление не похоже на предыдущее, поэтому возможно использовать методы программирования определенных алгоритмов в деятельности следователей, в частности тех, кто еще не обладает значительным опытом в расследовании преступлений [12, с. 155–159; 13, с. 73–74; 14, с. 60–63; 15, с. 18–20; 16, с. 81–89].

На наш взгляд, криминалистическая алгоритмизация производства следственных действий с целью проверки выдвинутых криминалистических версий может значительно улучшить положение дел в сфере расследования преступлений.

Список основных источников

1. Антипов В. П. Криминалистические характеристики преступлений и системы типичных версий // Алгоритмы и организация решений следственных задач : сб. науч. тр. / Иркут. гос. ун-т ; редкол.: В. И. Шиканов (отв. ред.) [и др.]. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 49–56. [Вернуться к статье](#)
2. Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. М. : Юрид. лит., 1978. 103 с. [Вернуться к статье](#)
3. Бахтеев Д. В. Переход от вероятностных знаний к достоверным и достаточным в процессе раскрытия и расследования: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 ; Урал. гос. юрид. ун-т. Екатеринбург, 2015. 200 с. [Вернуться к статье](#)
4. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Изд-во БЕК, 1997. 342 с. [Вернуться к статье](#)
5. Ермолович В. Ф. Версии при расследовании преступлений : моногр. Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2009. 215 с. [Вернуться к статье](#)
6. Ермолович В. Ф., Ермолович М. В. Построение и проверка версий : моногр. Минск : Амалфея, 2000. 178 с. [Вернуться к статье](#)
7. Зорин Г. А. Криминалистические алгоритмы информационно-аналитических технологий интегративно-модульных систем // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. С. 58–59. [Вернуться к статье](#)
8. Ларин А. М. От следственной версии к истине. М. : Юрид. лит., 1976. 200 с. [Вернуться к статье](#)
9. Центров Е. Е. Следственные версии и некоторые новации «информационных технологий доказывания» // Вестн. криминалистики : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Филиппов. М. : Спарк, 2007. Вып. 3 (23). С. 4–13. [Вернуться к статье](#)
10. Пещак Я. Следственные версии. Криминалистическое исследование : пер. со словац. А. М. Ларина ; под общ. ред. А. Р. Ратинова. М. : Прогресс. 1976 г. 228 с. [Вернуться к статье](#)
11. Баркова Т. В. Профессиональная компетентность следователя как залог успешного расследования // Вестн. науки и образования : науч.-метод. журн. № 5 (83). Ч. 1. 2020. С. 58–60. [Вернуться к статье](#)
12. Аникеева Н. А., Набатова А. Э. Криминологическая алгоритмизация и программирование в раскрытии и расследовании преступлений // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2005. № 1 (9). С. 155–159. [Вернуться к статье](#)
13. Говорова Е. С. Криминалистический алгоритм установления обстоятельств, характеризующих субъективную сторону преступления // Закон и право. 2009. № 4. С. 73–74. [Вернуться к статье](#)
14. Набатова А. Э. Системный подход к разработке методов криминалистической алгоритмизации и программирования // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2009. № 1. С. 60–63. [Вернуться к статье](#)
15. Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Практика. Прикладные аспекты. М. : Лига Разум, 2000. 250 с. [Вернуться к статье](#)
16. Пацкевич А. П. Алгоритмизация — эффективный метод оптимизации расследования краж // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса,

криминалистики и оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. С. 81–89. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

И. В. Пашута

*доцент кафедры криминалистики
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ВИДЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В СОТОВОМ (МОБИЛЬНОМ) ТЕЛЕФОНЕ

В век цифровых технологий трудно себе представить жизнь человека без ежедневного использования сотового (мобильного) телефона (далее — мобильное устройство), который стал не только устройством связи, но и многофункциональным средством общения, управления финансами, досуга и даже средством заработка. В то же время мобильный телефон часто является средством общения между преступниками, вовлечения в преступную деятельность других лиц, а также выступает в качестве орудия преступления или предмета преступного посягательства.

Являясь средством или объектом преступной деятельности, мобильное устройство выступает важным источником криминалистически значимой информации, которая может быть использована для установления обстоятельств, имеющих значение для выявления (раскрытия), расследования и предупреждения преступлений.

Криминалистически значимую информацию, связанную с мобильным устройством, целесообразно разделить на два вида: внешнюю и внутреннюю. Внешняя информация включает в себя данные о марке, модели устройства, его физическом состоянии; мобильное устройство является источником многих традиционных криминалистических следов (рук, пота, слюны и др.).

Внутренние криминалистически значимые данные представлены в виде компьютерной информации (включающей в себя и электронно-цифровые следы), которая содержится во внутренней памяти устройства, на сим-карте и во внешней памяти (если она имеется).

Внутренняя память мобильного устройства и сим-карта выступают источниками криминалистически значимой информации о контактах, входящих/исходящих звонках, их аудио-, видеозаписях, содержании текстовых и мультимедийных сообщений (СМС/ММС), заметках и напоминаниях, установленных приложениях, хранящихся личных и служебных документах, фото-, аудио-, видео- и иных файлах.

Так, например, при изучении контактов можно выявить имеющую значение для раскрытия и расследования преступлений дополнительную

информацию о дате рождения, адресе проживания, месте учебы, работы, имейле, наличии профиля в социальных сетях, фотографиях контактов, сохраненных пользователем. Посредством исследования СМС-сообщений можно получить информацию о переписке между контактами лица (членами семьи, родственниками, друзьями, коллегами по работе и др.), движении по банковским счетам (зачисление, перевод, списание денежных средств), включая различные оплаты услуг банковской картой (время, место, сумма списания денежных средств), государственном номере автомобиля, дате, времени, нахождении на платной городской парковке (в случаях, если оплата парковки осуществлялась посредством СМС); установить время, когда лицо находилось вне зоны действия сети (в лифте, на подземной парковке, вне зоны покрытия и т. п.) или когда телефон был выключен (в случаях, если в это время поступал звонок) и др.

Не стоит забывать, что мобильное устройство является и средством доступа в Интернет. В этой связи криминалистически значимыми являются данные приложений, связанных с веб-пространством (сведения о дате установки, контактах лица в мессенджерах, социальных группах, подписанных телеграм-каналах, наличие фотографий и медиафайлов, информация о местоположении, маршруте движения, посещенных пользователем местах, движении денежных средств и т. д.); истории просмотров веб-страниц и закладок в браузерах (социальных сетей, форумов и т. д.), наличие браузера Tor; данные средств синхронизации (представляющие интерес сведения при установлении соответствующих настроек могут сохраниться в Интернете в облачных хранилищах, реализующих синхронизацию файлов, например, Google Disk, OneDrive Dropbox, iCloud, «Яндекс.Диск», Samsung Cloud, Xiaomi Cloud и др., даже если они удалены в самом устройстве); данные геолокации устройства (сведения о перемещениях: пешком, на автомобиле, городском транспорте, авиаперелетах и др.).

Широкий спектр важной информации можно получить при осмотре установленных на телефоне приложений для мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров). Помимо содержащихся в них различных текстовых сообщений, изображений, аудиофайлов и документов, интерес представляют сведения о входящих/исходящих голосовых и видеосоединениях, в том числе и с абонентами, которых нет в записной книге самого телефона (дата, время, количество, продолжительность соединений и т. п.). Следует помнить, что используемая мессенджерами технология автоматического сквозного шифрования общения и обмена различной информацией через Интернет (E2EE или end-to-end encryption) исключает возможность ее дешифрования со стороны третьих лиц.

Внешняя память представляет собой съемный носитель данных, используемый для расширения памяти в Android-телефонах. Посредством исследования такого носителя можно получить криминалистически значимую информацию.

Производя поиск криминалистически значимой информации, содержащейся в мобильном телефоне, можно получить сведения и о самом устройстве. К таким сведениям относятся, например: IMEI (международный идентификатор мобильного оборудования), марка и модель телефона, серийный номер, версия прошивки операционной системы, телефонный номер сим-карты, IP-адрес, MAC-адрес, наименование сетей Wi-Fi, к которым ранее подключался телефон, и др.).

Анализ вышеуказанных данных позволяет лучше понять (изучить) личность, поведенческие паттерны лица, в некоторых случаях — установить его возможное местонахождение, знакомство с конкретным лицом (никнеймом), может свидетельствовать и о наличии у лица алиби.

Таким образом, при исследовании мобильного устройства можно получить большой объем криминалистически значимой информации, которую целесообразно разделить на два вида: внешнюю и внутреннюю. Изучение такой информации, как видится, позволит лучше подготовиться к проведению конкретных следственных действий с лицом — владельцем телефона, установить различные обстоятельства, имеющие значение для выявления (раскрытия), расследования и предупреждения преступлений.

УДК 343.98

*Н. Н. Пашута**адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОВЕДЕНИЯ
ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
ПРИ РАЗРЕШЕНИИ МАТЕРИАЛОВ
ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ ИЛИ СООБЩЕНИЯМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ**

Одной из задач уголовного процесса, вытекающих из положений ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, является быстрое и полное расследование преступлений [1]. Центральное место в ее решении, на наш взгляд, занимает стадия возбуждения уголовного дела, а именно проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении (далее — проведение проверки). От того, насколько своевременно, обоснованно и, главное, законно принято уголовно-процессуальное решение по поступившему заявлению или сообщению о преступлении, будет зависеть решение задач уголовного процесса в целом.

В настоящее время законодатель для обеспечения полноты проведения проверки идет по пути расширения полномочий должностных лиц органов уголовного преследования на указанной стадии уголовного процесса. Несмотря на это, деятельность уполномоченных лиц, в соответствии со ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, все же ограничена исчерпывающим перечнем процессуальных действий. В то же время установление данных, указывающих на признаки преступления, допускается путем проведения не только процессуальных действий, закрепленных в указанной норме, но и путем проведения оперативно-розыскных мероприятий [1]. На наш взгляд, это связано с тем, что в большинстве своем проведение проверки обусловлено информационной неопределенностью со многими неизвестными и, соответственно, пути решения далеко не всегда очевидны, а порой и затруднительны. В этой связи полагаем, что одним из путей, способствующих решению задач проведения проверки, основанным на ситуационном подходе, является использование тактических комплексов, разрабатываемых в рамках теории тактических операций.

Понятие тактических операций как средства решения задач уголовного судопроизводства впервые предложено А. В. Дуловым в 1972 году. Под тактической операцией им понимается совокупность следственных, оперативных,

ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий [2, с. 44].

Исследованию проблем теоретических и практических аспектов тактических операций также посвящены работы А. С. Андреева, О. Я. Баева, Р. С. Белкина, Л. Я. Драпкина, Н. В. Кручининой, А. С. Князькова, М. Ю. Лакомской, Н. Ю. Пономаренко, В. И. Шиканова, А. В. Яскевича и др. В своих трудах ученые уделяли внимание теоретическим вопросам развития понятийного, терминологического и классификационного аппарата. Проведенные исследования и внедрение полученных результатов в практическую деятельность позволили подтвердить высокую эффективность применения тактических операций в ходе раскрытия и расследования преступлений. В то же время, несмотря на большое количество проведенных исследований, учеными, на наш взгляд, уделено недостаточно внимания вопросам тактических операций при проведении проверки.

Соглашаясь с мнением Н. В. Кручининой, полагаем, что указанное криминалистическое средство целесообразно применять в любой поисково-познавательной деятельности органа уголовного преследования — не только в ходе расследования уголовного дела, но, безусловно, и на этапе проведения проверки [3, с. 73]. По этому поводу в науке высказывается мнение о том, что весь процесс проведения проверки может быть представлен одной тактической операцией «Проверка сообщения о преступлении». В таком случае, исходя из подобного понимания тактической операции, можно говорить о том, что раскрытие и расследование преступлений также является единой большой тактической операцией. Однако, придерживаясь мнения С. В. Баринова, отметим, что такое представление не совсем корректно. Это связано с тем, что установление данных, указывающих на признаки преступления, достаточных для формирования вывода о возбуждении уголовного дела, фактически является целью самой стадии возбуждения уголовного дела. В то же время для принятия законного и обоснованного уголовно-процессуального решения в процессе проведения проверки следует выделять отдельные промежуточные задачи, подчиненные общей задаче указанной стадии уголовного процесса, которые при необходимости возможно решить посредством проведения отдельных тактических операций [4, с. 12–13].

Таким образом, на наш взгляд, цель тактических операций, проводимых при разрешении заявлений или сообщений о преступлениях, — это решение криминалистических задач, возникающих в ходе проведения проверки.

Соответственно, к криминалистическим задачам, решаемым в ходе проведения тактических операций по материалам проверок, можно отнести: отыскание источников криминалистически значимой информации; фиксацию криминалистически значимой информации; сохранность доказательственной и ориентирующей информации; оценку и проверку полученных данных и др., что в совокупности позволяет опровергнуть либо подтвердить сообщение о действительности события и, если таковое имело место, выяснить, содержит ли оно признаки преступления и какого вида и группы.

Решение указанных задач осуществляется посредством проведения как одной, так и нескольких тактических операций. В качестве примеров можно привести следующие: «Изучение личности заявителя (пострадавшего) и заподозренного лица», «Установление очевидцев произошедшего», «Поиск и задержание скрывающегося заподозренного лица», «Поиск предмета, орудий и средств преступного посягательства», «Устранение противоречий» и др.

При подготовке к проведению указанных тактических операций конкретизируются их задачи, условия и субъекты проведения, а также временные, пространственные и иные характеристики.

В заключение можно сделать вывод, что в качестве разрешения ситуаций, связанных с информационной неопределенностью при проведении проверки, могут выступать не только отдельные следственные и иные процессуальные действия, но и, безусловно, комплекс их сочетания с оперативно-розыскными мероприятиями. Такое сочетание действий, проводимых по единому плану, разработанному с учетом сложившейся доследственной ситуации, под руководством уполномоченного должностного лица в целях принятия законного и обоснованного уголовно-процессуального решения по поступившему заявлению или сообщению о преступлении, называется тактической операцией. Разработка тактических операций и их активное внедрение в практическую деятельность органов уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела свидетельствуют о взаимосвязи уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, что еще раз подчеркивает необходимость комплексного подхода в борьбе с преступностью.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 286-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 128 с. [Вернуться к статье](#)

3. Кручинина Н. В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2003. 442 с. [Вернуться к статье](#)

4. Баринов С. В. Тактические операции, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела по фактам преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 21 марта 2018 г. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 10–14. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98.067

В. А. Попов

*начальник кафедры криминалистики
Рязанского филиала Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Д. М. Владимиров

*преподаватель кафедры криминалистики
Рязанского филиала Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя*

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫХ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Несмотря на то, что Всемирная паутина имеет массу положительных свойств, которые полезны для человека как в его профессиональной деятельности, так и в быту, учебе, саморазвитии, проведении досуга, хобби и т. д., стоит признать, что имеется и обратная сторона медали [1, с. 30]. Адептам экстремистской идеологии открылись новые возможности, значительно облегчающие им реализацию противоправных целей за счет скорости передачи информации, транснациональной зоны покрытия, уровня анонимности и прочее. Однако правоохранительные органы адаптируются к современным реалиям, совершенствуя способы и средства обнаружения и изъятия так называемых электронных (цифровых) следов преступлений для обеспечения процесса расследования преступлений исследуемой категории.

В частности, помимо привычных способов обнаружения признаков составов преступлений экстремистской направленности в сети Интернет (например, мониторинга («серфинга») сайтов, социальных сетей или мессенджеров, осмотра электронных устройств подозреваемых, получения данных с электронно-вычислительных мощностей и т. п. [2, с. 108]), правоохранительные органы Российской Федерации используют отечественные информационно-поисковые системы «СЕУС», «Окулус» и другие, способные автоматически анализировать общедоступные интернет-ресурсы на предмет обнаружения запрещенных данных, в том числе экстремистского толка. Подобные системы находятся в постоянном совершенствовании, что позволило добиться поражающей скорости обработки информации. В частности, система «Окулус» способна изучать свыше

200 тысяч изображений в сутки, таким образом, ей необходимо всего около 2 секунд на анализ одного изображения [3].

Что касается непосредственно изъятия цифровых следов преступлений с компьютеров, винчестеров, сотовых телефонов, флеш-накопителей и т. д., то с этим отлично справляются современные аппаратно-программные комплексы, находящиеся в распоряжении сотрудников экспертно-криминалистических подразделений Российской Федерации. К сожалению, некоторые зарубежные производители вследствие санкционной политики в отношении России прекратили предоставлять обновления аппаратных комплексов. В связи с этим они стали практически бесполезны для работы с более современными техническими средствами и операционными системами. Например, одна из самых ранее востребованных программ у экспертов — UFED Touch (израильского производства компании Cellibrite Di Ltd.) — уже несколько лет не обновляется на территории России. Несмотря на сложную геополитическую обстановку, российские производители аппаратно-программных комплексов смогли усовершенствовать свои продукты, и сейчас экспертно-криминалистическим подразделениям доступны такие наиболее распространенные и эффективные аппаратно-программные комплексы, как «Мобильный криминалист», PC-3000 и Elcomsoft.

Каждый из перечисленных аппаратно-программных комплексов российских производителей имеет различные модули и вариации продуктов в зависимости от выполняемых задач. Так, например, возьмем компанию Elcomsoft, ей разработаны и постоянно совершенствуются следующие продукты:

- Elcomsoft Desktop — пакет программ для снятия парольной защиты, а также восстановления паролей;
- Elcomsoft Mobile — инструментарий мобильного криминалиста включает все необходимое для извлечения данных из мобильных устройств методами физического, логического и облачного анализа [4].

В связи с этим для наиболее эффективного криминалистического обеспечения расследования преступлений в распоряжении экспертов находится несколько аппаратно-программных комплексов разных производителей, и там, где один не может изъять достаточное количество информации, имеющей значение для уголовного дела, сможет помочь другой. Каждый из них дополняет друг друга в зависимости от поставленных для разрешения вопросов в рамках назначенной судебной экспертизы, а также их функционала в данный момент времени. Стоит отметить, что для работы с ними глубоких познаний в программировании не требуется.

Существуют и другие способы изъятия информации, такие как Root-доступ (получение прав суперпользователя), метод Chip-off, JTAG и прочее. Однако все вышеперечисленное не дает абсолютной гарантии постоянного успешного извлечения данных с того или иного устройства, на что влияет множество факторов (своевременное обновление программ, степень защиты операционной системы сотового телефона, установка дополнительных программ шифрования типа Vera crypt, неисправность изъятых устройств и т. д.). В связи с этим производителям аппаратно-программных комплексов следует и дальше совершенствовать свою продукцию, которая полностью обеспечит расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет, что положительно скажется на работе сотрудников правоохранительных органов.

Список основных источников

1. Владимиров Д. М. Экстремизм в глобальной сети Интернет [Электронный ресурс] // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 23 апр 2020 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 30–32. [Вернуться к статье](#)
2. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123. [Вернуться к статье](#)
3. В России запустили систему поиска запрещенной информации в Интернете // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2023/02/13/oculus/> (дата обращения: 10.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. ELCOMSOFT. Desktop, Mobile & Cloud Forensics // Elcomsoft. URL: https://www.elcomsoft.ru/police_and_law_enforcement_solutions.html (дата обращения: 11.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.1

О. А. Решняк

*доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ПЛАНИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

С развитием современных технологий совершенствуются навыки и познания преступников, совершающих мошенничества с использованием социальных сетей, в связи с чем с этим видом преступлений не только сложно бороться, но и выявлять и предупреждать их совершение. В связи с информатизацией жизни общества отмечается динамичность роста преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, что требует более качественного исследования вопросов методики и особенностей расследования мошенничеств данного вида.

В расследовании преступлений важным организационным моментом является планирование, от качества которого зависит ход выявления преступника. Планирование зависит от следственной ситуации, сложившейся на момент начала расследования. По мошенничествам, совершаемым с использованием социальных сетей, приведем три наиболее типичные следственные ситуации и планирование расследования по каждой из них.

Ситуация 1. Сведения о мошенничестве, совершенном в социальных сетях, получены из заявления потерпевшего или иных неофициальных источников, данные о лице, совершившем преступление, отсутствуют, цифровые следы отсутствуют. Планирование расследования предполагает:

1. Допросы заявителя и других лиц, которые могут быть свидетелями совершенных обстоятельств. Это поможет установить более полную картину произошедшего и получить дополнительные данные для расследования.

2. Истребование выписки о движении денежных средств с банковского счета потерпевшего. Анализ этих данных может раскрыть подробности финансовых операций, связанных с преступлением, и помочь в установлении личности преступника.

3. Осмотр места происшествия, компьютерных и других устройств с целью выявления и фиксации данных, свидетельствующих о совершении преступления. Особое внимание уделяется обнаружению цифровых следов,

данных аккаунта пользователя социальных сетей, переписки жертвы с преступником, данных истории интернет-браузера.

4. Анализ цифровых следов, обнаруженных на компьютерах и мобильных устройствах потерпевших. Могут быть восстановлены удаленные файлы, изучены системные журналы и реестры, а также проанализированы сетевые данные.

5. Сотрудничество с интернет-провайдерами социальных сетей других онлайн-платформ для получения информации о действиях мошенника. Это могут быть запросы на предоставление данных о подключениях к Интернету.

6. Сотрудничество с другими правоохранительными органами и международными организациями, так как мошенничество в социальных сетях может иметь трансграничный характер. Обмен информацией и опытом позволяет эффективнее идентифицировать преступников [1].

Ситуация 2. Прямые данные о преступнике отсутствуют, однако установлены потерпевший и свидетели, а также выявлены цифровые следы.

В данной ситуации цифровые следы могут стать важным источником информации. Такие следы включают следы неправомерного доступа к аккаунту в социальных сетях, соединений между устройствами и следы вывода денежных средств с банковских счетов и т. д.

При данных обстоятельствах необходимо провести ряд действий:

1. Допрос потерпевшего для получения информации о преступлении. Выясняется наличие у потерпевшего компьютера, мобильного телефона или планшета с доступом в Интернет, есть ли у кого-либо, кроме него, доступ к его устройствам, наличие регистрации в социальных сетях, какой учетной записью он пользуется, необходимо установить информацию о банковских счетах и картах, в каких банках они открыты, подключены ли услуги «Онлайн-банк» или «Мобильный банк» и известны ли реквизиты карты или счета третьим лицам. Выяснить виды технических средств, с помощью которых осуществлялась оплата за товар, и каким образом потерпевший и мошенник поддерживали связь [1].

2. Получить выписки с банковского счета потерпевшего.

3. Проанализировать и выявить связи между различными следами. Сопоставить данные о неправомерном доступе к аккаунту в социальных сетях с данными о платежах, совершенных с банковского счета потерпевшего. Это может помочь установить, каким образом мошенник получил доступ к аккаунту и какие действия он предпринимал после этого. Таким образом, цифровые следы могут стать ценным источником для расследования и помочь в установлении личности преступника.

Ситуация 3. Установлен способ совершения мошенничества, выявлены цифровые следы, свидетели, потерпевшие, данные о преступнике известны, но неизвестно его местонахождение.

В указанной ситуации первоначальные данные о преступнике могут быть получены из его профиля в социальной сети или по номеру банковской карты/счета, куда переводились деньги через онлайн-банкинг. Использование специальных знаний и возможностей применения технических средств, а также сотрудничество с различными организациями позволяют повысить шансы на успешное расследование и установление личности мошенника.

Для этого проводятся следующие мероприятия:

1. Допрос потерпевшего и свидетелей с целью получения информации о преступнике и возможном месте его нахождения.

2. При наличии номера телефона преступника необходимо запросить у оператора связи информацию о лице, на которое зарегистрирован данный номер, а также о соединениях.

3. Проверка по базам данных установленного лица (судимости, местожительства).

4. Направление поручения органам дознания о проведении мероприятий по розыску мошенника.

5. Задержание и допрос лица, совершившего мошенничество с использованием социальных сетей.

6. Проведение осмотра мест, где использовалось компьютерное оборудование, а также осмотра самих устройств, чтобы найти дополнительные доказательства. При осмотре обращается внимание на компьютеры и мобильные устройства, которые могут содержать важную информацию. Также необходимо проверить устройства, используемые для подключения к Интернету, такие как модемы и роутеры. Кроме того, следователям стоит обратить внимание на специальную литературу, посвященную интернет-технологиям, которая может содержать полезные сведения о мошеннической деятельности. Важно также обнаружить и сохранить платежные документы, а также распечатанные на бумажных носителях реквизиты банковских карт. Кроме компьютерных устройств, следователям необходимо осмотреть и другие предметы, связанные с интернет-услугами и услугами сотовой связи. Это могут быть документы, подтверждающие предоставление таких услуг. Важно также провести тщательный осмотр компьютерных устройств и их аксессуаров, таких как клавиатура, мышь, сканеры, принтеры. При этом необходимо выявить следы рук, а также биологические следы, которые могут помочь в идентификации подозреваемого.

Список основных источников

1. Малыхина Н. И., Кузьмина С. В. Алгоритм действий следователя в типовых ситуациях расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 462. С. 238–247. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Д. А. Свиридов**начальник кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВЫХ СЛЕДАХ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Совершение преступных деяний в экономической сфере, в том числе и при осуществлении предпринимательской деятельности, с неизменностью влечет возникновение в окружающей среде изменений, которые формируют различные следы: идеальные, материальные и цифровые. Эти следы и становятся в конечном счете источниками криминалистически значимой информации и, как следствие, источниками доказательств.

В большинстве случаев при совершении экономических преступлений, в том числе и при осуществлении предпринимательской деятельности, такой деятельности придается законный вид посредством различных способов. Так, например, придается вид хозяйственных операций, под которыми в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности», понимается действие или событие, подлежащие отражению организацией в бухгалтерском учете и приводящие к изменению ее активов, обязательств, собственного капитала, доходов, расходов [1]. Учитывая, что незаконные действия внешне носят легальный характер, в окружающей среде аккумулируется значительное количество разнообразных следов, которые, как правило, отражают финансово-хозяйственную деятельность субъекта хозяйствования. Немалая их доля сохраняется в цифровом виде на различных носителях, отображается в программном обеспечении, компьютерных сетях и информационных системах, используемых как локально субъектом хозяйствования, так и контрагентами, надзирающими и контролирующими государственными органами. Кроме этого, много криминалистически значимой информации будет содержаться в различного рода переписках, которые в современных реалиях необходимы при взаимодействии (социальные сети, мессенджеры, электронная почта, функция СМС-сообщений и т. д.).

Исследуя методики расследования преступлений, связанных с финансово-хозяйственной деятельностью, следует отметить мнение В. И. Рохлина, который в своей работе указывал, что определенная типичность противоправных деяний во многом обусловлена системой нормативных правовых актов, так как

финансово-хозяйственная деятельность в целом урегулирована нормативными правовыми актами, что, в свою очередь, предопределяет некую ограниченность способов как совершения, так и сокрытия такого рода преступлений [2, с. 28–29]. Это положение во многом предопределяет механизм слеодообразования, который и свидетельствует о конкретных финансово-хозяйственных операциях (как законных, так и незаконных).

По мнению А. Ф. Волынского, в качестве основной цели всех экономических преступлений выступает незаконное получение прибыли, которому нередко придается вид законной деятельности. В результате этого происходит некое наложение механизма преступления на правомерную деятельность. Как следствие, лица, осуществляющие незаконную экономическую деятельность, формируясь в условиях профессиональных отношений, характеризуются высокой компетентностью в вопросах осуществления экономической деятельности, в том числе хорошо владеют пробелами законодательства в той или иной сфере [3, с. 42]. В этой связи объектами — носителями следов преступной деятельности могут выступать различного рода документы, а также субъекты финансово-хозяйственной деятельности [4, с. 78].

Следовую картину такого рода преступлений, которая характеризуется изменениями в бухгалтерской документации, в качестве специфики расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности отмечает и В. Е. Корноухов [5, с. 167].

Прогресс в сфере развития IT-технологий и их активное использование послужили толчком к формированию «цифровой криминалистики», или форензики, в рамках которой исследуются соответствующие следы, к обозначению которых применяются различные подходы: «виртуальные», «электронные», «компьютерные», «цифровые» и т. п. [6].

Следует отметить тот факт, что значительная доля сведений о финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования формируется, обрабатывается, используется и хранится в цифровом формате, не говоря уже о том, что по отдельным направлениям деятельности — это единственное место хранения. Более агрессивно использование IT-технологий повлияло на способы совершения экономических преступлений — переход на дистанционное их совершение, что исключает непосредственное общение. Следует понимать, что такие технологии не только создают сложности, связанные с раскрытием и расследованием преступлений, но и предоставляют практическим работникам правоохранительных органов возможность выявлять такого рода противоправные действия посредством поиска отобразившихся следов в цифровой среде. Значительное число финансово-хозяйственных процессов (бухгалтерских,

организационно-учетных, налоговых и т. д.), отражающихся в цифровой среде, позволяют ставить в процессе раскрытия и расследования преступлений тактические задачи (в том числе требующие использования специальных знаний), направленные на обнаружение, восстановление поврежденных либо удаленных данных, разблокирование данных в цифровой форме.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы. Активная цифровизация экономики и интенсивное использование IT-технологий оказывают существенное влияние на формирование способов совершения преступления и механизм слеодообразования в сфере экономической деятельности. Это обстоятельство должно нацеливать лицо, осуществляющее расследование уголовного дела, на обнаружение цифровой информации, которая образуется в процессе финансово-хозяйственной деятельности субъектом хозяйствования и сохраняется в различных местах (цифровых накопителях, используемом программном обеспечении, информационных базах, компьютерных сетях, цифровых платформах, применяемых повседневно как локально, так и при работе с контрагентами внешне).

Список основных источников

1. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.10.2022 г. № 210-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Рохлин В. И. Проблемы совершенствования методик расследования преступлений в сфере хозяйственной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 50 с. [Вернуться к статье](#)
3. Волынский А. Ф. Отражение информации о преступлении и преступнике // Криминалистика : учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. 943 с. [Вернуться к статье](#)
4. Климова Е. И., Свиридов Д. А. Объекты — носители следов незаконной предпринимательской деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Центр судеб. экспертиз М-ва юстиции Респ. Беларусь ; редкол. : А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2012. № 1 (31). С. 76–80. [Вернуться к статье](#)
5. Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М. : Норма, 2008. 224 с. [Вернуться к статье](#)
6. Свиридов Д. А. К вопросу о цифровых следах и работе с ними в процессе расследования преступлений [Электронный ресурс] // Теория и практика расследования преступлений : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 13 апр. 2023 г. / Краснодар. ун-т МВД России ; редкол.: Э. С. Данильян (председ.) [и др.]. Краснодар, 2023. 1 электрон. опт. диск. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98.06

Е. Б. Серова

*заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

Вопросы использования метода моделирования при осуществлении уголовного преследования традиционно привлекают внимание ученых. На сегодня имеется значительное количество работ, посвященных изучению понятия метода моделирования, возможностей его использования в досудебном производстве и в судебных стадиях уголовного процесса.

Нельзя не согласиться с С. Л. Кисленко в том, что «эффективное и комплексное решение современных задач по борьбе с преступностью может иметь место только при наличии разработанного на должном уровне криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов на протяжении всего процесса уголовного преследования» [1, с. 149]. Мы уже неоднократно обращали внимание научной общественности на необходимость разработки частной криминалистической теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном производстве. Важной составляющей такой теории является ее методология, значительное место в которой занимает метод моделирования.

Как справедливо отмечает Д. Н. Лозовский, моделирование как метод познания эффективно применяется не только в рамках различных наук, но и при осуществлении познания в ходе практической деятельности в различных сферах [2]. Не является в этом смысле исключением и деятельность государственного обвинителя, на которого закон возложил обязанность осуществления государственного обвинения в суде. О моделировании как универсальном средстве научного познания, нашедшем широкое отражение в криминалистических исследованиях и правоприменительной деятельности, пишут и другие ученые [3; 4; 5].

В настоящее время в доктрине предлагаются различные определения понятия моделирования и модели. Не ставя перед собой задачи анализа имеющихся по данному поводу научных позиций, обратим внимание на мнение А. Г. Сачека, согласно которому «в настоящее время большинство ученых

воспринимают “модель” не как вспомогательное средство, как некую замену реально существующих объектов, а как более общее понятие, включающее в себя абстрактное видение развития явления или процесса, выходящее за пределы математических закономерностей» [6, с. 70]. Применительно к теме нашего исследования отметим, что, исходя из данной позиции, можно говорить о возможности применения государственным обвинителем исследуемого метода не только при изучении материалов уголовного дела с целью получения информации о событии, его отдельных элементах, субъекте преступления и о ходе досудебного производства, включая особенности личности субъекта расследования. Моделирование позволяет государственному обвинителю спланировать свою деятельность в ходе судебного разбирательства, обеспечить наглядность представления доказательств, что имеет особое значение при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей. В ходе судебного следствия с помощью метода моделирования государственный обвинитель может оценить показания участников процесса, прежде всего подсудимого, проверить не только версию обвинения, но и версию защиты. Построив модель и мысленно представив себе изучаемый объект (событие преступления, личность субъекта посягательства и проч.), государственный обвинитель имеет возможность не только систематизировать доказательства, имеющиеся в деле, но и дать объяснение мнимым негативным фактам, внешне противоречащим версии обвинения, выявить ранее не исследованные следы преступления, что позволяет расширить и укрепить доказательственную базу по делу. Важное значение имеет построение и изучение информационной модели виновного, которая должна включать в себя все сведения о субъекте посягательства, признаки, характеризующие его как биологическую и социальную единицу, отношения с потерпевшим (при наличии такового), а также учитывать особенности следообразования в конкретном случае, т. е. должна содержать информацию о тех следах, которые объективно должны были остаться на субъекте преступления, в обстановке места происшествия, на орудиях преступления, потерпевшем и иных элементах системы преступления. Построение данной модели и ее наглядная проверка перед судом, особенно перед присяжными заседателями, содействуют формированию у них убежденности в объективности и обоснованности позиции обвинения, что способствует вынесению справедливого вердикта.

Подводя итог, отметим, что деятельность государственного обвинителя многоплановая, требующая глубоких знаний, умений и навыков. Перед прокурором, поддерживающим обвинение, стоит сложная задача осуществления уголовного преследования от имени государства, и решение этой задачи возможно только при использовании всего арсенала средств и методов, предоставляемых

ему наукой. Одним из таких методов является метод моделирования, овладение которым позволит государственному обвинителю максимально полно решать стоящие перед ним задачи, обеспечивающие достижение назначения уголовного судопроизводства.

Список основных источников

1. Кисленко С. Л. Методологические подходы к формированию теоретических основ деятельности по поддержанию государственного обвинения в системе криминалистического знания // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2016. № 6 (113). С. 147–156. [Вернуться к статье](#)
2. Лозовский Д. Н. Использование метода криминалистического моделирования в процессе расследования преступлений [Электронный ресурс] // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-kriminalisticheskogo-modelirovaniya-v-protssesse-rassledovaniya-prestupleniy> (дата обращения: 13.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Ахмедшин Р. Л., Воронин С. Э. Моделирование в криминалистической деятельности : моногр. Красноярск : Сибир. ин-т бизнеса, управления и психологии, 2019. 281 с. [Вернуться к статье](#)
4. Исаенко В. Н. Некоторые вопросы криминалистического анализа уголовного дела государственным обвинителем // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 226–229. [Вернуться к статье](#)
5. Чувак А. И. Моделирование как метод исследования обстановки места происшествия // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2008. № 1. С. 87–89. [Вернуться к статье](#)
6. Сачек А. Г. Основы криминологического моделирования (на примере обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь) // Юрид. наука и правоохранит. практика. 2015. № 3 (33). С. 69–75. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

О. Д. Соловьев

*доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета
учебно-научного комплекса противодействия экономическим
и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

А. В. Горбачева

*доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета
учебно-научного комплекса противодействия экономическим
и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

ЭКСПЕРТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТОИМОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДРЕВЕСИНЫ

В процессе осуществления деятельности хозяйствующими субъектами различных организационно-правовых форм зачастую возникают ситуации, когда проводимые работы на землях лесного фонда, находящихся как в государственной, так и в муниципальной собственности, требуют принятия решения о дальнейшем движении полученной в ходе такой деятельности древесины. Иногда возникают случаи криминального характера: либо полученная при использовании лесов древесина попросту исчезает в неизвестном направлении, либо ее реализация происходит в нарушение действующего законодательства, что приводит к неполучению или недополучению денежных средств, зачисляемых в федеральный бюджет от реализации такой древесины.

Основным нормативным документом, определяющим порядок реализации такой древесины, полученной в соответствии с Лесным кодексом Российской Федерации (ст. 43–46) [1], является Постановление Правительства Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 604 [2], а это: геологоразведка недр и разработка участков с полезными ископаемыми; строительство и поддержание в эксплуатационном состоянии объектов водной сферы, сооружений гидротехнического назначения; строительство и эксплуатационная деятельность линий связи и электропередач, дорог различных характеристик и уровней назначения, иных линейных объектов и лесоперерабатывающей инфраструктуры. Во всех таких случаях требуется определение стоимости древесины.

Следует учитывать тот факт, что в некоторых случаях, в частности при получении древесины в ходе строительства и поддержания в эксплуатационном состоянии линейных объектов, в соответствии с новой редакцией от 14 декабря 2023 года вышеуказанного Постановления Правительства

Российской Федерации [2], такая древесина изначально на основании уведомления в адрес Министерства обороны Российской Федерации может быть предложена в качестве безвозмездной передачи Вооруженным силам Российской Федерации, иным воинским структурам, в том числе для обеспечения создания и функционирования фортификационных объектов, а уже в случае отказа или неполучения согласия Министерства обороны Российской Федерации сведения о не востребованной древесине передаются в уполномоченный государственный орган — Федеральное агентство по управлению госимуществом, которое и организует определение стоимости древесины для ее последующей реализации.

При этом стоимость древесины для проведения электронных торгов (аукциона) (начальная цена) рассчитывается как двукратная стоимость в соответствии с представленными данными об объеме полученной древесины, ее породном составе и иными необходимыми для расчета характеристиками с учетом ставок, которые установлены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2007 г. № 30 [3].

В иных случаях при необходимости определения рыночной стоимости древесины (причем следует учитывать корректность используемых терминов, так как в процессе использования лесов для строительства и поддержания соответствующих эксплуатационных характеристик линейных объектов ведется технологическая рубка) чаще проводится именно оценка объекта в соответствии с законодательством об оценочной деятельности, федеральными стандартами оценки [4]. В таких случаях методика оценки совершенно иная и такую оценку, равно как и при необходимости, и в соответствии с заданием на оценку, экспертизу отчета, уполномочены делать специалисты-оценщики, имеющие соответствующую подготовку (переподготовку) и сдавшие квалификационный экзамен по необходимому направлению оценки.

Важно понимать, кто уполномочен проводить оценку стоимости, к каким специалистам и в какое ведомство (организацию) следует обращаться в случае необходимости получения именно рыночной стоимости лесоматериалов, а также правильно и корректно сформулировать для экспертов и специалистов вопросы, разрешение которых позволит получить необходимую информацию для расследования дел, связанных с оборотом лесоматериалов.

Если же стоит вопрос о причиненном ущербе за незаконный оборот лесоматериалов, то в этом случае алгоритмы деятельности специалистов (экспертов) несколько иные, особенности определения размера нанесенного ущерба авторы рассматривали ранее в своих работах [5].

Список основных источников

1. Лесной кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 4 дек. 2006 г., № 200-ФЗ : принят Гос. Думой 8 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Федерации 24 нояб. 2006 г. : в ред. Федер. закона от 24.07.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. О реализации древесины, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со статьями 43–46 Лесного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации, 23 июля 2009 г., № 604 : в ред. от 14.12.2023 г. // Правительство Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации, 22 мая 2007 г., № 310 : в ред. от 15.06.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Об утверждении федеральных стандартов оценки и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России о федеральных стандартах оценки [Электронный ресурс] : приказ М-ва эконом. развития России, 14 апр. 2022 г., № 200. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205110011> (дата обращения: 18.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Соловьев О. Д., Горбачева А. В., Леонов А. И. Использование специальных знаний при определении размера ущерба вследствие нарушения лесного законодательства : учеб. пособие. Н. Новгород : ООО «Стимул-СТ», 2016. 40 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

А. В. Холопов

*заведующий криминалистической лабораторией
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О НАГЛЯДНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Изначально преступление, отраженное в объектно-следовой обстановке места происшествия как объект познания, не является наглядным для следователя. Другими словами, событие преступления на начальном этапе его расследования для субъекта познания (следователя) имеет сниженный уровень наглядности, т. е. является не наглядным объектом познания. Очевидно, что для познания преступления необходимо максимально увеличить уровень (степень) его наглядности, позволяющий полно, всесторонне и объективно его исследовать и сформировать (визуализировать) мысленную модель события преступления в сознании следователя и на ее основе построить материальную модель в виде уголовного дела.

В этом смысле досудебные стадии уголовного судопроизводства как процесс познания преступления считаем возможным рассматривать с точки зрения реализации принципа наглядности, а именно в качестве деятельности субъектов применения криминалистических знаний по повышению уровня наглядности события преступления. Речь идет о придании событию преступления в уголовном деле максимально возможных наглядных форм для удобства его исследования на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что наглядность имеет многогранное значение: 1) в философии это один из аспектов наблюдаемости и восприятия реальности в теории познания; 2) в науке это способность восприятия и перепроверки результатов исследования с помощью органов чувств; 3) в педагогике это принцип обучения, заключающийся в деятельности преподавателя по формированию чувственно-наглядных образов с помощью технических средств и приемов обучения и т. д.

В этой связи криминалистику как научную и учебную дисциплину следует рассматривать в качестве системы знаний, предоставляющих следователю, прокурору, эксперту сумму технологий обеспечения наглядности, позволяющих придать чувственно-наглядные формы криминалистически значимым

элементам преступления для формирования целостной и объективной модели события преступления.

Исходя из этого, считаем возможным рассматривать деятельность следователя с точки зрения реализации принципа наглядности в процессе расследования преступления. Например, проведение отдельных следственных действий является для следователя источником криминалистически значимой и доказательственной информации, которая в целом способствует увеличению его осведомленности и, соответственно, повышает уровень наглядности в процессе создания модели события преступления. Однако следователю для исследования определенных обстоятельств преступления, находящихся вне пределов его компетенции, необходимо использовать специальные знания в виде назначения различного рода экспертиз.

В этом смысле экспертные исследования также следует рассматривать как один из основных элементов суммы технологий обеспечения наглядности, цель которого заключается в том, чтобы перевести не наглядные криминалистически значимые элементы преступления в наглядные, и тем самым сделать их доступными для восприятия и изучения субъектам, не обладающим специальными знаниями (следователю, прокурору, защитнику, судье, присяжным заседателям).

Таким образом, по нашему мнению, реализацию принципа наглядности в экспертных исследованиях необходимо развивать в следующих направлениях:

1. Экспертизы являются средством обеспечения наглядности, что предполагает сопровождение заключения эксперта максимально возможным и достаточным иллюстративным материалом, ориентированным прежде всего на его использование прокурором в суде присяжных.

Отметим, что еще в 1972 г. Л. Е. Ароцкер писал: «Нередко заключение эксперта может быть правильно понято и оценено судом лишь после изучения иллюстраций. Поэтому суд может предложить эксперту продемонстрировать их с помощью эпидиаскопа, фильмоскопа, диапроектора, киноаппарата» [1, с. 455]. Применительно к суду присяжных Е. В. Павлова отмечает, что «на непрофессиональный суд (присяжных заседателей) большее воздействие оказывает наглядность представления приложений к заключению эксперта, помогающая присяжным понять, каким образом эксперт пришел к тем или иным выводам» [2, с. 111]. Другими словами, демонстрация подобных иллюстраций может способствовать существенному усилению убедительности и значимости экспертизы в ходе ее оценки профессиональными и непрофессиональными субъектами познания преступления в судебном разбирательстве.

2. Наглядность процесса производства экспертного исследования с целью обеспечения убедительности и значимости экспертизы. В случае производства экспертного исследования с помощью специальной компьютерной программы появляется техническая возможность осуществления видеозаписи всех действий эксперта, отображающихся на экране монитора, с последующим ее использованием в качестве приложения к заключению эксперта, например, с помощью использования программ видеозаписи экрана монитора (screenshot video recording), в частности, Camtasia Studio, «Экранная Камера», UVScreenCamera и т. д.

3. В рамках экспертного исследования возможно наглядно представить всю систему доказательственной информации, собранной следствием в виде компьютерной анимированной 3D-модели события преступления, например, визуализация события дорожно-транспортного происшествия в виде анимированной компьютерной 3D-модели, изготавливаемой с помощью специального программного обеспечения (Car-Sim, TruckSim, PC-Crash, CARAT, VirtualCrash).

Создать подобную 3D-модель события преступления, например, убийства, в зависимости от ситуации возможно в рамках производства комплексной судебно-медицинской, взрывотехнической или баллистической экспертизы с привлечением соответствующего специалиста в области 3D-графики. Отметим, что 3D-модель события убийства, созданная в рамках судебно-медицинской экспертизы, может быть максимально объективизирована, т. е. построена на основе 3D-модели места происшествия, изготовленной с помощью лазерного геодезического 3D-сканера, а также 3D-модели трупа, полученной посредством технологии виртуального вскрытия (виртопсия) трупа с использованием КТ- и/или МРТ-сканеров.

Таким образом, экспертные исследования следует рассматривать как технологию визуализации, придающую не наглядным объектам чувственно-воспринимаемые формы, позволяющие профессиональным и не профессиональным субъектам уголовного судопроизводства осуществлять познание преступления.

Список основных источников

1. Настольная книга судьи. Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции / В. Б. Алексеев [и др.] ; Верхов. Суд СССР, Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М. : Юрид. лит., 1972. 744 с.
[Вернуться к статье](#)

2. Павлова Е. В. Исследование и оценка прокурором заключений и показаний экспертов при судебном разбирательстве уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук :

12.00.09 ; ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации». М., 2022.
231 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

*Д. Б. Чернышев**старший преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ ПУТЕМ АНАЛИЗА БУХГАЛТЕРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Финансовые пирамиды, появившиеся на территории стран бывшего СССР в период первых рыночных реформ начала 90-х годов XX века, несмотря на их широко освещаемую в прессе опасность, до настоящего времени как явление не искоренены. Регулярно в новостных лентах появляются все новые сообщения об обвале очередной пирамиды, поглотившей деньги сотен и тысяч обманутых вкладчиков. Современные финансовые пирамиды характеризуются сложными и разнообразными механизмами вовлечения в них потерпевших и ухода от уголовной ответственности. Так, большинство таких проектов зачастую мимикрируют под легальный бизнес, создают видимость осуществления хозяйственной (производственной, торговой) деятельности с целью сокрытия своей истинной сущности.

До 2016 г. для квалификации организации деятельности финансовых пирамид применялась ст. 159 Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации [1]. Однако данная норма не позволяла предотвращать деятельность пирамид на начальном этапе, в связи с чем Федеральным законом от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ были криминализованы формальные действия, связанные с созданием такой структуры, не требующие в качестве обязательного условия наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда потерпевшим [2]. По логике законодателя, применение ст. 172.2 УК Российской Федерации должно было предупреждать сам факт создания финансовых пирамид [3]. Аналогичная норма еще в 2015 г. была введена в уголовное законодательство Республики Беларусь — ч. 2 ст. 233 УК Республики Беларусь [4]. При этом актуальности не теряет и ст. 159 УК Российской Федерации в случае, если создатели пирамиды успели причинить имущественный ущерб гражданам [5].

Анализ открытых источников свидетельствует о том, что, несмотря на регулярное появление в средствах массовой информации сообщений о крахе очередной финансовой пирамиды (Lotus Money, «Миллионер», NEFT, STAR

WARS, Ortex SuperCat, WarCraft, FROGS-GAME. ONE, «НОВОГОДНЯЯ ЕЛОЧКА», El-Dorado, MMM-2022), судебная статистика показывает, что количество лиц, осужденных по ст. 172.2 УК Российской Федерации, колеблется от 1 до 10 в год [6]. Полагаем, что причиной тому являются проблемы не столько уголовно-правового либо процессуального характера, сколько криминалистические, связанные с доказыванием деятельности по привлечению денежных средств и выплате дохода за счет вновь привлеченных средств при условии отсутствия какой-либо предпринимательской деятельности [7]. Приведенное обстоятельство порождает определенные трудности в работе оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел по своевременному выявлению финансовых пирамид и пресечению их незаконной деятельности. В связи с этим мы хотели бы рассмотреть некоторые вопросы, связанные с проведением первоначальных оперативных мероприятий и следственных действий, направленных на установление общих признаков, перечисленных в диспозиции ст. 172.2 УК Российской Федерации на этапе анализа документов бухгалтерского учета [1].

В ходе изучения финансового состояния организации ряд сведений, отраженных в применяемой системе автоматизированного бухгалтерского учета «1С» (либо аналогах), позволяет выявить признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК Российской Федерации. К таковым относятся привлечение денежных средств, отсутствие инвестиционной деятельности, выплаты за счет вновь привлеченных средств. Остановимся подробнее на каждом из приведенных признаков.

В системе бухгалтерского учета привлечение денежных средств от граждан отражается, как правило, по нескольким счетам: получение займов от физических лиц в кассу (счет 50 Дт, 66 или 67 Кт); получение займов от физических лиц на расчетный счет (счет 51 Дт, 66 или 67 Кт); поступление расчетов по прочим договорам (счет 50 или 51 Дт, 76 Кт). Сведения об инвестиционной деятельности организации содержатся, как правило, на счетах: основные средства (счет 01 Дт); вложения во внеоборотные активы (счет 08 Дт); финансовые вложения (счет 58 Дт); основное производство (счет 20 Дт). Выплата по вкладам, как правило, отражается по счетам: займы от физических лиц (счет 66 или 67 Дт, 50 или 51 Кт); расчеты по прочим договорам (счет 76 Дт, 50 или 51 Кт).

При проведении объективного анализа финансового состояния организации на предмет выявления первичных признаков финансовой пирамиды в первую очередь необходимо запросить оборотно-сальдовые ведомости по всем бухгалтерским счетам, ведущимся в организации, за интересующий период, а также карточки перечисленных выше счетов.

В ходе анализа оборотно-сальдовой ведомости внимание должны обращать на себя сведения о значительных суммах оборота по счетам 50 Дт и 66 Кт, отражающих сведения о поступлении средств от вкладчиков, и, соответственно, по счетам 66 Дт и 50 Кт. Сальдо между указанными величинами отражает фактический объем денежных средств, выводимых из оборота, а общий оборот — объем привлеченных денежных средств. На отсутствие инвестиционной деятельности указывает отсутствие оборота (либо незначительные суммы проводок) по счетам 01 Дт, 08 Дт, 58 Дт, 20 Дт.

Наиболее распространенными способами вывода денежных средств из финансовой пирамиды являются выдача в подотчет (счет 71), перевод на счет «Денежные средства в пути» (счет 57), а также «Расчеты по консультационным и иным договорам» (счет 60). Наличие значительных оборотов по указанным счетам может свидетельствовать о выводе денежных средств как конечном этапе хищения.

Необходимо отметить, что сама по себе полученная в ходе анализа бухгалтерской документации информация, безусловно, не может выступать основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 172.2 УК Российской Федерации. Тем не менее полагаем, что она может указать направление для проведения дальнейших оперативно-следственных мероприятий. К такому можно отнести запрос и анализ карточек счетов, изъятие документов первичного бухгалтерского учета (авансовые отчеты, кассовые документы, счета-фактуры и т. д.).

Полагаем, что приоритетной задачей правоохранительных органов в деятельности по противодействию преступности является выявление преступлений на стадии приготовления. Успешное выполнение данной функции служит предотвращению причинения ущерба гражданам, в связи с чем расширение практики применения ст. 172.2 УК Российской Федерации видится эффективным инструментом профилактики возникновения и деятельности финансовых пирамид.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. № 641-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Князьков А. А. О некоторых вопросах уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам (ст. 172.2 Уголовного кодекса РФ) // Науч.-практ. исслед. 2020. № 12-7 (35). С. 24–27. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 марта 2023 г. № 256-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 30.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Гладких В. И. К вопросу об обоснованности криминализации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ) // Научные исследования: векторы развития : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 30 нояб. 2018 г. Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. С. 187–190. [Вернуться к статье](#)

6. Судебный департамент при Верховном суде РФ. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Чернышев Д. Б. Профилактика сотрудниками органов внутренних дел создания финансовых пирамид на районном уровне // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Красноярск, 2022. С. 69–71. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Д. И. Шнейдерова**старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики**Могилевского института МВД Республики Беларусь*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ, ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ

Общедоступность современных информационно-коммуникационных технологий и программных продуктов цифровой индустрии в совокупности с легализацией правового статуса криптовалют как разновидности имущественной ценности на территории Республики Беларусь привела к появлению в правоохранительной практике группы хищений, при совершении которых предметом посягательства выступают криптовалюты или денежные средства, получаемые преступным путем под предлогом совершения сделок с криптовалютами. Отсутствие комплексного исследования хищений в сфере оборота криптовалют с позиции криминалистики обуславливает необходимость разработки частной криминалистической методики расследования и раскрытия указанной группы хищений, одним из элементов структуры которой выступают обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Следует согласиться с точкой зрения М. П. Шруба, который выделяет в структуре частной криминалистической методики информационную и методическую части. Информационные основы процесса расследования и раскрытия преступлений рассматриваются автором в виде совокупности фактической информационной базы (исходная информация о конкретном преступлении) и теоретической базы данных (научные знания в виде обобщения практики, опыта работы по раскрытию преступлений отдельных видов и групп). При этом обстоятельства, подлежащие доказыванию, указанный автор относит к теоретической базе информационной части структуры частной методики [1, с. 45].

И. И. Лузгин, раскрывая значение обстоятельств, подлежащих доказыванию, как элемента частной криминалистической методики указывает, что такие обстоятельства конкретизируются и дополняются криминалистической методикой, исходя из определяемого положениями соответствующих статей уголовного закона предмета доказывания по каждому виду преступлений. Перечень типичных для каждого вида преступлений обстоятельств, подлежащих доказыванию, позволяет лицам, ведущим расследование, с учетом рекомендаций частных криминалистических методик определить именно те

обстоятельства, которые подлежат установлению по конкретному уголовному делу [2, с. 13].

Применительно к хищениям в сфере оборота криптовалют можно выделить следующие обстоятельства, подлежащие доказыванию:

1) наличие общественно опасного деяния, по признакам указывающего на один из составов хищения (в группу которых входят такие виды, как вымогательство, грабеж, мошенничество и хищение путем модификации компьютерной информации);

2) способ совершения хищения и его вид применительно к каждому из рассматриваемых составов, а также: при контактных способах (когда имеет место взаимодействие между преступником и потерпевшим, например, при грабеже и мошенничестве) — условия, средства и характер взаимодействия преступника с потерпевшим; при бесконтактных способах (например, вымогательство и хищение путем модификации) — технические и программные средства, позволившие получить несанкционированный доступ к криптокошельку или банковскому счету потерпевшего;

3) сведения о технических устройствах, программах и особенностях их функционирования, компьютерных сетях, веб-ресурсах, абонентских номерах, банковских платежных картах, криптокошельках, биржах, обменниках, анонимайзерах, использованных преступником и потерпевшим в механизме хищения;

4) время (с определением часового пояса) и место совершения хищения по местонахождению преступника (каждого из них при соучастии);

5) время, место и способ обнаружения потерпевшим признаков хищения;

6) характеристика предмета преступного посягательства (вид, способ и средства доступа к кошельку или счету, владелец), размер похищенного, статус (израсходованы, обналичены, переведены в иной вид валюты) и местонахождение похищенных средств на момент расследования, реализован ли преступный умысел в отношении всей имевшейся на счете суммы средств или ее части (при хищении части от возможной суммы имеет место покушение на хищение);

7) при совершении грабежа с применением насилия — характер и степень тяжести телесных повреждений, характеристика действий, их повлекших;

8) при совершении вымогательства — воспринималась ли потерпевшим угроза, сопровождавшая требование, как реальная, в чем она выражалась; если угроза была реализована преступником — характер и размер причиненного морального, физического и/или имущественного вреда, действия, их повлекшие; выполнено ли требование преступника потерпевшим, если выполнено, то установлению подлежат обстоятельства, указанные в п. 6;

9) сведения о преступнике, указывающие на его личность и местоположение, в т. ч. признаки внешности, голоса, носимых и использованных предметов, если имела место личная встреча;

10) наличие соучастников, роль каждого из них в механизме хищения, способ и средства взаимодействия между собой, характер взаимоотношений до и после момента преступной деятельности;

11) при установлении личности преступника — характеризующие его сведения (пол, возраст, гражданство, место жительства, место работы, семейное положение, наличие судимостей), мотив и причины совершения хищения выбранным способом и условия, этому способствовавшие, отношение к совершенному преступлению, наличие специальных знаний и источник их приобретения, имели ли место иные не выявленные органом уголовного преследования факты хищения в отношении неизвестных лиц, смягчающие или отягчающие вину обстоятельства;

12) наличие свидетелей, которым могут быть известны сведения о событии хищения, подготовке к нему либо способах сокрытия похищенного, о личности и местонахождении преступников;

13) причины и условия, способствовавшие совершению хищения в отношении потерпевшего (особенности его поведения в сети Интернет, проявление публичного интереса к операциям с криптовалютой, низкий уровень знаний в данной области, особенности психоэмоционального поведения и т. д.).

Таким образом, совокупность приведенных обстоятельств позволяет восстановить механизм хищения, определить его вид, особенности способа реализации и использованных при этом средств, установить предмет преступного посягательства и его судьбу после момента хищения, характер и размер причиненного потерпевшему вреда, время и место совершения преступления, причинную связь между действиями преступника и наступившими последствиями хищения, характеристики личности преступника и потерпевшего, условия, способствовавшие хищению в сфере оборота криптовалют.

Список основных источников

1. Шруб М. П. Криминалистическая методика расследования отдельного вида (группы) преступлений: структура и содержание // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2021. № 1 (49). С. 41–47. [Вернуться к статье](#)
2. Лузгин И. И. Криминалистика : учеб.-метод. комплекс : в 5 ч. Новополоцк : ПГУ, 2009. Ч. 4. Криминалистическая методика расследования и предупреждения отдельных видов и групп преступлений : в 2 кн. Кн. 1. 384 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.2

С. А. Янин

*профессор кафедры организации следственной работы
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

А. П. Алексеев

*заместитель начальника
Волгоградской академии МВД России (по научной работе),
кандидат юридических наук, доцент*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Говоря о расследовании хищений ценностей на первоначальном этапе, нельзя не затронуть вопросы взаимодействия следователя с различными субъектами в ходе производства по уголовному делу.

Взаимодействие в ходе расследования преступлений можно определить как «совместную, согласованную по месту, времени и целям, основанную на требованиях нормативных правовых актов деятельность субъектов расследования, осуществляемую в пределах их компетенции в целях быстрого и полного раскрытия и расследования преступления» [1, с. 33–34].

Смысл и назначение взаимодействия должностных лиц органов внутренних дел между собой, а также иными ведомствами, учреждениями, организациями состоит в достижении целей расследования, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, быстрее и с меньшими затратами [2, с. 17].

Исходя из практики расследования преступлений анализируемого вида, можно выделить следующие группы субъектов, с которыми следователю необходимо осуществлять взаимодействие для повышения эффективности расследования:

- орган дознания;
- предприятия, учреждения, организации;
- средства массовой информации (далее — СМИ).

Каждый из перечисленных субъектов «используется» следователем с учетом их возможностей и потенциальной пользы для процесса расследования.

При этом формы взаимодействия с ними традиционно подразделяются на процессуальные и организационные. Рассмотрим их содержание подробнее.

Так, орган дознания, являясь составной частью органов внутренних дел, служит важнейшим «подспорьем» следователю в ходе расследования, выполняя мероприятия по оперативному сопровождению последнего с помощью установленных законодательством форм и методов оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, орган дознания при необходимости взаимодействует с Интерполом в случае, если похищенные ценности вывезены за рубеж и обнаружались там на аукционах, выставках, у частных лиц и т. п.

Процессуальная форма взаимодействия следователя с органом дознания может выражаться в следующем:

- выполнение органом дознания поручений следователя в порядке ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;
- привлечение сотрудников органа дознания к производству следственных действий либо участию в них.

Организационная форма предусматривает:

- совместную деятельность в составе следственно-оперативных групп в ходе осмотра мест происшествий по фактам хищения культурных ценностей;
- совместное согласованное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
- взаимный обмен информацией в процессе расследования;
- помощь в правовой оценке имеющейся оперативной информации;
- участие в совместных совещаниях с обсуждением достигнутых результатов, имеющейся информации, версий и т. п.;
- совместные выезды в служебные командировки для производства процессуальных действий;
- совместная оценка качества и полноты собранных оперативных материалов для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Взаимодействие следователя с предприятиями, учреждениями, организациями с учетом специфики предмета преступного посягательства — культурных ценностей — подразумевает, как правило, консультационно-справочную помощь этих субъектов, а также случаи производства некоторых судебных экспертиз, которые не проводятся экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел. То есть в данном случае взаимодействие трансформируется в использование процессуальной и непроцессуальной форм специальных знаний.

При этом процессуальная форма взаимодействия предусматривает:

- привлечение представителей этих учреждений для участия в следственных действиях как специалистов;
- получение заключения специалиста;
- назначение и производство судебных экспертиз;
- допрос специалиста, эксперта по обстоятельствам, касающимся вопросов проведения ими исследования и экспертизы соответственно.

Непроцессуальная форма — как правило, консультации со специалистами по вопросам, требующим специальных знаний; справочная деятельность таких лиц; обучение правилам обращения с культурными ценностями.

СМИ — следующий важный субъект, взаимодействие с которым может принести значительную пользу расследованию. Такая польза обусловлена самим названием указанных средств — «массовой» информации, то есть доносимой до неопределенно широкого круга воспринимающей эту информацию аудитории.

Переоценить помощь СМИ в расследовании сложно. Оперативно оповещенная о факте хищения ценностей общественность, сотрудники иных ведомств могут помочь следствию в установлении личности и местонахождения преступников, места хранения похищенных ценностей; предотвратить вывоз ценностей за границу.

Для этого следователю, руководству следственного подразделения во взаимодействии с подразделениями по взаимодействию со СМИ территориального органа Министерства внутренних дел России по субъекту Российской Федерации необходимо дать информацию в новостные программы, печатные издания, новостные агрегаторы сети Интернет о факте и обстоятельствах совершенного хищения, приметах преступников, описание и изображение похищенных ценностей.

При взаимодействии с перечисленными субъектами следователю для повышения эффективности такой деятельности и расследования в целом необходимо помнить о соблюдении основополагающих принципов взаимодействия:

- согласованности деятельности, ее плановости;
- обязательности соблюдения установленной компетенции субъектов взаимодействия;
- взаимной оперативной информированности о результатах деятельности субъектов взаимодействия.

Список основных источников

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон, 2000. 334 с. [Вернуться к статье](#)

2. Танкевич О. В. Профессиональное взаимодействие следователя с органами дознания. Гродно : ГрГУ, 2003. 115 с. [Вернуться к статье](#)

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

О. В. Борисова

*преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАВЕДЕНИЕ СПРАВОК» ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Значительный рост немедицинского употребления и распространения наркотических средств и психотропных веществ самым пагубным образом сказывается на физическом и психическом здоровье нации, что, в свою очередь, представляет серьезную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации. Данный процесс связан в первую очередь с увеличением масштабов нелегального оборота наркотиков, психотропных и других одурманивающих веществ, а также формированием рынка наркотиков в сети Интернет.

Прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ (далее — прекурсоры) — вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [1, ст. 219].

Контроль за оборотом прекурсоров является главной задачей государства в противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Политика государства в данной сфере преследует цель снижения криминализации общественных отношений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, что невозможно без ограничения доступа к прекурсорам для использования их в деятельности лабораторий по производству наркотиков.

Выявление преступлений, предметом которых являются прекурсоры, чаще всего происходит при документировании незаконного производства

наркотических средств, но этот способ не следует считать единственным. В вопросе противодействия незаконному производству наркотических средств крайне важным элементом является предупреждение и пресечение преступной деятельности. Так, выявление и перекрытие каналов поступления прекурсоров наркотических средств будет являться непосредственной мерой предупреждения и пресечения незаконного производства наркотиков.

Организация противодействия оперативными подразделениями Министерства внутренних дел России незаконному обороту прекурсоров обеспечивается путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, основной целью которых является выявление и закрепление фактических данных, которые можно использовать в качестве доказательств при раскрытии преступлений.

Следует понимать, что статьи, предметом которых являются прекурсоры, применяются с учетом Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681, Список IV которого включает в себя 3 таблицы прекурсоров: с применением особых мер контроля (Таблица I), с применением общих мер контроля (Таблица II), с исключением некоторых мер контроля (Таблица III) [2]. Меры контроля закреплены Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [1] и реализуются многими подразделениями государственных органов Российской Федерации, что в совокупности должно устранить почву для преступных проявлений в данной сфере, однако количество выявляемых фактов незаконного производства наркотиков постоянно растет, как мелких, «кухонных», так и крупных химических производств, которые постоянно снабжаются из незаконного оборота прекурсоров.

Специфической особенностью преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом прекурсоров, является свободная продажа прекурсоров (Список II, III) гражданам различными фирмами, предприятиями и интернет-магазинами химических веществ. Это создает удобство маскировки преступных действий под правомерные операции. Указанные нормативные требования активно используются лицами, распространяющими прекурсоры, которые сознательно занижают концентрацию сбываемых прекурсоров (реально либо фиктивно, указывая соответствующие сведения в товаросопроводительных документах, объявлениях о продаже либо на упаковке).

Одним из эффективных способов поиска и подтверждения фактических данных о преступлениях является оперативно-розыскное мероприятие «Наведение справок» [3]. Данное мероприятие может осуществляться путем

направления запросов в организации, которые являются продавцами химической продукции.

Запросы могут оформляться на получение информации:

- о конкретных фактах заказа и поставки химических веществ, способах их получения (самовывоз, курьерская доставка, «почтаматы»);
- о поставщике химических веществ;
- о заказчиках и покупателях химических веществ.

Также необходимо установить организации, занимающие лидирующее положение в сфере торговли лабораторным оборудованием, химическими реактивами и прекурсорами, которые могут использоваться криминальными элементами в незаконном производстве (изготовлении) наркотических средств и психотропных веществ, также осуществляющие деятельность по доставке грузов (отправлений), в том числе зарубежных.

Дополнительным способом проведения оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» может являться выявление эпизодов преступной деятельности и установление причастности лиц к незаконному обороту прекурсоров с использованием автоматизированных информационных систем, создаваемых органами внутренних дел для работы и мониторинга преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Еще одним способом получения информации может являться мониторинг сети Интернет, в том числе и закрытый сегмент DarkNet с использованием возможностей оперативного подразделения.

Обозначенные особенности оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, указывают на то, что данная сфера остается актуальной и требует выработки современных мер, направленных на успешное решение поставленных задач.

Можно сделать вывод о том, что обозначенные в статье особенности оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» в сфере незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ нужно постоянно учитывать, что обусловливается высокой долей невыявления подобных преступлений в общей структуре преступных деяний. Основные силы и средства оперативных подразделений направлены на выявление незаконного производства и сбыта наркотических средств, при этом незаконный оборот прекурсоров считается лишь инструментом для их выявления или даже лишней тратой времени и усилий в связи с необходимостью установления каналов поступления химических веществ при расследовании установленных фактов незаконного наркопроизводства. Данный подход необходимо скорректировать

в направлении важности устранения каналов поставок прекурсоров наркотических средств для предупреждения и пресечения незаконного изготовления, т. е. действовать на опережение преступных замыслов и недопущение организации незаконного производства наркотиков.

Список основных источников

1. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс] : 8 янв. 1998 г., № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 10 дек. 1997 г. : одобр. Советом Федерации 24 дек. 1997 г. : в ред. Федер. закона от 28.04.2023 г. № 169-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 30 июня 1998 г., № 681. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

Ю. В. Контемирова*доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности**и специальной техники**Волгоградской академии МВД России,**кандидат юридических наук*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопрос о защите жизни, прав и свобод человека в прошлом, настоящем и будущем всегда будет оставаться актуальным. С момента провозглашения Российской Федерации правовым государством данная проблема приобрела государственные масштабы, в связи с чем нашему государству в рамках деятельности системы правоохранительных органов потребовалось выработать такую совокупность способов и методов работы, которые в своей взаимосвязи улучшали бы эффективность работы ее сотрудников. Так, в рамках вышеуказанной деятельности был разработан ряд мероприятий, направленных на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [1]. На языке права их можно объединить в одну общую дефиницию «оперативно-розыскная деятельность» (далее — ОРД).

Решение задач ОРД ее субъектами осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), перечень которых содержится в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [2].

Не умаляя важности проведения каждого ОРМ, в целях решения задач ОРД свое внимание мы остановим на отождествлении личности, т. к. при его проведении требуются специальные познания.

Правоохранительные органы, приступая к расследованию конкретного преступления, ставят перед собой ряд как общих, так и частных задач, вытекающих из ОРД, решение которых в большинстве случаев практически невозможно без установления личности причастных к противоправной деятельности лиц. Самый действенный способ установить личность представляющего определенный оперативный интерес лица — получить точную информацию о его анкетных данных, однако это далеко не всегда возможно и чаще всего

для предупреждения, выявления, раскрытия преступлений, розыска лиц необходимо осуществлять комплекс ОРМ, которые в большинстве случаев предполагают отождествление личности [2].

Так, Е. С. Дубоносов сущность отождествления личности в ОРД раскрывает как установление и идентификацию личности проверяемого по различным признакам (отпечаткам пальцев, внешности, запаховым следам и следам, оставленным на месте происшествия, и др.) [3].

Отождествление личности в ОРД осуществляется по различным признакам, которые, по мнению авторов научно-практического комментария к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», делятся на две группы: статические (отпечатки пальцев рук, состав крови и слюны, запаховые следы, следы обуви и др.) и динамические (походка, жесты, мимика, манера речи) [4]. Из двух представленных групп наиболее часто сотрудники правоохранительных органов прибегают именно к первой, поскольку она позволяет наиболее точно установить фактические обстоятельства дела и выяснить личность подозреваемого.

Особенность статистических методов отождествления личности заключается в том, что информация, полученная в ходе их применения, может быть реализована в большинстве своем только посредством экспертиз, поскольку без их проведения отождествление конкретной личности с полученными в ходе расследования отпечатками, кровью, слюной и т. д. практически невозможно.

В этой связи правоохранительные органы прибегают к помощи эксперта-криминалиста, выступающего незаменимой фигурой в ходе проведения данного мероприятия.

Как известно, в рассматриваемом нами аспекте эксперт является независимым лицом, основная обязанность которого — проведение различного рода экспертиз, выводы которых строятся на собственных знаниях и профессиональном опыте эксперта, выносимых им от своего имени и под свою ответственность. Однако, несмотря на то, что эксперт-криминалист выступает неподконтрольной фигурой, деятельность его не может уходить за рамки действующего законодательства, а следовательно, круг его обязанностей определен такими нормативно-правовыми актами, как Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также в некоторой степени Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, определяющим его статус в качестве содействующего лица.

К числу экспертиз, которые проводит эксперт-криминалист, относятся:

- дактилоскопическая экспертиза;
- портретная экспертиза;

- молекулярно-генетическая экспертиза;
- почерковедческая экспертиза;
- баллистическая экспертиза и ряд других.

Разберем более подробно, на основе каких экспертиз чаще всего проводится отождествление личности.

Безусловно, наиболее часто проводимой экспертизой в рамках отождествления личности будет трасологическая (дактилоскопическая). В силу того, что человеку посредством рук постоянно приходится вступать в контакт с окружающими его предметами, на них остается потожировое вещество, выступающее в качестве следа. В этой связи оставленные на месте преступления отпечатки представляют собой важную информацию для следствия и необходимый материал для проведения дактилоскопической экспертизы. Поскольку папиллярный узор является индивидуально-определенным элементом, он представляется особенно ценным объектом, фигурирующим в мероприятиях по отождествлению личности, однако его прямое сопоставление с предполагаемой личностью невозможно без участия эксперта.

Следующее исследование, которое необходимо затронуть — это портретная экспертиза. С помощью нее эксперт-криминалист устанавливает пол и возраст изображенного на фото- или видеоносителе человека, впоследствии идентифицируя его с конкретной личностью. В данном случае может встать вопрос о необходимости проведения такого рода экспертизы, поскольку следователь, внимательно проанализировав фотографии, также может определить, схожи ли лица на представленных ему материалах. Однако в данном случае такого рода исследование решает более широкий ряд вопросов, чем простое соотношение изображений. Эксперт-криминалист в рамках портретной экспертизы посредством известных ему методов в силах установить, принадлежит ли череп неопознанного трупа изображенному на фотографии человеку. Более того, сегодняшние возможности позволяют эксперту установить вероятность кровного родства между разными лицами, изображенными на фото. К такому роду исследования прибегают при невозможности проведения молекулярно-генетической экспертизы, которую также необходимо затронуть в рамках нашего исследования.

Молекулярно-генетическая экспертиза относится к числу наиболее часто проводимых и достоверных исследований, поскольку полученные в ходе ее проведения результаты с большой точностью позволяют определить «хозяина» поступившего объекта. Наиболее часто назначение данной экспертизы происходит в уголовных делах, связанных с телесными повреждениями, убийством и изнасилованием, а также при идентификации неопознанных и расчлененных

трупов, подмене, похищении детей, установлении отцовства [5]. Объектами данной экспертизы являются кровь, сперма, слюна, волосы, костно-мышечные ткани и т. д., то есть те составляющие человеческого организма, которые содержат ДНК.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что роль эксперта-криминалиста, рассматриваемая в аспекте оперативно-розыскной деятельности, достаточно объемна и важна. Несмотря на то, что на первый взгляд из-за узконаправленного круга деятельности можно подумать, что эксперт выступает в качестве содействующего элемента в данном направлении деятельности правоохранительных органов наравне с переводчиком или же специалистом, проанализировав круг его полномочий в данной деятельности, можно сделать совершенно другой вывод. Эксперт-криминалист — это неотъемлемый участник ОРД. Будучи владельцем специальных знаний, только он сможет предоставить наиболее достоверную информацию для отождествления личности посредством проводимых экспертиз, оказав при этом помощь правоохранительным органам.

Список основных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 12 авг. 1995 г., № 144-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.12.2022 г. № 638-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Ховавко С. М. Формы отождествления личности в оперативно-розыскной деятельности // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2021. № 3 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-otozhdestvleniya-lichnosti-v-operativno-rozysknoy-deyatelnosti> (дата обращения: 21.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. для вузов / под ред. проф. Е. С. Дубоносова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 442 с. [Вернуться к статье](#)
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М., 2021. С. 37. [Вернуться к статье](#)
5. Бородулин В. Б., Родионова М. П. Применение молекулярно-генетических методов в раскрытии преступлений [Электронный ресурс] // Информационная безопасность регионов. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-molekulyarno-geneticheskikh-metodov-v-raskrytii-prestupleniy> (дата обращения: 21.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

Н. Г. Корнаухова

*заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

Я. Р. Реент

*преподаватель цикла
Центра профессиональной подготовки УМВД России
по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре*

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Развитие цифровой экономики не только открывает новые возможности для общества и государства, но и вооружает злоумышленников новыми средствами совершения преступлений, а также создает дополнительные угрозы для различных сфер общественной жизни. В настоящее время, в связи со сложной эпидемиологической обстановкой в стране, вынужденный переход на дистанционный режим работы во многих сферах спровоцировал увеличение числа преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее — ПСИИКТ). Появились новые возможности совершения этих преступлений. Соответственно, возникли очередные угрозы для глобальных информационных сетей и общества в целом [1, с. 259].

Согласно данным, представленным Министерством внутренних дел России, в 2023 году сохраняется тенденция к увеличению количества — на 29,2 % — противоправных деяний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Больше совершено краж и мошенничеств. Раскрываемость киберпреступлений составила 29,9 %, в том числе совершенных с использованием сети Интернет — 28,8 % [2]. При этом не следует забывать о высоком уровне латентности данной категории преступлений, и очевидно, что их реальное количество значительно превышает официальную статистику. В этой связи можно заключить, что одновременно с развитием информационных технологий и стремлением государства к глобальной цифровизации различных сфер общественной жизни в данном случае прогресс равно совершенствует инструменты совершения противоправных деяний, тем самым отражаясь на увеличении их количества.

На сегодняшний день развитие информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) достигло того уровня, при котором значительное количество сфер жизни стало невозможным без использования последних. В правовом смысле это значит, что понятие ПСИИКТ весьма широкое и включает в себя все больше и больше составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации [3]. Зачастую в территориальных подразделениях подход к квалификации рассматриваемой категории преступлений остается довольно узким и ограничивается такими преступлениями, как мошенничество и кражи, которые были совершены с использованием ИКТ. Однако не следует забывать, что проблема уголовно-правовых рисков имеет более масштабное основание.

В настоящее время с использованием ИКТ могут совершаться преступления, объективная сторона которых непосредственно включает действия, связанные с распространением информации. Таковыми могут являться публичные призывы к осуществлению террористической либо экстремистской деятельности, клевета, возбуждение ненависти и вражды, унижение человеческого достоинства и другие.

Безусловно, повсеместная цифровизация общества сопряжена с ростом числа уголовно-правовых рисков практически во всех сферах общественной жизни. Однако не стоит забывать, что развитие ИКТ не только влечет за собой увеличение роста отдельно взятой категории преступлений, но и при правильно выстроенном организационно-методическом обеспечении значительно облегчает их выявление и раскрытие. Действительно, при грамотном подходе, использование ИКТ позволяет относительно быстро фиксировать доказательства, а сеть Интернет выступает эффективным инструментом для решения вопроса быстрого взаимодействия между подразделениями и органами, осуществляющими дознание по данной категории дел.

Несмотря на развитие и увеличение возможностей для пресечения и раскрытия ПСИИКТ, большинство исследователей склонны считать, что превентивные меры являются наиболее эффективным способом борьбы с киберпреступлениями.

Неуклонный рост количества ПСИИКТ, совершенствование преступных схем и многоступенчатость используемых при их совершении механизмов сокрытия, изменения действующего законодательства и складывающейся следственной и судебной практики требуют постоянного повышения квалификации и профессионализма сотрудников оперативных подразделений, которые не всегда достаточны для качественного выявления и раскрытия указанной категории преступлений [4, с. 20].

На сегодняшний день не существует четкого определения такого явления, как ПСИИКТ, или, как их еще принято называть, киберпреступления. В научном сообществе они в широком смысле обозначены как общественно опасные деяния, посягающие, помимо компьютерных систем, на иные объекты, к основным из которых относятся: национальная и мировая безопасность (кибертерроризм), имущество, имущественные права индивидов и их коллективных образований (это и кражи, и мошенничество, совершенные посредством компьютерных систем или в киберпространстве, а также посягательства на авторские права (плагиат и киберпиратство), на личную безопасность (явления кибербуллинга и секстинга, груминга и троллинга) [5, с. 17].

Противодействие преступлениям в данной сфере имеет ряд проблемных аспектов. Во-первых, это, как правило, недостаточная компетентность должностных лиц, занимающихся выявлением и раскрытием киберпреступлений. Очевидно, что эта проблема берет свои истоки в требованиях к гражданам при приеме на работу в МВД Российской Федерации. Как мы знаем, предпочтение в этом случае отдается лицам, имеющим юридическое образование. Согласно статистическим данным, в Министерстве служат менее 5 % лиц, имеющих специальное техническое образование. Еще меньше сотрудников имеют образование по специальности «Информационные технологии и вычислительная техника». Очевидно, что вероятность выявления и раскрытия киберпреступлений лицом из вышеуказанной категории ничтожно мала.

Другой проблемой, на которой следует акцентировать внимание, является несвоевременность выявления преступлений данного вида, и, как следствие, позднее начало активных действий по их раскрытию, в связи с чем ряд важных доказательств утрачивается. Это обусловлено тем, что потерпевшие от таких преступлений зачастую обращаются в правоохранительные органы через весьма продолжительный период времени, когда злоумышленники успевают скрыть следы своей деятельности.

Еще один аспект, который необходимо выделить, это отсутствие физического места происшествия или, если быть точнее, практическая невозможность его установления. Здесь следует отметить, что чаще всего местом преступления по данной категории преступлений является киберпространство и для его определения требуется ряд технических и теоретических знаний.

Что же касается назначения компьютерно-технических экспертиз, то и здесь имеются некоторые проблемы. Ввиду большой загруженности государственных судебно-экспертных учреждений результаты экспертизы возвращаются с большим опозданием, что не может не сказываться негативно на результатах работы, т. к. на момент исследования многие доказательства либо

утрачены, либо теряют свою актуальность. Также нельзя не затронуть проблему постановки грамотных вопросов эксперту, от которых напрямую зависит результат, полнота и полезность полученной доказательственной базы. Зачастую возникают некоторые затруднения с техническими терминами, отсутствием специальных знаний в этой сфере, которые, несомненно, вызваны отсутствием практики раскрытия этой категории дел.

Таким образом, полагаем, что с целью нивелирования киберугроз и более эффективного противодействия киберпреступности необходимы: совершенствование законодательства и правоприменительной практики; виктимологическая профилактика [6, с. 106]; правовая, информационная грамотность населения; профессиональная подготовка и переподготовка сотрудников правоохранительных органов в сфере информационных технологий.

Список основных источников

1. Трофимова Д. Н., Базавлуцкая С. В. Киберпреступность в Российской Федерации: пути предупреждения // Молодой ученый : междунар. науч. журн. 2020. Вып. 15 (305). Казань, 2020. С. 259–261. [Вернуться к статье](#)
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2023 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/42989123/> (дата обращения: 24.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 04.08.2023 № 413-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Диденко К. В. Некоторые проблемы выявления и предупреждения киберпреступлений // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России. Вып. 3. Белгород : БелЮИ МВД России, 2020. С. 20–24. [Вернуться к статье](#)
5. МIRONЧИК А. С., СУСЛОПАРОВ А. В. Хищения в электронной среде как разновидность информационных преступлений: проблемы разграничения и квалификации // Юрид. исслед. 2019. № 9. С. 17–30. [Вернуться к статье](#)
6. Клишков В. Б., Стебенева Е. В., Яковлева М. А. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 106–114. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

Е. А. Лаппо*начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности**факультета милиции**Могилевского института МВД Республики Беларусь,**кандидат юридических наук, доцент*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ СИТУАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Оперативно-розыскные ситуации как явление длительное время выступают предметом исследования как отечественных, так и зарубежных исследователей в области оперативно-розыскной деятельности. Анализ существующих точек зрения позволяет сделать вывод о том, что все они базируются на совокупности признаков рассматриваемого явления в контексте восприятия их уполномоченным субъектом (сотрудником оперативного подразделения) как в процессе выявления и раскрытия конкретного преступления, так и при осуществлении оперативного обслуживания при выявлении лиц, фактов и явлений, представляющих оперативный интерес.

Таким образом, оперативно-розыскная ситуация характеризуется некоторой величиной информационной определенности в конкретный момент времени, детерминируя принятие соответствующего решения оперативным сотрудником. Структура процесса раскрытия преступления преступной деятельности, представляющая собой информационную систему, состоит из совокупности информационных блоков, к которым в полной мере применимы процедуры анализа и оценки оперативным сотрудником, в соответствии с критериями относимости, допустимости, достоверности и достаточности с целью принятия определенных тактических решений.

Следовательно, на основе известных фактов и обстоятельств оперативный сотрудник, действуя в условиях профессионального риска, должен обеспечить качественный их анализ и определить их соответствие типовым оперативно-розыскным ситуациям путем прогнозирования возможных последствий, в том числе и негативных. Решение промежуточных и конечных задач в процессе анализа условий складывающейся оперативно-розыскной ситуации во многом зависит от связи с элементами оперативно-розыскной характеристики выявляемых, совершаемых, совершенных преступлений.

Несомненно, что в процессе осуществления противоборства с преступными проявлениями оперативный сотрудник должен руководствоваться

общими и специальными принципами оперативно-розыскной деятельности, в частности принципом наступательности. Указанная деятельность направлена на устранение информационной неопределенности в части получения информации о лицах, фактах и явлениях, представляющей оперативный интерес. Кроме того, полученные сведения могут быть использованы в уголовном процессе, при обеспечения оперативно-розыскных мероприятий, оказании профилактического воздействия на объект оперативной заинтересованности и т. д.

Уровень информационной определенности зависит от многих факторов, среди которых необходимо выделить источники поступления сведений о подготовке, совершении преступлений, выявлении лиц, склонных к их совершению. Ведь именно первоначальные сведения способствуют пониманию структуры оперативно-розыскной ситуации и составляющих ее элементов.

Как правило, объем имеющихся у оперативного сотрудника сведений о подготавливаемом, совершаемом либо совершенном преступлении определяет структуру оперативно-розыскной ситуации, перечень сил и средств оперативно-розыскной деятельности, приемов и способов, необходимых для решения возникающих задач по преодолению информационной неопределенности и противодействия со стороны объекта оперативной заинтересованности, адекватно складывающейся обстановке в конкретный момент времени.

В процессе раскрытия преступления перед сотрудником оперативного подразделения стоит первостепенная задача получения максимального объема оперативно-значимой информации о сущности произошедшего события, причинно-следственных связях и закономерностях возникновения тех либо иных последствий. Путем выдвижения оперативно-розыскных версий, их проверки оперативным путем обеспечивается переход от множества неизвестных к достоверному знанию.

Следовательно, множественность гипотез, возникающих на первоначальном этапе разрешения оперативно-розыскной ситуации, может быть устранена только путем получения дополнительной информации с использованием совокупности сил и средств оперативно-розыскной деятельности в процессе решения отдельных задач, возникающих при разрешении ситуации в целом. Оптимизация познавательного процесса расширяет предполагаемую информационную картину, способствует концентрации деятельности оперативных сотрудников на выявлении информации, представляющей оперативный интерес, упорядочивает алгоритм принятия управленческих решений в процессе раскрытия преступления.

Содержание проводимых оперативным сотрудником оперативно-розыскных и иных мероприятий в процессе устранения информационной

неопределенности и фиксация полученных сведений в материалах оперативно-розыскной деятельности позволяют создать массив данных, характеризующийся совокупностью качественных признаков и количественных показателей и позволяющий установить и изобличить лицо, подготавливающее, совершающее либо совершившее преступление, иные обстоятельства, необходимые для реализации целей оперативно-розыскной деятельности.

УДК 343.98

Н. В. Поляковская

*преподаватель кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Специфика и новизна преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, а также многообразие предметов, методов и способов преступных посягательств способствуют латентности данной группы преступлений, что создает определенные проблемы при их выявлении. В настоящее время задача выявления преступлений законодательно закреплена в качестве одной из основных задач правоохранительных органов Республики Беларусь. Анализ действующего законодательства и опыт практической деятельности позволяют сделать вывод о том, что выявление преступлений — неотъемлемая задача правоохранительных органов, которая выражается в поисково-познавательной деятельности уполномоченных на то субъектов, направленной на установление факта совершения преступления, а также поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. В то же время считаем целесообразным рассматривать разработку, изучение и совершенствование криминалистических средств и методов выявления преступлений в качестве специальной задачи науки криминалистики. И как следствие существования указанной специальной задачи криминалистики возникает необходимость создания и разработки теории криминалистического обеспечения выявления преступлений в целях повышения эффективности внедрения и использования криминалистических рекомендаций, приемов, методов и средств выявления преступлений.

В структуру криминалистического обеспечения будем включать:

- криминалистические знания о выявлении различных преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, основывающихся на общих положениях криминалистики, криминалистической технике, тактике и методике;
- криминалистическое образование;
- методическое обеспечение.

Криминалистические знания, как известно, воплощены в двух формах: фундаментальных и прикладных знаний. Фундаментальные криминалистические знания — общая теория криминалистики и частные теории и учения. Прикладные криминалистические знания — научные рекомендации, криминалистические приемы и технологии, тактические комплексы, частные криминалистические методики, технико-криминалистические средства. Криминалистические знания развиваются в тесном взаимодействии с другими отраслями научного знания, в этом проявляется один из законов развития криминалистики: дифференциации и интеграции научного знания.

Криминалистическое образование представляет собой систему мер, направленных на выработку и совершенствование у сотрудников правоохранительных органов умений использования криминалистических знаний, методов и средств криминалистики в целях выявления преступлений и решения иных оперативно-служебных задач. Криминалистическое образование является связующим элементом между наукой криминалистикой и практикой выявления преступлений, при этом оно обеспечивает внедрение криминалистических знаний в деятельность правоохранительных органов.

Национальным законодательством установлено, что образование — это обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на интеллектуальное, духовно-нравственное, творческое, физическое и профессиональное развитие личности, удовлетворение ее образовательных потребностей и интересов, а также совокупность приобретенных знаний, умений, навыков и компетенций определенного объема и сложности. Безусловно, в систему криминалистического обеспечения входит не вся система образования, а только те криминалистические знания, которые в процессе предоставления обучающимся трансформируются в элемент профессиональных. От качества криминалистических знаний напрямую зависит уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, в том числе сотрудников, в чьи обязанности входит противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, что, в свою очередь, влияет на эффективность выявления данных преступлений.

В Республике Беларусь криминалистическое образование главным образом получают в процессе изучения учебной дисциплины «Криминалистика» в процессе обучения в высших учебных заведениях по специальностям юридического профиля. После получения высшего образования первой ступени (бакалавриат) есть возможность продолжить обучение на второй ступени (магистратура) высшего образования. Также получить криминалистическое образование возможно при поступлении на службу в органы внутренних дел

в рамках первоначальной подготовки, а затем пройти переподготовку. В целях повышения профессионального уровня сотрудников и совершенствования знаний и навыков в выявлении преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, в ведомственных учреждениях образования организовано повышение квалификации. В учреждениях образования для успешного освоения программ учебных дисциплин имеются учебно-методические кабинеты, оснащенные современными техническими средствами и криминалистической техникой, позволяющими обучающимся овладевать умениями и навыками, необходимыми для работы. Также в рамках практических занятий используются возможности компьютерных и криминалистических полигонов.

Самообразование и проведение занятий по служебной подготовке в практических подразделениях являются важными компонентами криминалистического образования. Для обеспечения эффективности проводимых занятий в рамках служебной подготовки привлекаются наиболее подготовленные сотрудники территориальных подразделений органов внутренних дел, профессорско-преподавательский состав ведомственных учреждений образований, а также сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и Следственного комитета Республики Беларусь.

Полагаем, что для подготовки сотрудников подразделений, в обязанности которых входит выявление преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, особенно актуально постоянное совершенствование образовательного процесса, внедрение инновационных педагогических решений и технологий, в том числе интерактивных и дистанционных. Одним из таких новых методов обучения является case-study, который основан на разборе конкретной ситуации из практики. Например, может моделироваться ситуация хищения путем модификации компьютерной информации, либо разбираться в рамках занятий конкретное уголовное дело, с целью отработки теоретических знаний и формирования практических навыков в сфере выявления преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. Использование данного метода будет способствовать успешному освоению образовательной программы и развитию аналитических способностей.

Таким образом, криминалистическое образование является важнейшим элементом структуры криминалистического обеспечения выявления преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, связывая при этом криминалистическую науку и практику. Получить криминалистическое образование возможно в результате освоения учебной программы первой и второй ступени высшего образования, переподготовки, повышения квалификации, самообразования и в рамках служебной подготовки.

УДК 343.9

М. Ю. Тарасова*доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности**и специальной техники**Волгоградской академии МВД России,**кандидат юридических наук*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

На современном этапе борьбы с преступностью важнейшей задачей является обеспечение грамотной процессуальной и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в незыблемой целостности и слаженности двух данных элементов. Следует отметить, что, несмотря на единую цель и заинтересованность в успешных результатах совместной работы и взаимодействия, следственные подразделения и подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, довольно специфичны, как в правовой регламентации своей деятельности, так и в подборе тактик и теоретической концепции. Разнотипность тактик и способов решения задач в деятельности данных подразделений неизбежно приводит к расхождениям при выработке совместных решений, а вместе с тем к промедлению в действиях, направленных на раскрытие и расследование преступлений. Данное послабление, в свою очередь, благоприятствует преступным лицам в реализации своих замыслов и сокрытии следов преступлений. В своей совокупности данные факторы подчеркивают актуальность исследования взаимодействия оперативных и следственных подразделений с целью дальнейшего разрешения проблем, выявленных в механизме взаимодействия этих органов.

Среди основных направлений, по которым осуществляется взаимодействие, можно выделить следующие:

- стадия проверки сообщения о готовящемся, совершенном или совершающемся преступлении;
- анализ результатов ОРД и других мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела;
- планирование совместной деятельности;
- анализ результатов следственных действий, их сопоставление с имеющимися результатами ОРД.

Указанные направления реализуются как в процессуальной, так и в непроцессуальной (организационной) форме. Процессуальная форма предполагает обязательное документирование действий сотрудников, организационная форма — наоборот, характеризуется менее формальным взаимодействием, осуществляется поиск наиболее выигрышных решений, тактик, предполагает тесное «дружеское» общение сотрудников. На данном этапе межличностные отношения сотрудников часто выступают проблемой, особенно при взаимодействии молодых сотрудников, не имеющих большого опыта взаимодействия между подразделениями. Амбиции следователя, наделенного правом отдания поручений и организацией процесса расследования, и самолюбие оперуполномоченного, наделенного правом осуществления засекреченных мероприятий, участие в которых и осведомленность о них не всегда доступны следователю, не должны сказываться на совместной работе. Важно, чтобы сотрудники понимали, что служат одной цели. Хорошо налаженное рациональное сотрудничество — залог успешного расследования преступлений и противодействия преступному миру.

Проблему недоверительных межличностных отношений следователя и оперуполномоченного поднимает в своих трудах В. Н. Карагодин, считающий, что «низким уровнем профессиональной подготовки обладают сотрудники органов оперативно-розыскной деятельности, довольно слабо к тому же ориентированные и относительно требований уголовно-процессуального законодательства» [1, с. 6–7], с чьим мнением можно согласиться лишь отчасти. Оперативные сотрудники в большинстве своем в обязательном порядке тщательно изучают значительный массив нормативно-правовой информации, исследуют судебную практику. Кроме того, контроль руководителя подразделения, предварительное обсуждение первоначальной информации и консультативные совещания с курирующим прокурором также обеспечивают соответствующую правовую подготовку сотрудников. В этой связи неуместно привязывать стереотип неквалифицированности сотрудников к определенному подразделению, а тем более рассматривать как проблему взаимодействия.

Наиболее важной и распространенной процессуальной формой взаимодействия рассматриваемых подразделений является поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Проблемой реализации данной формы взаимодействия является отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации регламентации срока исполнения поручения следователя, за нарушение которого или неисполнение поручения в целом была бы предусмотрена ответственность. Полагаю, целесообразно было бы признать право следователя самостоятельно определять срок исполнения отдаваемого им

поручения, естественно с учетом обоснованного мнения органа дознания, которому адресовано поручение; закрепить данную норму в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в части порядка исполнения поручения, а также разграничения полномочий следователя и обязанностей оперуполномоченного.

Кроме того, проблемой является непосредственно качество структуры поручения, а также качество его исполнения. Структура поручений на практике — это ряд клише о необходимости установить «местонахождение похищенного имущества», «установить лиц, причастных к совершению преступления», «отработать лиц, состоящих на учете за совершение аналогичных преступлений» и прочие неконкретные фразы. Формализм поручения порождает формализм его исполнения, который, в свою очередь, зачастую включает не менее обобщенные фразы, например: «установить свидетелей преступления не представлялось возможным». Одним словом — «ответ из кабинета». Решению данной проблемы может способствовать следование тому принципу, что следователь должен более детально обрабатывать описательную часть поручения с указанием желательного направления в выборе тактики, более предметного определения задач и предоставления наиболее полной информации об интересующем факте совершения преступления. В свою очередь, оперуполномоченного можно обязать предоставлять промежуточные отчеты в свободной форме о проделанной работе по исполнению поручения.

В процессе взаимного информирования на практике существует проблема предоставления результатов ОРД оперативными подразделениями следователю. Несмотря на желательность максимальной полноты предоставляемой оперативниками информации, не все сведения подлежат предоставлению следователю. Вопрос объема предоставляемой следователю информации является дискуссионным.

С. Д. Долгинов считает, что «право следователя на ознакомление с оперативными материалами нельзя рассматривать как право на обязательное предоставление ему таких материалов. Только оперативный работник вправе решать этот вопрос» [2, с. 110]. Целесообразно считать, что минимальным объемом предоставляемой информации являются сведения, достаточные для возбуждения уголовного дела. Однако и этот вопрос не урегулирован законодательно, а понятие достаточности является субъективным. По нашему мнению, оперативным сотрудникам следует максимально полно, насколько это позволяет закон, и если он не нарушает интересы других, знакомить следователя с результатами оперативно-розыскной деятельности, ведь исключительно при таких условиях следователь имеет возможность всестороннее анализировать

имеющиеся данные для дальнейшей выработки наиболее эффективного плана расследования.

Наконец, планирование при взаимодействии следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел имеет важное значение. В данном случае трудно не согласиться с позицией М. С. Строговича, который отмечает, что «бесплановое следствие — это не следствие, а бесполезное блуждание по фактам и событиям, на которые следователь случайно наталкивается и которые он не может ни связать, ни объяснить» [3, с. 72]. Однако на практике взаимодействия в расследовании преступлений роль планирования значительно умалывается: сотрудники следственных и оперативных подразделений не видят рациональности в составлении совместных планов, при работе он нередко выступает «обузой» взаимодействия. Решением данной проблемы может быть отмена обязательности наличия совместного плана расследования, поскольку данная организационная мера лишь нагромождает сотрудников бессмысленной дополнительной волокитой.

Подводя итоги, следует отметить, что проблемы взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел — это дискуссионная тема, которая включает множество задач, решать которые еще предстоит. Разработка решений выявленных проблем — это работа не только в сфере налаживания межличностных отношений сотрудников, но и выход на новый уровень в нормативной регламентации такого взаимодействия. Несмотря на высокий уровень развитости данной темы, разработка теории и законодательства по данному вопросу еще требует совершенствования.

Список основных источников

1. Карагодин В. Н. Следователь как руководитель процесса раскрытия преступления // Российский следователь. 2015. № 24. С. 6–9. [Вернуться к статье](#)
2. Долгинов С. Д. Некоторые проблемы взаимодействия следствия и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами // Актуальные проблемы теории и практики взаимодействия подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступностью : материалы межвуз. науч.-практ. конф. / Челяб. юрид. ин-т МВД России ; редкол.: В. Б. Дмитрин (пред.) [и др.]. Челябинск : Челябинск, 1998. С. 110. [Вернуться к статье](#)
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 2. М., 1970. 516 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.102

П. М. Титов

*временно исполняющий обязанности начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЧНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Высокая значимость проблемы государственной защиты прав личности в оперативно-розыскной деятельности обуславливает стабильный интерес к данной тематике со стороны исследователей. Объем научных публикаций, посвященных защите прав личности в оперативно-розыскной деятельности, весьма значителен, что свидетельствует о востребованности темы в теоретических и практических целях.

Права и свободы личности, в том числе и безопасность персональных данных, что на сегодняшний день является актуальным вопросом, охраняются и защищаются как нормами конституционного права России, так и всеми отраслями законодательства антикриминального цикла (оперативно-розыскным, уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным).

Как следует из статей 2, 15, 18 Конституции Российской Федерации и детализирующих эти нормы статей 1–5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее — Закон об ОРД), оперативно-розыскная деятельность осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Данная деятельность обеспечивает решение задач, предусмотренных ст. 2 Закона об ОРД. При выполнении задач предполагается соблюдение ряда принципов, в том числе конспирации, сочетание гласных и негласных методов и средств. Это является спецификой оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскная деятельность воплощается в оперативно-розыскных мероприятиях. Оперативно-розыскная деятельность, помимо оперативно-розыскных мероприятий, имеет и иные формы реализации и внешнего проявления. Однако для целей уголовного судопроизводства именно оперативно-розыскные мероприятия представляют собой наиболее важный с содержательной точки зрения сегмент оперативно-розыскной деятельности, поскольку в доказывании по уголовным делам могут использоваться именно

результаты оперативно-розыскного мероприятия. Оперативно-розыскные мероприятия обладают высоким информативным потенциалом, поскольку в ходе их проведения зачастую фиксируются сведения, характеризующие непосредственно процесс совершения преступления, а также иные обстоятельства, подлежащие установлению в рамках уголовного судопроизводства. Довольно часто эти сведения невозможно выявить путем производства следственных действий. Было бы непростительно не использовать информацию, полученную в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, в уголовно-процессуальном доказывании [2, с. 34].

Следует отметить, что в Законе об ОРД оперативно-розыскные мероприятия только названы, однако содержание их не раскрыто даже в самом обобщенном виде. Детальная регламентация порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществляется в ведомственных нормативных актах оперативно-розыскных органов, в основном имеющих грифы «секретно» и «совершенно секретно».

Как известно, оперативно-розыскные отношения достаточно специфичны и характеризуются сложным субъектным составом. В связи с этим всех участников таких отношений считаем необходимым подразделить на определенные группы.

В первую группу предположительно можно включить:

- а) граждан, которые стали жертвами преступной деятельности и обратились за защитой в оперативно-розыскной орган;
- б) граждан, представляющих оперативный интерес в связи с тем, что имеется информация об их причастности к преступной деятельности;
- в) лица, обладающие определенной оперативно-значимой информацией, получить которую возможно лишь посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- г) безвестно пропавшие граждане, в отношении которых ведутся розыскные мероприятия.

Во вторую группу следовало бы включить оперативно-розыскные органы и проходящих в них службу соответствующих должностных лиц.

В третью группу, на наш взгляд, входят должностные лица и граждане, которые взаимодействуют с сотрудниками оперативных подразделений в осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

В четвертую группу можно включить контролирующие и надзорные органы за оперативно-розыскной деятельностью (суд, прокуратура и др.), а также их должностных лиц, уполномоченных на такую деятельность.

Обязанности по осуществлению и обеспечению мер безопасности, а также по социально-правовой защите и обеспечению сохранности собранных персональных данных перечисленных участников оперативно-розыскной деятельности возлагаются соответственно на специальные подразделения правоохранительного органа, исходя из дел, находящихся в их производстве или отнесенных к их ведению, и на субъекты, контролирующие и надзирающие за оперативно-розыскной деятельностью.

Представляется, что термин «безопасность» исходя из контекста оперативно-розыскной деятельности можно отразить таким образом: под безопасностью понимают такое состояние личности, при котором осуществляется свободное применение всех прав, предусмотренных законодательством.

Защищенность — это равноуровневые правовые проявления, входящие в систему государственной защиты, которая обеспечивает реализацию прав личности, в том числе личных имущественных, и их безопасность от преступных посягательств с помощью специальных средств оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскное законодательство, воплощая в жизнь императивные требования норм конституционного и международного права, осуществляет функции обеспечения и защиты прав и свобод человека.

Обеспечение неотъемлемых прав и свобод есть их гарантирование, т. е. создание условий для беспрепятственной реализации этих прав и свобод со стороны государства. В оперативно-розыскной сфере это возможно путем неукоснительного соблюдения положений законодательства об оперативно-розыскной деятельности, а также ведомственных нормативных актов, регламентирующих основания и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

Призванные регламентировать эффективную процедуру реализации прав и свобод человека оперативно-розыскные нормы могут и должны, на наш взгляд, предусматривать более широкий, дифференцированный комплекс мер защиты, нежели это определено в нормах конституционного и международного права.

Представляется, что защита прав личности в оперативно-розыскной деятельности — это установленный законодательством в области оперативно-розыскной деятельности и иными нормативно-правовыми актами порядок правоотношений субъектов оперативно-розыскной деятельности, обеспечивающий безопасность, восстановление социальной справедливости и нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, порядок государственной защиты прав личности в оперативно-розыскной деятельности — это регламентированная соответствующими нормами права деятельность уполномоченных субъектов по обеспечению реализации прав и обязанностей участников оперативно-розыскной деятельности, предусмотренных законодательством, предполагающая использование совокупности средств, методов, способов их реализации и применения в целях создания гарантий такой защиты, восстановления законности и социальной справедливости.

Объектом государственной защиты в оперативно-розыскной деятельности являются права, свободы и законные интересы личности, нарушенные преступлением или неправомерными действиями должностных лиц оперативно-розыскных органов.

Недостаточно изученным в теории оперативно-розыскной деятельности является вопрос о месте правозащитных норм оперативно-розыскной деятельности в системе формирующегося и вместе с тем реально функционирующего оперативно-розыскного права и его подсистеме (подотрасли) — оперативно-розыском процессе.

В теории оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыском законодательстве до настоящего времени не сформировались соответствующие подсистемы (подотрасли), содержащие нормы, регламентирующие вопросы обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Многочисленные правовые средства, предназначенные для защиты прав и свобод, находятся в различных нормативных актах, не взаимосвязанных между собой. Порой они излишне обособленны и противоречивы. Все это ведет к проблемам в реализации норм в практической деятельности, что может привести к нарушению законодательства.

Представляется, что данная статья может послужить отправной точкой для более подробного исследования обозначенных проблемных аспектов и дискуссий в рамках научно-представительных мероприятий.

Список основных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 12 авг. 1995 г., № 144-ФЗ : в ред. от 29.12.2022 г. № 638-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2020. 344 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.102

П. М. Титов

*временно исполняющий обязанности начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На рубеже 90-х годов XX века законодатель серьезно подошел к решению вопроса, который касался обеспечения верховенства закона, в том числе сближения российской правовой системы с международной. И такой шаг предполагал создание института судебного контроля. Тогда попыткой предпринять какие-либо действия в этом направлении стала судебная реформа, касающаяся установления судебного контроля за применением мер процессуального принуждения, чтобы можно было обжаловать неправомерные действия со стороны должностных лиц, которые допустили это. Не стала исключением и оперативно-розыскная деятельность. То есть целью законодателя было также установление судебного контроля за действиями лиц, которые наделены полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность, чтобы имелась возможность обжаловать в судебном порядке противозаконные действия в случае нарушения прав.

И если рассматривать роль судебного контроля, то она, бесспорно, важна. Ведь так в современной действительности судебный контроль осуществляется в уголовном процессе и, конечно, в оперативно-розыскной деятельности. Но вопрос, затрагивающий пределы, по сей день считается актуальным и подлежит дискуссии. Представители данных отраслей не могут прийти к единому мнению.

В Федеральном законе Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) [1] содержится понятие судебного контроля, представляющего собой деятельность судей соответственного уровня. Исходя из уровня судей будет осуществляться проверка соответствия Закону об ОРД, направленная на рассмотрение действий оперативно-розыскных органов, принимающих те или иные решения. Назначение будет заключаться в вопросах, затрагивающих законность и обоснованность принятого

(принятых) решений, а также на то, насколько полно осуществлена защита прав и интересов гражданина.

Если мы обратимся к перечню действий, который установил суд, то первое, на что обратим внимание, — это проведение оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан. Только на основании судебного решения можно провести данные оперативно-розыскные мероприятия. И лицу, которое будет осуществлять их, необходимо иметь судебное решение. Встречается ряд проблем при использовании негласных, а также конспиративных методов.

Так, проведя анализ нормативно-правовых актов, можно отметить, что только в статье 20 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» есть упоминание об осуществлении судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью, даже представлен перечень субъектов, которые могут его осуществлять.

Главная задача, которая возложена на судебную власть, — это защита прав и законных интересов человека, общества, государства, юридических лиц, независимо от их организационно-правовых форм. Неважно, с чьей стороны будут осуществляться незаконные действия (со стороны государственных органов или со стороны граждан), но задача должна быть выполнена.

Права, которые непосредственно должен защищать судебный контроль в оперативно-розыскной деятельности, находят отражение как в Конституции Российской Федерации, так и в Законе об ОРД. Так, выделяется специальная норма, а именно ст. 9 Закона об ОРД, где установлены основания и тот порядок, который предусматривает, какие материалы в суде можно рассматривать, а какие нет. Но до сих пор у судей остаются вопросы по поводу регламентации. И поэтому уже в ходе процесса им приходится решать данную задачу.

Так, изначально оперативно-розыскное мероприятие можно провести без судебного решения. Но без судебного решения оно будет недействительным и, как правило, будет являться недопустимым доказательством, если не будет соответствующей процедуры по получению судебного решения. Но существует мнение о том, что данная процедура формальна. То есть суд без какой-либо проверки дает разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

При принятии того или иного решения судья может истребовать необходимые материалы. И судьи должны быть осведомлены, каким образом осуществляется деятельность правоохранительных органов, каким образом были обнаружены доказательства и как затрагиваются права и свободы граждан.

Без знания ведомственных нормативно-правовых актов судьи также не смогут принять решение.

Для решения такой задачи необходимо устранить пробел в федеральном законе, где будут указаны документы, которые надо представить в суд, и, соответственно, порядок подачи ходатайства в суд. В том числе мы рекомендуем указать критерии для судей, чтобы ими руководствоваться при оценке.

Если мы обратимся к общему правилу, то ходатайство, подаваемое органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, будут рассматриваться судьей единолично. То есть это касается ходатайств, ограничивающих конституционные права граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. И порядок этой процедуры не является противоречащим Конституции Российской Федерации.

Еще один аспект, который оставлен без внимания, — это реализация полномочий по инициативе заинтересованных лиц, то есть тех органов, от кого поступило ходатайство. И если будет выявлено таким лицом, что есть нарушения, то самостоятельно оно не сможет урегулировать данный вопрос.

Таким образом, хотелось бы подвести итоги и предложить устранить пробел в законодательстве, касающийся того, что нет процедуры, где можно было бы пересмотреть и обжаловать судебные постановления. При этом данные постановления могут и не отвечать законности, обоснованности и мотивированности. Поэтому нами предлагается внести изменения и добавить таких судей, которые смогли бы заниматься исключительно функцией судебного контроля в оперативно-розыскной деятельности.

Список основных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 12 авг. 1995 г., № 144-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.12.2022 г. № 638-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Бахур О. И.</i> Новеллы в Уголовном кодексе Беларуси, предусматривающие усиление ответственности для лиц, совершивших половые преступления в отношении детей	7
<i>Воспякова О. Ф.</i> Культурный геноцид в контексте геноцида белорусского народа	10
<i>Вульвач Р. С.</i> Уголовно-правовые аспекты штрафа: перспективы совершенствования	13
<i>Голятина С. М.</i> Инфоцыганство: новый вид старого мошенничества?	17
<i>Грузинский Д. В.</i> Зарождение и становление института уголовно-правовой охраны сотрудников правоохранительных органов	20
<i>Духовник Ю. Е., Меерсон В. Р.</i> Размер как количественный признак составов преступлений: вопросы его определения и пути совершенствования	24
<i>Ермакова О. В., Ермаков С. В.</i> Проблемы понимания длящихся преступлений	28
<i>Ибатуллина Д. М.</i> Особенности отграничения присвоения и растраты от смежных составов	31
<i>Казанцева М. Б.</i> Понятие насилия в российском уголовном праве	35
<i>Ковальчук А. В.</i> Критерии малозначительности деяний, связанных с умышленным повреждением чужого имущества в условиях неочевидности	39
<i>Козелецкая Н. И.</i> Проблемные вопросы квалификации развратных действий в отношении несовершеннолетних	42
<i>Колосович М. С.</i> Реестр лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, как альтернатива радикальным мерам предупреждения названной преступности	45
<i>Краснова К. А.</i> Уголовно-правовое противодействие национально-культурному геноциду	49
<i>Малышев К. С.</i> Особенности уголовно-правовой оценки предмета составов преступлений, предусмотренных ст. 207 ¹ , 207 ² и 207 ³ Уголовного кодекса Российской Федерации	52
<i>Обернихина О. В.</i> Современные проблемы применения норм об обратной силе уголовного закона	55

<i>Пушко Н. В.</i> Имплементация системы гарантийных фондов как дополнительного средства уголовно-правовой защиты прав работников при несостоятельности субъекта хозяйствования	58
<i>Реутская Е. А.</i> Общественная опасность как основополагающий признак преступления.....	61
<i>Рябцева Л. А.</i> Публичное демонстрирование нацистской символики или атрибутики в виде татуировки как форма преступного поведения	64
<i>Суверов С. Е.</i> Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступления, предусмотренного ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	68
<i>Сулимов М. А.</i> О месте норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану в сфере спорта, в структуре Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь	71
<i>Фризен П. Д.</i> Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации).....	74
<i>Шилёнок Е. Д.</i> Некоторые вопросы противодействия торговле людьми.....	77

КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Басханов А. М.</i> Кибербуллинг: криминологическая характеристика личности преступника	80
<i>Вишневская Т. И.</i> Обеспечение виктимологической безопасности пожилых людей — приоритетная задача каждого государства	83
<i>Данькова И. В.</i> Криминологическая и психолого-педагогическая характеристика личности несовершеннолетнего правонарушителя	86
<i>Демидова И. А.</i> Законность как параметр правовой культуры общества	90
<i>Дрозд А. Н.</i> Правовые средства противодействия сниффингу	93
<i>Поликов К. Б.</i> Проблемы осуществления комплексного анализа состояния оперативной обстановки и результатов оперативно-служебной деятельности	97
<i>Пустовойт Е. С.</i> Криминологическое значение гармонизации антинаркотического законодательства государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности	101
<i>Рамазанов А. В.</i> К вопросу о влиянии права на теневую экономику	104
<i>Ревягин А. В.</i> Профилактика преступлений, оставшихся нераскрытыми, как парадигма обеспечения криминологической безопасности.....	107
<i>Стальбовский В. В.</i> Маска нормальности педофила.....	112

<i>Сычева А. В.</i> К вопросу о способах совершения мошенничеств посредством метода социальной инженерии	116
<i>Тарасова Л. Я.</i> Комплексный анализ сопутствующих факторов, приводящих к дорожно-транспортным происшествиям: текущее состояние и перспективы	119
<i>Теохаров А. К.</i> Способы легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем.....	121
<i>Тепляшин П. В.</i> «Северная» подгруппа государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности (криминологический аспект).....	125
<i>Терещенко Т. Г.</i> Противодействие коррупции: решения на основе статистического анализа.....	128
<i>Шайкова М. В.</i> Детерминанты вхождения несовершеннолетних в деструктивные группы.....	132
<i>Шалагин А. Е.</i> Приоритетные направления предупреждения преступлений на современном этапе	136
<i>Шикагасов А. И.</i> Состояние алкогольного опьянения как фактор повышенной общественной опасности преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.....	140
<i>Яковчик Д. В.</i> Криминологическое профилирование личности — перспективное направление в науке криминологии.....	144

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Александров А. С.</i> Некоторые особенности исполнения и отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.....	147
<i>Витовская Е. С.</i> Наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, и некоторые вопросы практики их исполнения	150
<i>Терешенко Е. Г.</i> Роль лишения свободы и оценка эффективности его исполнения в период 1930–1940-х гг. в БССР	153
<i>Тимохина М. А.</i> О применении системы электронного мониторинга в отношении осужденных к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа.....	156
<i>Тит А. А., Жабский В. А.</i> О восстановительном правосудии в Республике Беларусь и Российской Федерации.....	160
<i>Шаченок Д. А.</i> Вопросы социальной адаптации лиц, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении	164
<i>Щербаков А. В.</i> Отдельные законодательные меры по предупреждению и пресечению дезорганизации деятельности исправительных учреждений	168

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Абрамова Н. Г.</i> Проблемы судебного доказывания с участием осужденных.....	174
<i>Николаева Т. Г., Елагина Е. В.</i> Многоаспектность языка уголовного судопроизводства	178
<i>Политыко О. Е.</i> Особенности производства некоторых следственных действий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.....	182

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Гайдин А. И.</i> Особенности организации и проведения тактических операций по установлению лиц, причастных к совершению преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.....	186
<i>Головко И. И.</i> Противодействие преступности правовыми средствами прокурора, вступившего в дело в арбитражном суде.....	190
<i>Григорович В. Л., Ходасевич А. В.</i> Проведение обыска при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации.....	194
<i>Данькова Т. Н.</i> О некоторых вопросах проведения выемки по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями.....	198
<i>Евдохова Л. Н.</i> Постановка экспертных задач при производстве судебно-товароведческих экспертиз партий пищевого сырья	201
<i>Елфимов П. В.</i> Проблемы противодействия преступлениям, связанным с использованием взрывных устройств	204
<i>Ефременко Н. В.</i> Цифровая рукописная биометрическая подпись как новый объект криминалистического исследования	208
<i>Климова Я. А.</i> Специфика расследования преступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта	212
<i>Кубышкина Н. Н., Попов В. А.</i> К вопросу перспектив развития криминалистической техники	216
<i>Непеин Г. Г.</i> К вопросу о предмете криминалистической превенции.....	219
<i>Панченя Д. Н.</i> Совершенствование профессиональной подготовки судебных экспертов-волоковедов в Республике Беларусь	222
<i>Пацкевич А. П.</i> Криминалистическая версия как основа планирования расследования преступлений	226
<i>Пашута И. В.</i> Виды криминалистически значимой информации, содержащейся в сотовом (мобильном) телефоне.....	230

<i>Пашута Н. Н.</i> О некоторых вопросах проведения тактических операций при разрешении материалов по заявлениям или сообщениям о преступлениях.....	233
<i>Попов В. А., Владимиров Д. М.</i> Криминалистическое обеспечение расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых в цифровом пространстве	237
<i>Решняк О. А.</i> Планирование расследования мошенничеств, совершаемых с использованием социальных сетей	240
<i>Свиридов Д. А.</i> К вопросу о цифровых следах по делам о преступлениях, связанных с экономической деятельностью	244
<i>Серова Е. Б.</i> Возможности использования метода моделирования при поддержании государственного обвинения	247
<i>Соловьев О. Д., Горбачева А. В.</i> Экспертные исследования по определению стоимости реализации древесины	250
<i>Холопов А. В.</i> К вопросу о наглядности результатов экспертных исследований.....	253
<i>Чернышев Д. Б.</i> Особенности выявления признаков деятельности финансовой пирамиды путем анализа бухгалтерской отчетности организации.....	257
<i>Шнейдерова Д. И.</i> Обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делам о хищениях в сфере оборота криптовалют	261
<i>Янин С. А., Алексеев А. П.</i> Взаимодействие следователя с иными субъектами в ходе расследования хищений культурных ценностей.....	264

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Борисова О. В.</i> Некоторые особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств.....	268
<i>Контемирова Ю. В.</i> Использование специальных знаний при отождествлении личности в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности	272
<i>Корнаухова Н. Г., Реент Я. Р.</i> Киберпреступность: проблемы выявления и раскрытия на современном этапе	276
<i>Лаппо Е. А.</i> Оперативно-розыскная ситуация в контексте информационной определенности.....	280
<i>Поляковская Н. В.</i> Криминалистическое образование в структуре криминалистического обеспечения выявления преступлений, совершенных с использованием информационных технологий	283

<i>Тарасова М. Ю.</i> О некоторых особенностях взаимодействия следователя и оперативного сотрудника органов внутренних дел.....	286
<i>Титов П. М.</i> Государственная защита прав личности в оперативно-розыскной деятельности.....	290
<i>Титов П. М.</i> Осуществление судебного контроля в оперативно-розыскной деятельности.....	294

[Вернуться к статьям](#)

[Вернуться на титульный экран издания](#)